

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ОГПУ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1923—1930 гг.)

Алексей Анатольевич ГЛАДКИХ,

аспирант Благовещенского государственного педагогического университета

В ноябре 1922 г. после восстановления на Дальнем Востоке советской власти органы Главного управления государственной политической охраны Дальневосточной республики были преобразованы в губернские, уездные, пограничные и особые органы ГПУ¹. В июле 1923 г. приказом ГПУ № 315/СС сформирован отдел погранохраны ГПУ СССР, призванный решать все задачи, связанные с охраной границ. Возглавил его заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт².

15 ноября 1923 г. «в целях объединения революционных усилий республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом» было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР, которое руководило работой ГПУ союзных республик, подведомственных им особых отделов военных округов, фронтов и армий, органов ГПУ на железнодорожных и водных путях сообщений и их местных органов, организацией охраны границы СССР³.

28 марта 1924 г. ЦИК СССР образовал при ОГПУ Особое совещание и утвердил «Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключений в концентрационный лагерь». Оно касалось людей, причастных к контрреволюционной деятельности, шпионажу, контрабанде, переходу границ без соответствующего разрешения, спекуляции золотом и валютой⁴.

Основными направлениями работы ОГПУ стали борьба с подрывной деятельностью белоэмигрантских центров и иностранных разведок, выявление, изучение организационных структур оппозиционных партий, пресечение антисоветских действий внутренней контрреволюции, освещение политической деятельности иностранных государств и их правительств, выявление их намерений в отношении России (контрразведывательный, особый и иностранный отделы ОГПУ), борьба с экономическими преступлениями (Экономическое управление ОГПУ) и бандитизмом. Кроме того, органы ОГПУ занимались организацией охраны важнейших объектов промышленности и транспорта, борьбой с контрабандой и фальшивомонетчиками.

В это время формировались основы оперативной деятельности органов государственной безопасности, стали применяться такие эффективные методы работы, как перевербовка иностранных и белоэмигрантских агентов, дезинформация и агентурное проникновение в различные структуры и организации противника. Этому способствовала деятельность секретного Отдела международных связей (ОМС) Коминтерна, созданного для организации подпольной работы за границей во главе с И.А. Пятницким.

После гражданской войны и иностранной интервенции значительная масса российских эмигрантов сосредоточилась в Китае, прежде всего в таких крупных городах, как Шанхай и Харбин. В конце октября — начале ноября 1922 г. на тер-

риторию Маньчжурии, Южного Китая и Кореи перебрались многочисленные контингенты белогвардейских войск⁵.

В начале 1920-х годов российскими эмигрантами было создано свыше 100 различных общественных, политических и профессиональных организаций: Российский общевоинский союз (РОВС), Дальневосточный корпус русских добровольцев, партия младоросов, «Союз мушкетеров» и др., основной задачей которых являлась борьба с коммунистическим режимом в СССР. В 1921 г. на территории ДВР был создан Дальневосточный союз русских журналистов, который в Маньчжурии объединился с обществом «Русское патристическое и славянское братство», а позднее стал филиалом «Братства русской правды» — монархической организации, объединявшей черносотенные элементы русской эмиграции и ставившей своей задачей борьбу с советской властью путем диверсий.

Особенно активно в антисоветской деятельности проявила себя созданная в Харбине в феврале 1924 г. организация «национально мыслящей молодежи» «Союз мушкетеров», основная цель которой сводилась к «...свержению советского правительства и установлению законной национальной власти на территории России». «Союз мушкетеров» принимал участие во время советско-китайского конфликта 1929 г. В 1931 г. китайские власти под давлением советского консульства запретили деятельность «мушкетеров», но после оккупации Японией Маньчжурии работа организации активизировалась, и к 1937 г. «Союз мушкетеров» состоял уже из 20 отрядов и 8 звеньев⁶.

Зимой 1922—1923 гг. вблизи границы Забайкалья готовились к активным действиям белогвардейские отряды Шильникова в количестве 1000 чел., банды Гордеева, Деревцова, Топоркова, Гладышева, Батмаева, Размахнина, Субботина и др. Перебрасывала к границе свои отряды белогвардейская Амурская военная организация — главный центр антисоветской деятельности в Амурской губернии. Ее руководитель генерал Сычев перенес штаб-квартиру в одну из китайских деревень, расположенную недалеко от с. Благословенного на советской стороне Амура. В этот же район перебрасывались подчиненные Сычеву отряды Рязанцева и Цветкова⁷.

В информационной сводке Дальбюро ЦК РКП(б) указывалось, что в сентябре 1924 г. в Благовещенском уезде белогвардейские агитаторы раздавали крестьянам прокламации с портретом великого князя Николая Николаевича, устраивали тайные собрания. Листовки о скором начале войны России с Китаем были обнаружены в июне — июле 1925 г. в Амурской и Забайкальской губерниях.

Пользуясь малочисленностью пограничных войск и частей Красной Армии в приграничных районах и получая крупные денежные суммы от империалистических держав, китайские милитаристы совместно с белогвардейскими контрреволюционными организациями постоянно устраивали на советской границе вооруженные провокации. Небольшим пограничным гарнизонам приходилось вести нелегкую борьбу с белокулацкими и китайскими бандитами.

Ультиматум Керзона в мае 1923 г., открыто сопровождавшийся угрозами новой интервенции, послужил толчком для развертывания деятельности белоэмигрантских организаций. В мае—июне 1923 г., во время разгула антисоветской кампании и империалистических провокаций, белобанды резко активизировали свою деятельность на советской территории.

Иностранная пресса писала о готовившемся военном походе против СССР. Зарубежные белогвардейские организации перешли от единичных случаев нарушения границы отдельными бандами и диверсионными группами к массовому забросу их на советскую территорию на протяжении всей дальневосточной границы.

Основной целью белобанд и связанной с ними белогвардейской агентуры являлась организация мятежей, т.е. массовой вооруженной борьбы с советской властью. Кулачество было опорой белобандитизма. В Благовещенском уезде Амурской губернии кулаки совместно с белогвардейцами подняли открытое вооруженное выступление.

Кулаки сосредоточивались в Тамбовской, Гильчинской, Николаевской, Песчано-Озерской и Ивановской волостях Благовещенского уезда. По данным отдела управления Амурского губревкома, в этих волостях зажиточные крестьяне составляли около 25%.

Зарубежные белогвардейские организации, готовя открытое выступление против советской власти, использовали период налоговой кампании для разжигания враждебных настроений среди амурского кулачества. Январское выступление 1924 г. в Амурской губернии было подготовлено «Амурской военной организацией» (АВО) во главе с генералом Сычевым, штаб которого находился в китайском пограничном г. Сахалине⁸.

АВО развернула в Благовещенском уезде (приграничная полоса) сеть своих ячеек. Она имела тесные связи с белогвардейскими кругами во главе с атаманом Семеновым. Решение о начале выступления было принято в декабре 1923 г. на совещании у генерала Сычева в г. Харбине с участием представителя атамана Семенова. «Амурская военная организация» перебросила через границу большую группу своих членов, бывших офицеров Амурского казачьего войска. Ранее организованные белоячейки вместе с вновь прибывшими агентами АВО начали интенсивную подготовку к выступлению, развернули вербовку амурского кулачества в ряды белоповстанческих групп. Белогвардейская агентура распространяла слухи о мнимом создании крупных повстанческих отрядов, обманом, а где и силой, запугивая крестьян, принуждала их вступать в белоячейки.

10 января 1924 года отдельные белокулацкие группы в Гильчинской (пограничной) волости открыто выступили с оружием в руках. Первые действия — уничтожение средств связи. Диверсионные группы спиливали телеграфные столбы, резали телефонные провода. 14 января был сожжен железнодорожный мост на ветке Бочкарево — Благовещенск, что вызвало крушение пассажирского поезда.

В ночь с 13 на 14 января 1924 г. непосредственный руководитель кулацкого выступления, назначенный «Амурской военной организацией» и атаманом Семеновым, есаул Маньков прибыл из Сахалина в с. Гильчин (40 км от Благовещенска) с бандой в 200 чел. для создания ядра белоповстанческой «Амурской армии». Он объявил мобилизацию бывших военнослужащих белых армий и офицеров до 45-летнего возраста. Одновременно штаб «Амурской военной организации» переправил в этот район из-за границы еще один отряд, сформированный из белоэмигрантов — бывших офицеров, возглавивших местные кулацкие отряды. Таким образом, основной костяк белоповстанцев составляли офицеры-белоэмигранты и кулаки. Маньков должен был создать базу в пограничной Гиль-

чинской волости, сформировать белоповстанческие части и развернуть наступление на запад и восток.

15 января 1924 г. кулацким выступлением были охвачены Гильчинская, Тамбовская, Николаевская и Ивановская волости Благовещенского уезда. Вооруженный кулацкий отряд в Козьмодемьяновской волости разгромил волисполком. К 18 января кулакам удалось захватить более 20 сел и деревень. Отсутствие в Благовещенском уезде необходимых частей Красной Армии не позволило командованию войск Амурской губернии немедленно ликвидировать разрастающийся мятеж.

Главарь кулацкого выступления шёл под политическими лозунгами: «Да здравствует Учредительное собрание!», «Долой коммунистов!». Над штабом «Амурской армии» и зданием «правительства» развивались трехцветные царские флаги, исполнялся царский гимн «Боже, царя храни».

Белокулацкие отряды уничтожали местный аппарат советской власти, беспощадно убивали коммунистов, комсомольцев, советских работников, крестьян-активистов, проявляя невероятную изощренность в придумывании пыток для попавших в их руки людей. По неполным данным, только в некоторых волостях Благовещенского уезда с 14 по 26 января 1924 г. было убито 30 советских работников. Ущерб, нанесенный Благовещенскому уезду во время кулацкого выступления, по предварительным подсчетам составил более 2 млн. руб. золотом⁹. На крестьянские хозяйства тяжким бременем легла потеря рабочих лошадей, особенно их угон за границу.

21 января 1924 г. к району мятежа подошли части Красной Армии. Продолжительного сопротивления белокулацкие отряды оказать не смогли. Первые стычки с наступающими частями Красной Армии повергли «Амурскую армию» в паническое бегство. Деморализация сразу же охватила белокулацкие отряды, которые в панике метались из деревни в деревню, разбиваясь на малочисленные группы. В ночь с 22 на 23 января 1924 г. юго-восточная группа вместе со штабом и «правительством» перешла через границу на китайскую сторону Амура. Северо-восточную группу частям Красной Армии удалось быстро охватить кольцом, постепенно его сжимая. Общие потери белокулацких отрядов составили около 300 убитых, около 1200 чел. взято в плен¹⁰.

Только за семь месяцев 1924 г. было зарегистрировано более 139 разбойных нападений на советские и партийные учреждения Дальнего Востока. Упорная борьба частей Красной Армии, ОГПУ и ЧОН с белобандами, враждебное отношение к ним крестьян давали свои результаты. В 1924—1926 гг. (по сравнению с 1922—1923 гг.) число крупных белобанд уменьшилось. Однако количество мелких шаяк преимущественно уголовного характера, часто менявших свои явки и при первом же столкновении уходивших на китайскую сторону, росло. Из отрядов, действовавших на Дальнем Востоке в январе 1924 г., было уничтожено и захвачено в плен 1362 чел., в результате к концу 1925 — началу 1926 г. повстанческое движение на Дальнем Востоке было ликвидировано¹¹.

В приказе полномочного представителя ОГПУ на Дальнем Востоке А.П. Альпова за № 148 от 27 июня 1925 г. говорилось: «В области начинает увеличиваться мелкий бандитизм. Из-за кордона вновь просачиваются незначительные белобандитские отряды. Есть основания ожидать усиления перехода бандами границ с определённой целью порчи путей сообщения, госсоружений и т.д. В целях

более успешной ликвидации бандитизма приказываю: ...Обнаруженные банды ликвидировать окончательно, не ограничиваясь их рассеиванием, распылением или отходом в другой район»¹².

Если в 1925 г. на Дальнем Востоке действовало 14 бандитских шаяк (в некоторых насчитывалось до 60 чел.), то к концу 1926 г. осталось всего 6 (численностью от 3 до 10 чел.). За год были ликвидированы 5 белобанд и 3 хунхузские шайки¹³.

В результате краха белокулацкое движение к 1926 г. преобразовалось в два течения: уголовный бандитизм, имевший целью добыть средства к существованию любыми способами, в том числе и путем сотрудничества с иностранными разведками, и прямого шпионажа по заданию иностранных разведок через внедрение подрывной агентурной сети и организацию диверсионных групп и отрядов на территории Сибири и Дальнего Востока.

Масштабы операций белобандитов в разных губерниях Дальнего Востока в 1921—1925 гг. менялись, но их цель оставалась неизменной. Она сводилась к попыткам разгромить низовой партийный и советский аппарат, расправиться с коммунистами и комсомольцами, проведению диверсий (взрывы железнодорожных мостов, тоннелей и полотна, уничтожение телеграфной и телефонной связи), грабежу имущества, принадлежавшего как государству, так и отдельным лицам, агитации против сдачи продовольственного налога, разворачиванию антисоветской пропаганды с широким использованием контрреволюционной литературы, издаваемой за границей.

Согласно справке информационного отдела ОГПУ «О кулацком терроре» за 1924—1927 гг. было зафиксировано 299 фактов террора¹⁴, в том числе в 1924 г. — 4, 1925 г. — 68, 1926—87, 1927—131.

За период с января 1926 по сентябрь 1927 г. жертвами террора стали:

Работники низового сов. аппарата		Их заместители		Селькоры		Члены ВКП(б), ВЛКСМ		Другие сов. элементы деревни		Всего	
1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.
12	7	—	1	6	1	44	90	25	32	87	131

Среди видов кулацкого террора отмечены:

Убийства		Ранения и избиения		Поджоги		Покушения, угрозы и другие виды террора		Всего	
1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.
10	4	27	20	5	7	45	100	87	131

Участниками террора были:

Кулаки		Середняки		Бедняки		Прочие	
1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.	1926 г.	1927 г.
94 (89,1%)	80 (55,2%)	23 (16,9%)	37 (25,5%)	19 (14%)	28 (19,3%)	27 (16,5%)	26 (15,3%)

Недостаточно продуманные методы сбора и доставки продналога на приемные пункты также вызвали недовольство крестьян и в некоторых случаях были одной из причин ухода в банды. Даже некоторые сельские коммунисты поддавались такому настроению. Зарубежная белогвардейщина рассчитывала срывом сбора налога не только подорвать финансовое положение края, но и поднять крестьян на борьбу с советской властью. Антианалоговая агитация велась в губерниях Дальнего Востока в течение всего восстановительного периода. В помощь кулакам Харбинский монархический центр через засылаемых бандитов, контрабандистов и конокрадов переправлял массу антисоветских листовок и брошюр с призывом не сдавать налог, добиваться свержения большевистской власти.

Рост активности кулачества и антисоветских элементов в приграничной полосе связан с деятельностью зарубежных белогвардейских группировок. Отмечены отдельные попытки последних наладить связи с антисоветскими элементами на советской территории путём соответствующей обработки контрабандистов и переходивших границу крестьян и внедрения к ним своих агентов. Распространялись зарубежные монархические листовки и антисоветская литература («Русская правда»), обращения к красноармейцам с призывом переходить на сторону интервентов.

Иногда агитация кулаков имела успех. В Хабаровском округе отмечен ряд случаев отказа середняков от уплаты недоимок по налогу и штрафов. В Амурском округе были случаи выхода комсомольцев из комячейки, во Владивостокском — детей из пионеротряда¹⁵.

Кроме борьбы с подрывной деятельностью иностранных разведок, белоэмигрантских центров и с бандитизмом органы ОГПУ занимались выявлением и пресечением фактов нарушения законности, в том числе и в своих рядах. Так, например, коллегией ОГПУ к 10 годам концлагерей был осуждён за «красный бандитизм» по ст. 106, ч. 2 сотрудник Амурского ОГПУ, начальник Черняевского погранотряда Н.Я. Альто-Кушко, отличившийся при ликвидации кулацкого восстания в Амурской губернии в 1924 г. и награждённый за ликвидацию хунхузской шайки маузером с надписью «За особую энергию, проявленную при ликвидации бандитизма в Амурской губернии в 1924 г.»¹⁶

Требования, предъявляемые к пограничной охране Дальнего Востока и местному населению, были высказаны в обращении полномочного представителя ОГПУ на Дальнем Востоке А.П. Альпова 25 июня 1925 г.: «...Пограничная охрана расположена по пограничным деревням среди крестьянства. Бороться с контрабандой как экономической, так и политической и с бандитизмом мы сумеем с большим успехом, когда местное население само проникнется важностью охраны наших границ и окажет содействие нам в нашей работе. А для этого нужно, чтобы население уважало пограничную охрану, знало, зачем поставлена эта охрана, какие задачи... и что она действительно защищает интересы всех трудящихся. Так ли это на самом деле? К сожалению, есть случаи, когда пограничники творят безобразия при обысках у населения, забирают то, что не полагается, пьянствуют, избивают арестованных, относятся с задором к населению, разыгрывают из себя начальство. В одном месте отмечен даже случай убийства крестьянина (Екатерино-Никольск)...

Отныне и навсегда требую от всей пограничной охраны налаживания правильных взаимоотношений с населением и умелого выполнения возложенных

задач по охране границы... Объявляю беспощадную борьбу с преступным элементом в погранохране. В каждом отдельном случае проявления незаконных действий будут караться по «всем строгостям законов Советской власти», лицо, совершающее эти действия, и начальник, коему он подчинен»¹⁷.

Обобщающие еженедельные информационные обзоры, составленные секретно-оперативной частью, строились как по территориальному, так и по тематическому признакам, к числу которых относились саботаж, экономическое и политическое состояние республики, бандитизм, деревенское хулиганство, политические партии, духовенство.

Как следует из докладной записки о хулиганстве в деревне начальника информационного отдела ОГПУ Прокофьева от 8 марта 1926 г., в ряде случаев можно было говорить о прямом использовании кулаками и зажиточными крестьянами своей молодёжи для борьбы против партийных и общественных организаций. Нередки случаи бытового и политического хулиганства и со стороны взрослого населения. В хулиганстве замечены как отдельные партийцы и комсомольцы, так и некоторые разложившиеся ячейки, при этом нужно иметь в виду, что каждый член ВКП(б) имел право на хранение и ношение оружия в количестве не более двух револьверов, а выдача разрешений на хранение оружия членам ВЛКСМ производилась по спискам, утверждённым РК и УК ВЛКСМ.

Наряду с бытовым хулиганством серьёзного внимания ОГПУ заслуживало и политическое, которое имело ярко выраженный антисоветский характер и граничило иногда с террором против селян, поддерживавших советскую власть.

В сложной и напряженной обстановке чекистские органы выполняли большую работу по обеспечению безопасности советского государства. Маньчжурия являлась крупной китайской провинцией с территорией 1 млн. 300 тыс. кв. км и населением 35 млн. чел. Протяженность советско-маньчжурской границы составляла 3,5 тыс. км. Это крупная сырьевая база: хлопок, шерсть, золото, уголь, железная и марганцевая руды, вольфрам. В случае начала военных действий и их успеха агрессор мог бы в короткий срок уничтожить важные советские коммуникации — Амурскую и Уссурийскую железные дороги — и отсечь советское Приморье.

С 1925 по 1928 г. число антисоветских вылазок превысило две тысячи. Эти провокации участились с 1927 г. Но самый опасный характер они приняли в 1929 г. Пограничные районы СССР подвергались опасности со стороны китайских солдат-налетчиков; артиллерийские обстрелы угрожали железнодорожному сообщению Дальнего Востока с западными районами страны, поскольку Транссибирская железная дорога в ряде мест проходит очень близко от государственной границы с Китаем.

Китайские бандиты организовали налет на советское генеральное консульство в Харбине, как в 1927 г. на советские дипломатические представительства в Пекине, Шанхае и Тяньцзине. Советское правительство решительно осудило произвол в ноте от 31 мая 1929 г., направленной нанкинскому правительству во главе с Чан Кайши. В ней подтверждалось, что СССР при всех обстоятельствах будет стремиться к сохранению и поддержанию дружбы с китайским народом.

Китайские власти не только не приняли во внимание предупреждения СССР, но и перешли к более грубым и вызывающим антисоветским акциям. 20 июля 1929 г. Чан Кайши по телеграфу обратился к армии с призывом бороться против СССР. Через два дня нанкинские власти опубликовали заявление, в котором

выступали за войну с Советским Союзом. Антисоветские провокации регулярных частей китайской армии приняли систематический характер: всего с июля до начала ноября 1929 г. было отмечено 245 обстрелов, совершено 42 нападения на территорию СССР. В результате вооруженных столкновений 56 советских граждан было убито и 118 ранено¹⁸.

10 июля осуществлено вооруженное нападение на управление КВЖД в Харбине, а также захват всей линии дороги от станции Маньчжурия в Забайкалье до станции Пограничной в Приморье. Были разгромлены профсоюзные и культурные учреждения советских граждан, работавших на КВЖД; более 200 из них арестованы. Одновременно вдоль всей советско-китайской границы, протянувшейся на несколько тысяч километров, стали в спешном порядке концентрироваться войска Чжан Сюэляна, вооруженные отряды белогвардейцев.

Правительство СССР изъявило готовность решить спровоцированный китайской стороной конфликт мирным путем и договориться по всему комплексу вопросов, связанных с КВЖД, при условии немедленного освобождения арестованных граждан СССР и отмены незаконных действий китайских властей. Однако китайская сторона продолжала вести дело к военному столкновению; вызывающие действия китайской стороны вынудили советское командование принять необходимые меры оборонительного характера.

18 августа 1929 г. у с. Полтавки китайские части и белогвардейские отряды вторглись на советскую территорию и, окружив погранзаставу (начальник И. Казак), пулеметным и артиллерийским огнем обстреливали ее в надежде принудить капитулировать. Однако воины-пограничники вместе с подошедшими на помощь подразделениями 2-й Приамурской стрелковой дивизии отбросили врага за пределы советской земли.

В связи с усиливавшейся угрозой вторжения более крупных китайских сил 6 августа 1929 г. Реввоенсовет СССР принял решение, санкционированное на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (особый протокол № 90 от 8 августа 1929 г.), об объединении вооруженных сил, расположенных на территории Дальнего Востока в «Особую Дальневосточную армию» (ОДВА). Ее командующим был назначен В.К. Блюхер¹⁹.

Явное нежелание китайских властей прислушаться к призыву СССР о прекращении провокаций на советско-китайской границе, которые становились все более частыми, вынудило ОДВА, пограничные силы и корабли Амурской военной флотилии дать решительный отпор. Первый удар был нанесен по базе противника Лахасусу (Тунцзян) в месте, где Сунгари впадает в Амур. Здесь был сосредоточен 22-тысячный гарнизон со средствами усиления. В течение нескольких часов 11 октября противник был выбит из города и отступил с большими потерями. К концу дня советские части покинули город.

Но китайцы стали подтягивать к границе новые, более крупные силы и грозили ворваться в Хабаровск, как только Амур замерзнет. В городе Фугдин (Фуцзинь) накапливались силы для нанесения удара по советским войскам. Командование ОДВА упредило китайский удар. 31 октября гарнизон Фугдина вместе с остатками Сунгарийской речной флотилии, разгромленной еще в Лахасусе, перестали существовать как организованная сила. Таким стремительным и неотразимым был удар кораблей Амурской военной флотилии и десанта из частей 2-й Приамурской стрелковой дивизии.

В середине ноября китайское командование направило большие силы в районы Забайкалья и Приморья, стремясь нащупать слабые места. Для развития успеха были подготовлены две крупные группировки войск, которые сосредоточились в районе городов Маньчжурия и Чжайлайнор в Забайкалье и в районе Мишаньфу — в Приморье.

Командование ОДВА во главе с В.К. Блюхером разработало план полного разгрома китайских группировок. В результате обходных маневров, рассечения неприятельских войск на изолированные части, стремительности действий и умело налаженного взаимодействия частей и соединений китайские войска были выбиты с занимаемых позиций и с большими потерями в живой силе и вооружении отступили из Мишаньфу, Маньчжурии и Чжайлайнора. Проведенная вслед за этим Хайларская наступательная операция войск ОДВА покончила с сопротивлением противника, несмотря на его численное превосходство.

22 декабря 1929 г. был подписан «Хабаровский протокол об урегулировании конфликта на КВЖД», в соответствии с пунктом 4 которого китайские власти должны были немедленно разоружить русские белогвардейские отряды и выслать из пределов трех восточных провинций их организаторов: П.Д. Макаренко, И.А. Пешкова, Н.П. Сахарова, К.П. Нечаева, Ф.Д. Назарова, И.Ф. Шильникова, В.В. Плотнокова, а также Д.Л. Хорвата и Б.В. Остроумова.

Ситуация на КВЖД, казалось бы, нормализовалась, однако после поражения китайцев в 1929 г. антисоветская деятельность белоэмигрантских организаций в 1930—1931 гг. только активизировалась. В сентябре 1930 г. в Пекине состоялось Дальневосточное совещание, которое провозгласило создание «Дальневосточного объединения эмиграции» и утвердило 16 сентября «Положение о Дальневосточном объединении эмиграции», одним из направлений деятельности которого была «подготовка борьбы за освобождение... Родины от власти коммунистов».

Напряженная обстановка на Дальнем Востоке предъявляла к чекистам повышенные требования. Они занимались сбором разведывательных данных о тенденциях, состоянии и планах антисоветской деятельности эмиграции, выявляли связи зарубежья, усиливали охрану границы, а также активизировали работу среди населения.

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ А. ГЛАДКИХ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Б.И. МУХАЧЕВА

К статье А.А. Гладких требуются некоторые пояснения. Крестьянские антисоветские выступления в 20-х годах связываются в основном с тяжестью уплаты налогов. Но не отмечено главное. Зажиточное крестьянство («кулаки») равноправное при ДВР, с восстановлением советской власти по Конституции РСФСР 1918 г. было лишено избирательных прав. В крае в 1923 г. началась избирательная кампания по выборам в Советы, но «кулаки» к ним не допускались. Для семей «лишенцев» это была большая трагедия. Вроде бы и за дело (эксплуататоры), но сегодня такие люди уже не враги. Да и в то время они были работодателями, ведущими образцовое сельское хозяйство.

Лишение политических прав — тяжелое оскорбление человека, и «кулачество» выступило в свою защиту, в частности за ведение крупного единоличного хозяйства, тем более в условиях нэпа.

Конечно, в борьбе за свои права зажиточные крестьяне прибегали к помощи и недобитых белогвардейцев, основавшихся в Китае, но, как говорят в народе, если прижмет, так свяжешься не только с чертом, но и с его бабушкой.

Вероятно, исходя из этих соображений, Президент Б.И. Ельцин издал Указ № 931 от 18 июня 1996 г. «О крестьянских восстаниях 1918—1922 годов». Крестьянские восстания, отраженные в статье А.А. Гладких, начались в 1923 г., но Указ Президента, безусловно, относится и к ним.

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О крестьянских восстаниях 1918—1922 годов

В целях восстановления исторической справедливости, законных прав граждан России, репрессированных в связи с обвинением в участии в крестьянских восстаниях 1918—1922 годов, и в соответствии с выводами Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий постановляю:

1. Осудить политические репрессии в отношении крестьян — участников восстаний 1918—1922 годов.
2. Признать нарушением основных прав человека и гражданина репрессии в отношении участников крестьянских восстаний 1918—1922 годов.
3. Установить, что крестьяне — участники восстаний 1918—1922 годов — не могут быть признаны участниками бандформирований в трактовке пункта «в» статьи 4 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий».
4. Признать детей, подвергавшихся репрессиям за участие их родителей в крестьянских восстаниях 1918—1922 годов, подлежащими реабилитации*.

¹ РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 592, л. 160—162.

² ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 522, с. 73—75.

³ Там же. Ф. 3316, оп. 12, д. 15, л. 33—35.

⁴ Там же. Ф. 3316, оп. 13, д. 2, л. 119—121.

⁵ Флеров В.С. Борьба с белобандитизмом на Дальнем Востоке (ноябрь 1922 — июль 1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1963. Вып. 1. С. 110.

⁶ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М., 2004. С. 182.

⁷ Флеров В.С. Борьба с белобандитизмом на Дальнем Востоке... С. 112.

⁸ Там же. С. 399.

⁹ Там же. С. 408.

¹⁰ Там же. С. 410.

¹¹ Стенографический отчет пленума Дальревкома. Хабаровск, 1925. С. 216.

¹² РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 295, л. 80—81.

¹³ Отчет Далькрайисполкома за 1925—1926 гг. С. 41.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 85, д. 289, л. 73—74.

¹⁵ Там же. Д. 170, л. 81, 190.

¹⁶ Там же. Л. 159.

¹⁷ Там же. Л. 32—34.

¹⁸ Там же. Л. 68—69.

¹⁹ Там же. Д. 169, л. 52—56.

SUMMARY: The postgraduate student of Blagoveschensk State university of Pedagogics, Aleksey Gladkih, reveals the activity of the Far East OGPU services in 1923—1930 in his article.

* Илин (журнал). Якутск, 1998. № 1. С. 1.

УДК 94(47).084

Сутормин Владимир Анатольевич

сотрудник Института береговой охраны
ФСБ России, г. Анапа
тел.: (961) 513-68-10

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МОРСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ ОГПУ В 1922–1932 ГГ.

Sutormin Vladimir Anatolievich

officer, Institute Coast Guard of
Russian Federal Security Service, Anapa
tel.: (961) 513-68-10

DEVELOPMENT COAST GUARD SYSTEM OF OGPU IN 1922–1932

Аннотация:

В публикации рассматриваются основные этапы развития системы советской морской пограничной охраны, формирования пограничных флотилий и соединений в составе ОГПУ, что позволило выявить особенности их обеспечения кораблями и катерами в 1922–1932 гг., оценить влияние проводимых реформ на развитие состава пограничных кораблей.

Ключевые слова:

морская пограничная охрана, пограничные корабли, флотилия, отряд, ОГПУ, влияние, развитие, обеспечение.

The summary:

The article examines the main stages in the development of the Soviet coast guard, forming the border flotillas and connections within the OGPU, which revealed the singularity of their support ships and boats in the 1922–1932 years. To assess the effect of the conductivity of reforms on the development of the guard-ships.

Keywords:

coast guard, cutters, flotilla, detachment, OGPU, impact, development, maintenance.

За четыре с половиной года, с марта 1918 г. до сентября 1922 г., пограничная охрана четырежды передавалась из ведомства в ведомство: с мая 1918 г. – в состав Наркомата по делам финансов, с июня 1918 г. – в Народный комиссариат торговли и промышленности, с июля 1919 г. – в подчинение Народного комиссариата по военным делам, с ноября 1920 г. – в ведение ВЧК, пока, наконец, в октябре 1921 г. не была расформирована совсем с передачей задач охраны и обороны границы частям армии и флота.

Переход к войсковой охране государственной границы регулярными частями Красной Армии в 1921 г. позволил в короткое время разгромить крупные вооруженные банды в приграничье. В связи с окончанием Гражданской войны и укреплением Советской власти, на основании постановления IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 г. и постановления ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР (с ноября 1923 г. – ОГПУ при СНК СССР), в числе задач которого была «охрана границы РСФСР и борьба с контрабандой» [1, с. 11].

К лету 1922 г. обстановка на границе изменилась. Враждебные действия против Советской России главным образом перешли к шпионажу, диверсиям мелкими группами, активной контрабанде. Для ведения борьбы в этих условиях нужны были войска со специальной подготовкой. Уже 10 мая 1922 г. на заседании Полномочного представительства и Управления войск ГПУ было принято решение о «возбуждении ходатайства о создании Отдельного корпуса пограничной стражи (ОПК), комплектование которого провести путем мобилизации старых пограничников» [2, с. 196].

Ходатайство ГПУ было признано целесообразным, и постановлением Совета Труда и Обороны от 27 сентября 1922 г. охрана «сухопутной и морской границ РСФСР во всех отношениях» передавалась в ведение ГПУ, для чего создавался Отдельный пограничный корпус войск ГПУ. Приказом ГПУ № 425 от 13 октября 1922 г. было утверждено «Положение об организации Отдельного пограничного корпуса войск ГПУ», которым, в частности, предусматривалось создание в составе корпуса речных и морских пограничных флотилий. 24 октября 1922 г. помощник Главкома по морским делам подписал приказ о передаче ГПУ судов Финско-Ладожского, Чудского, Черноморского, Каспийского и Северного отрядов судов охраны границы [3, с. 120].

Приказом войск ГПУ № 587/4 от 11 декабря 1922 г. для охраны морских границ предусматривалось создание четырех отрядов судов пограничной охраны (в Белом, Черном, Каспийском морях и Финском заливе) и двух флотилий (Псковско-Чудской и Амурской). Начальники отрядов судов и флотилий в оперативном отношении подчинялись соответствующим полномочным представителям ГПУ и начальникам контрразведывательных отделов соответствующих погранокругов [4, с. 150].

Приказом ГПУ № 5/1 от 2 января 1923 г. было утверждено Временное положение об организации управления кораблями и частями, входившими в состав флотилий ОПК. Этим приказом были созданы Северная, Финско-Ладожская, Черноморская и Каспийская флотилии. Однако обеспечение создаваемых морских частей судовым составом шло с трудом, значительная часть передаваемых погранохране судов требовали текущего и среднего ремонта, а некоторые и капитального. Вместо неисправных плавсредств часто направлялись другие, имеющиеся в наличии. По этой причине состав флотилий неоднократно изменялся.

В результате в состав Северной флотилии (включавшей Архангельский и Мурманский отряды) вошли: посыльное судно «Ярославна», сторожевые суда Т-3, Т-5, Т-15, Т-21, Т-23, Т-24, катера МИ-12, МИ-13, РИ-5, РИ-6, а также Служба наблюдения и связи: южное отделение в Архангельске (4 наблюдательных поста и 3 радиостанции) и северное отделение в Мурманске (6 наблюдательных постов и 4 радиостанции).

Финско-Ладожская флотилия с Финским и Ладожским отрядами включала: сторожевые суда «Копчик», «Коршун», «Руслан», «Черноморский № 2», «Ижора», «Илим»; пароход «Пламя»; паровые катера «Ясный», «Особый», «Пограничник», «Ниспосланный» и № 7; моторные катера «Орленок», «Дельфин», «Зиновьев», «Льдинка», «Мечта»; и Чудской отряд в составе: моторные катера «Коммунист», «Полярная звезда», «Победа», № 6, 8, 10, 15, 16; сторожевые катера «Ильич», «Вега».

Черноморская флотилия с Одесским, Севастопольским, Новороссийским и Батумским отрядами в 1923 году имела: сторожевые суда «Ястреб», «Светлана», катера «Оля», «Летучий», «Лихой», «Дельный», «Жаркий», «Живучий», «Завидный», «Пронзительный», «Прочный», «Прыткий», «Пылкий», «Урицкий», СК-13, «Тифлис» и «Батум», мотофелюги «Алла Эмонет», «Аслан», «Валюта».

Каспийская флотилия с Бакинским и Красноводским отрядами получила: сторожевые суда «Куница», «Ласка», «Хорек», «Выдра», посыльное судно «Али Байрамов», а также катера № 301 и «Счастливый». Входившие ранее в ее состав канонерские лодки № 308, 309, 310, 311 были исключены из состава каспийских пограничных судов и отправлены по железной дороге в Петроград.

Во главе каждой флотилии назначался начальник, который в «административно-техническом отношении» подчинялся непосредственно помощнику начальника штаба войск ГПУ по морской части, а в оперативном отношении начальнику войск соответствующего пограничного округа. Общая численность судового состава флотилий ОПК составляла 64 единицы [5, л. 17]. При этом на каждое судно, включая маломерные катера, приходился участок границы от 27,2 км на Финско-Ладожском участке до 85,7 км на Каспийском море. Из-за недостаточного количества судового состава и, особенно, горючего, морпогранохрана была не в состоянии обеспечить постоянную дозорную службу в море. Имевшиеся корабли и катера в этот период выходили на границу, как правило, только по оперативной необходимости [6, л. 17].

Приказом Полномочного представительства ГПУ по Дальнему Востоку от 4 января 1923 г. были определены «Построение и порядок охраны границы на Дальнем Востоке», но формирование частей морской пограничной охраны на Тихом океане затянулось в связи с отсутствием судов, пригодных для несения службы. С весны 1923 г. к охране границы на Тихом океане приступил только сторожевой корабль «Красный вымпел» [7, с. 62].

Приказом ГПУ № 289/30 от 19 мая 1923 г. для охраны Афганской границы по р. Амударья был образован Амударьинский пограничный отряд судов, который укомплектовали 4 моторными катерами [8, л. 18].

Таким образом, во второй половине 1923 г. организационно и юридически была оформлена определенная структура пограничной охраны СССР как специальных войск, предназначенных для решения специфических задач по охране государственной границы. В этот же период в основном были завершены и организационные мероприятия по созданию морской пограничной охраны.

Структура морпогранохраны в составе флотилий просуществовала менее года. Правительство и руководство госбезопасности считали, что флотилии не в состоянии самостоятельно организовать охрану морских границ СССР. 12 октября 1923 г. был издан приказ ГПУ № 418, которым Северная, Балтийская, Каспийская флотилии переподчинялись Полномочным представителям ГПУ регионов. Черноморская флотилия расформировывалась, вместо нее создавались 4 отдельных отряда судов погранохраны, непосредственно подчиненных представителям ГПУ соответствующих округов. Согласно приказу, состав морских частей сокращался, значительная часть кораблей и катеров, полученных пограничниками от флота, возвращалась обратно. Был определен следующий состав частей морпогранохраны:

1. Северная флотилия – сторожевые суда «Соколица» (в ходе переформирования флотилии судно «Соколица», подлежащее списанию, было заменено на тральщик Т-21, переименованный в ПС-2), ПС-1, «Воскресник», буксир «Энгельгардт», гидрографическое судно «Таймыр», катера «Кипрус», РИ-5, РИ-6 и ДК-2.

2. Балтийская флотилия – сторожевые суда «Черноморский № 2», «Дозорный» и «Разведчик», сторожевые моторные катера СК 43, СК 44, СК 45, СК 48, СК 49, СК 50, СК 54, СК 55, СК 56, СК 58.

3. На Черном море: 1-й Украинский отряд (Одесса) – сторожевое судно «Ястреб», сторожевой катер «Оля» и 2 парусно-моторные фелюги; 2-й Крымский отряд (Севастополь) – сторожевой катер СК-35 и 5 парусно-моторных фелюг; 3-й Северо-Кавказский отряд (Новороссийск) – 7 парусно-моторных фелюг; 4-й Закавказский отряд (Батуми) – сторожевое судно «Коршун», сторожевой катер «Урицкий» и 6 парусно-моторных фелюг.

4. Каспийская флотилия – сторожевые суда «Хорек» (с 1925 года – «Могилевский») и «Куница» (с 1925 года – «Атарбеков»), катера №-301, «Чайка», «Пулемет», две парусно-моторные «туркменки», 5 парусно-моторных шлюпок и 5 парусных шлюпок [9, л. 20].

Однако и на этом преобразования не закончились. Пограничные флотилии и отряды в соответствии с приказом ОГПУ от 25 февраля 1924 г. и изданными в его развитие приказами от 19 марта 1924 г. (Северная и Балтийская флотилии), от 12 мая 1924 г. (Черноморские отряды), от 9 сентября 1924 г. (Каспийская флотилия) были расформированы с прикреплением имевшегося корабельно-катерного состава к тем пограничным частям, на участках которых они действовали. Предполагалось, что такое решение позволит максимально эффективно использовать имеющийся судовой состав для охраны границы и будет способствовать улучшению взаимодействия с сухопутными подразделениями пограничных отрядов [10, л. 38].

В 1924–1926 гг. для материально-технического обеспечения пограничного корабельно-катерного состава на основе расформированных флотилий и отрядов пограничных судов в Мурманске, Ленинграде, Севастополе, Баку и Хабаровске были образованы окружные базы снабжения и ремонта. Из Ленинградской

базы судовой состав на период навигации придавался 6-му Кронштадскому, 7-му Кингисеппскому, 8-му Гдовскому и 9-му Псковскому пограничным отрядам. На Севере были созданы Отдельные Мурманская и Архангельская комендатуры, в состав которых вошли суда из расформированной флотилии [11, л. 7-9].

На Дальнем Востоке в 1924 г. только проходило первоначальное формирование морских пограничных сил. Водные границы охранялись только по рекам Амур, Уссури, Сунгач, Аргунь, озеру Ханко и в части южного побережья Приморья. Морские границы северного Сахалина, Камчатки, Чукотки, побережье Охотского моря не охранялись совсем. Приказом ОГПУ от 30 мая 1924 г. был образован Владивостокский отряд сторожевых судов погранохраны, в который от таможенной службы приняли парусно-моторные шхуны «Красный Приморец» и «Пролетарское око», судно «Менжинский», а также катера «Амур», «Проворный», «Уссуриец», «Находка» (затем «Смычка»), «Контролер», приобретенные Полномочным представительством ОГПУ у частных владельцев. С 1924 г. к охране границы на Дальнем Востоке из состава военного флота были привлечены также канонерская лодка «Красный Октябрь» (бывший ледокол «Надежный») и прибывший в ноябре с Севера сторожевой корабль «Воровский» (бывшее посыльное судно «Ярославна») [12, л. 1-4]. Однако имеющийся состав судов позволял обеспечить охрану морского побережья только на участке от Посыета до Совгавани. Остальные участки морской границы продолжали оставаться неохраняемыми. По итогам совещания, состоявшегося 10 февраля 1925 г. с участием Командующего Морскими силами СССР В. Зофа, начальника Морских сил Дальнего Востока В.А. Селитренникова, Полномочного представителя ОГПУ на Дальнем Востоке В. Алпова, начальника Морской инспекции войск ОГПУ Д. Блинова и других должностных лиц обоих ведомств, было принято решение о передаче ряда кораблей Владивостокского отряда Морских сил – сторожевиков «Воровский», «Красный вымпел», миноносцев «Лазо» и «Потапенко», канонерской лодки «Красный Октябрь» и еще около 10 сторожевых катеров в оперативное подчинение Дальневосточной пограничной охране с июня 1925 г. [13, л. 4]. Передача этих судов, безусловно, способствовала усилению охраны государственной границы на морском участке, но и их все же было недостаточно для столь обширного региона. На каждое сторожевое судно пограничной охраны приходилась фантастическая зона ответственности – 1 375 км.

В целом, во второй половине 1920-х гг. в стране сформировалась организационная структура частей морской пограничной охраны, завершилось их первичное укомплектование корабельно-катерным составом. В 1927–1928 гг. прошла еще одна реорганизация морских частей погранохраны, в результате которой были образованы морские пограничные базы, подчиненные начальникам береговых погранчастей. В составе баз объединились пограничные суда, дислоцирующиеся на их участках. Организационно личный состав был подчинен руководству баз, а в оперативном отношении – командованию пограничных отрядов и комендатур, участки которых обслуживали корабли. В этот период приказами ОГПУ № 103/42-1927 г. и 132/52-1928 г. были сформированы: Архангельская, Мурманская, Одесская, Севастопольская, Новороссийская, Батумская, Бакинская морские базы, Морская окружная база Ленинградского округа, Морская пограничная база Управления пограничной охраны Полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края в г. Владивостоке, Амударьинская и Амурская речные базы. В тоже время эффективность морской пограничной службы в целом не всегда была высока. Причина этого заключалась в несовершенстве организационной структуры. Суда, находясь в оперативном подчинении начальников пограничных отрядов, фактически подчинялись командиру базы, который не нес прямой ответственности за состояние охраны границы [14, с. 609–610].

В мае 1929 г. на основе морских погранбаз были созданы окружные базы, теперь непосредственно подчиненные управлениям погранохраны региональных Полномочных представительств ОГПУ, но сохранившие подчинение по оперативным вопросам начальникам береговых пограничных отрядов. Всего к концу 1920-х гг. в состав пограничных частей входило 13 сторожевых судов и 107 катеров, ботов и шхун [15, л. 24–32]. Средняя протяженность участка границ, приходящегося в тот период на одно судно, составляла 154,7 км. Причем, если на Балтике, Черном и Каспийском морях эта цифра колебалась от 22,7 до 66,7 км на судно, что в целом реально при наличии исправных быстроходных сторожевых кораблей, то на Дальнем Востоке зона ответственности одного судна достигала 846,2 км, что заведомо обуславливало неприкрытость огромных морских пространств пограничными силами. Стоит упомянуть, что из имевшихся плавсредств все сторожевые суда и не менее 80 % катеров были дореволюционной постройки, устаревшие и слабо вооруженные, прошедшие Первую мировую и Гражданскую войну, и с задачами пограничной службы справлявшиеся с трудом.

В целом, подводя итог этапу развития морпогранохраны в составе ОГПУ, можно отметить, что к началу 1930-х гг. удалось в короткие сроки провести мероприятия по организационному переустройству пограничной охраны, обустройству и обеспечению войск, развитию системы базирования, создать нормативную базу для деятельности по охране границы, разработать новые тактические положения о формах и методах пограничной службы, привлечь к охране границы минимально достаточные силы и средства.

Ссылки:

1. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997.
2. Пограничные войска СССР. Сборник документов и материалов. 1918–1928. М., 1973.
3. Там же.
4. Из истории советских пограничных войск. Документы и материалы. 1921–1927. М., 1963.
5. Центральный пограничный музей ФСБ России (ЦПМ). Док. фонд. Оп. 116. Д. 2.

References (transliterated):

1. Lubyanka. VCHK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917–1960. Spravochnik. M., 1997.
2. Pogranichnye voyska SSSR. Sbornik dokumentov i materialov. 1918–1928. M., 1973.
3. Ibid.
4. Iz istorii sovet-skikh pogranichnykh voysk. Dokumenty i materialy. 1921–1927. M., 1963.
5. Tsentral'niy pogranichniy muzey FSB Rossii (TSPM). Dok. fond. Op. 116. D. 2.

6. Музей морских частей пограничных войск (ММЧПВ). Док. фонд. Оп. 1П-1. Д. 1.	6. Muzey morskikh chastey pogranichnykh voysk (MMCHPV). Dok. fond. Op. 1P-1. D. 1.
7. Мошков Ф.А. Морская пограничная охрана России: от Петра I до наших дней. М., 2007.	7. Moshkov F.A. Morskaya pogranichnaya okhrana Rossii: ot Petra I do nashikh dney. M., 2007.
8. ЦПМ, Док. фонд. Оп. 116. Д. 2.	8. TSPM, Dok. fond. Op. 116. D. 2.
9. ММЧПВ, Док. фонд. Оп. 1П-1. Д. 1.	9. MMCHPV, Dok. fond. Op. 1P-1. D. 1.
10. ЦПМ, Док. фонд. Оп. 11. Д. 19.	10. TSPM, Dok. fond. Op. 11. D. 19.
11. ММЧПВ, Док. фонд. Оп. 1П-2. Д. 1.	11. MMCHPV, Dok. fond. Op. 1P-2. D. 1.
12. ММЧПВ, Док. фонд. Оп. 3П-1. Д. 1.	12. MMCHPV, Dok. fond. Op. 3P-1. D. 1.
13. ЦПМ, Док. фонд. Оп. 8. Д. 1.	13. TSPM, Dok. fond. Op. 8. D. 1.
14. Из истории советских пограничных войск. Документы и материалы. 1921–1927. М., 1963.	14. Iz istorii sovetskikh pogranichnykh voysk. Dokumenty i materialy. 1921–1927. M., 1963.
15. ММЧПВ, Док. фонд. Оп. 1П-2. Д. 1.	15. MMCHPV, Dok. fond. Op. 1P-2. D. 1.

А.Л. Кубасов

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРЕМ И ЛАГЕРЕЙ ГПУ (1922–1923 гг.)

Статья посвящена местам содержания заключенных, подведомственным Государственному политическому управлению, после окончания Гражданской войны в России. На основе архивных материалов восстановлены ранее не известные страницы из истории Северных концентрационных лагерей, использовавшихся для изоляции политических заключенных.

Ключевые слова: советские спецслужбы, концентрационные лагеря, политические заключенные.

В 1922–1923 гг. после перехода от политики военного коммунизма к нэпу одной из тенденций изменения криминогенной обстановки в Советской России стал рост числа правонарушений, совершаемых в крупных городах. В связи с этим в январе 1923 г. Главное управление местами заключения РСФСР представило Коллегии НКВД доклад о сильном переполнении тюрем в Москве. В нем ставился вопрос об открытии новых мест содержания подследственных и заключенных для размещения в них от 2 до 3 тыс. человек.

На основании доклада был подготовлен проект постановления Коллегии НКВД. Документ напрямую затрагивал интересы Главного политического управления – правопреемника Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Предлагалось передать Главному управлению местами заключения Бутырскую тюрьму, находившуюся в распоряжении ГПУ. Обосновывалось это тем, что согласно пункту «б» статьи 1 «Временного положения о Главном управлении местами заключения РСФСР» именно на него возлагалось руководство всеми тюрьмами и лагерями

принудительных работ. И делался вывод: у ГПУ нет достаточных оснований и потребности иметь в Москве собственную крупную тюрьму. Приводился и такой довод: в здании ГПУ на Лубянке имеется внутренняя тюрьма, куда могут помещаться арестованные в порядке дознания и предварительного следствия¹.

Руководство ГПУ категорически не согласилось с выводами и предложениями проекта. В отзыве на него, срочно подготовленном по поручению заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта начальником юридического отдела В.Д. Фельдманом, указывалось, что проект совершенно неприемлем.

Для обоснования своей точки зрения ГПУ выдвинуло несколько аргументов. Первый: кроме внутренней тюрьмы на Лубянке и Бутырской тюрьмы ведомство не имеет в Москве других мест, где можно содержать арестованных. Второй: во внутренней тюрьме на Лубянке, рассчитанной на 150–200 человек, содержатся осужденные правые эсеры и подсудимые по делам об особо важных государственных преступлениях, поэтому размещение в ней других категорий арестованных приведет к перегрузке тюрьмы и «погубит большую часть оперативной работы ГПУ»². Третий: Бутырская тюрьма управляется непосредственно ГПУ, в ней действуют особые инструкции, определяющие порядок содержания арестованных под стражей, администрация состоит из кадровых чекистов, которые привлекались к ответственности за совершавшиеся ими нарушения во внесудебном порядке (например, приговор к расстрелу условно за передачу писем заключенным). Четвертый: в 1922 г. в тюрьме был произведен ремонт по специальному плану в интересах оперативной работы. Пятый: из всех мест заключения Москвы только Бутырская тюрьма принимает лиц, арестованных ГПУ, без предоставления копии постановления о предъявлении им обвинения. Шестой: передача Бутырской тюрьмы в ведение Главного управления местами заключения не разрешит кризис с тюремными помещениями, а только облегчит его на 1–2 месяца.

Исходя из этого, было предложено Бутырскую тюрьму оставить в ведении ГПУ. Срочно определить на территории России 5–6 пунктов, которые можно использовать как места заключения, и направлять туда из Москвы всех осужденных на один год и больше. «Разгрузить» места заключения в Москве и рационально распорядиться ими: «Чисто уголовный элемент (воры, громилы и т. д.) могут быть высланы в лагеря ГПУ Архангельской губ., то есть произойдет разгрузка. За этот счет освободившиеся места заключения распределить и перегруппировать, тем более что в Москве есть возможность ликвидируемые лагеря принудработ (Ивановский, Андроньевский и др.) обратить в тюрьмы для краткосрочных до 1 г.»³.

Ввести представителя ГПУ в руководство Главного управления местами заключения для согласования вопросов содержания под стражей. Наконец, тюрьмами и лагерями управлять по инструкциям, согласованным с ГПУ, а их администрацию проверить и профильтровать.

Одним из результатов обсуждения этой острой проблемы стало более активное использование для содержания заключенных лагерей принудительных работ, расположенных на Севере России.

В отчете за апрель 1922 г., направленном в ГПУ начальником управления Северных лагерей принудительных работ, сообщалось, что в них содержится 1 088 заключенных. В том числе в пересыльном распределительном пункте – 776, в Холмогорском лагере – 189, в Пертоминском лагере – 123. Из них были осуждены за контрреволюционные преступления – 464 (42,6%), спекуляцию и саботаж – 10 (0,9%), преступления по должности – 63 (5,79%), уголовные преступления – 480 (44,1%), преступления против личности – 14 (1,28%), дезертирство и побеги – 21 (1,93%), бандитизм – 32 (2,94%). Среди них было офицеров и военных чинов белой армии – 142 (13,05%), осужденных членов РКП(б) – 81 (7,4%), членов «противосоветских» партий – 28 (2,57%), из них анархистов – 19 (1,74%), эсеров – 9 (0,82%)⁴.

В Архангельске заключенные трудились в порту, на складах, на сплаве и погрузке дров. В Пертоминском лагере занимались ловом рыбы, плели сети. В Холмогорском лагере работали в мастерских: корзиночной, колесной, кожевенной. Готовился пуск алебастро-гипсового завода.

В докладе подчеркивалось, что для обеспечения производств рабочей силой необходимо увеличить число направляемых в лагерь осужденных.

Охранял Северные лагеря 19-й батальон войск ГПУ⁵.

Условия содержания политических заключенных описаны в рапорте, представленном 1 февраля 1923 г. заместителю начальника Секретно-оперативного управления ГПУ Г.Г. Ягоде начальником управления Северных лагерей Студиловым. Докладывая о ситуации в Пертоминском лагере, где были сосредоточены члены «противосоветских» партий, он сообщал: «Для политзаключенных в данное время выделен отдельный корпус, общей вместительностью до 200 чел. Им отведено для 50 чел. вполне достаточное количество камер. В каждой есть ламповый свет, устроены топчаны, всегда нормальная температура воздуха, устроена отдельная кухня, имеется библиотека, ничего от них не отобрано, предоставляются прогулки во дворе, обнесенном забором, по 5–7 час. в сутки, продовольствие выдается по выработанной норме Центра, разрешается

через коменданта приобретать за наличный расчет продукты в городе. Еще не было случая отказа их родственникам в свидании, медицинская помощь есть, камеры не запираются, так что имеется полное общение между всеми политзаключенными. Корреспонденция (письма), как входящая, так и исходящая, после предварительного просмотра губотделом ГПУ, передается. Считаю недочетом, что не выписываются газеты»⁶.

В рапорте говорилось о проявлении политзаключенными недовольства своим положением: «В данное время происходят скандалы, без предъявления каких бы то ни было требований в сторону улучшения или смягчения их быта, просто не хотят быть в Пертоминском, условия которого лишают их возможности установить связь с Архангельском, а также и дальше»⁷.

По мнению Студилова, скандалы политзаключенных не имели под собой какой-либо почвы: «Эти условия, считаю, что уж слишком мягкие в некоторых частях, как-то: открытие днем и ночью камер, а также продолжительные прогулки и т. д. В этой части, считаю, не вредным будет ограничить и вообще ввести надлежащий режим, отвечающий нашей карательной политике»⁸.

21 марта 1923 г. заместитель начальника Архангельского губернского отдела ГПУ Масленников и заместитель начальника управления Северных лагерей Ногтев информировали секретный отдел ГПУ: «В Пертомлагере 11 анархистов голодают с 15-го, эсеры и меньшевики к голодовке относятся отрицательно, ведут себя спокойно. В бараке находятся общим. Анархисты отделиться отказались»⁹.

Между тем в 1922–1923 гг. в русских эмигрантских изданиях стали появляться сообщения о ситуации в лагерях, образованных советскими властями в Архангельской губернии. В опубликованном в 1922 г. в Берлине центральным бюро партии эсеров сборнике «Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий» говорилось, что с мая по ноябрь 1921 г. через расположенный в бывшем женском монастыре Холмогорский концентрационный лагерь прошло 3 000 заключенных. Из них в результате голода, недоедания и болезней, прежде всего дизентерии и тифа, умерло 442 человека¹⁰. В вышедшей в 1923 г. книге С.П. Мельгунова «Красный террор в России» говорилось о Пертоминском концентрационном лагере, куда с конца 1922 г. свозились большие партии заключенных из Москвы и других городов России. Условия жизни в нем рисовались в самых мрачных красках: «Лагерь устроен в старом полуразвалившемся здании бывшего монастыря, без печей, без нар, без пресной воды, которую выдают в очень ограниченном количестве, без достаточного питания, без всякой медицинской помощи»¹¹.

К 1923 г. большевистскому руководству стало ясно, что ставка на скорую победу мировой революции провалилась и необходимо налаживать отношения с европейскими странами, в которых большим влиянием пользуются социалистические партии. А публикации о концентрационных лагерях подрывали образ Советской России как первого рабоче-крестьянского государства. Поэтому было принято решение сосредоточить высланных на Север заключенных в более отдаленном месте – в лагере на Соловецких островах.

4 сентября 1923 г. в докладе, направленном Г.Г. Ягоде заместителем начальника спецотдела ГПУ А. Гусевым, сообщалось, что в конце июля концентрационные лагеря из Пертоминска и Холмогор переведены на Соловецкие острова. В качестве места для размещения осужденных за контрреволюционные преступления и политических заключенных этот район был выбран не случайно: на протяжении значительной части года, особенно в зимний период, он был практически полностью оторван от внешнего мира. Любая попытка бегства из лагеря грозила большими опасностями.

К началу осени на Соловках содержалось 3 000 заключенных, из них уголовных – 2 550, политических (эсеров, меньшевиков, анархистов) – 250 человек, бывших сотрудников ВЧК и ГПУ – 200. Политические проживали в Савватиевском скиту и на о. Большая Муксалма изолированно от других заключенных. По утверждению начальника управления Северных лагерей Ногтева, на данные которого ссылался Гусев, помещений для политзаключенных было вполне достаточно, у всех имелись отдельные койки, велась установка печей. В Савватиевском скиту для прогулок был отведен участок земли, где были лес и озеро, охранявшийся и окруженный проволочными заграждениями.

А для расселенных в Соловецком кремле уголовных были отведены камеры в корпусах крепости. Места там было мало, спали на нарах. 300 человек планировалось расселить в здании Успенского собора по окончании его ремонта.

Порядок содержания заключенных администрация лагеря установила согласно Положению о местах заключения ВЧК от 1919 г.

Политзаключенные получали продовольствие по нормам, установленным отделом снабжения ГПУ. Уголовным часть продуктов, включая крупы, овощи и лук, заменялась картофелем.

Состояние лагеря в санитарном отношении оценивалось как удовлетворительное. Наиболее часто встречались заболевания цингой, причем случаев выявления ее у политзаключенных не было. Больным по предписанию врача выдавались диетические пайки.

Уголовные трудились в мастерских, на сельскохозяйственных фермах, использовались на ремонте зданий и постройке узкоколейной железной дороги. Предполагалось командирование 150 заключенных для работы на станцию Кемь сроком на 3 месяца в виде возмещения Наркомату путей сообщения за предоставленные лагерю рельсы, крестовины, стрелки, два паровоза и 15 вагонов. В докладе утверждалось, что заключенные, находившиеся на работах, получали усиленный паек. Политзаключенные выполняли в лагере только мелкие работы по ремонту помещений.

В соответствии с распоряжением юридического отдела ГПУ от 25 апреля 1923 г. пропуска для свиданий выдавались Архангельским губотделом ГПУ, а в дальнейшем – Кемским пересыльным пунктом, сроком до 5 суток в зависимости от поведения заключенного. Проводить свидания разрешалось только в присутствии помощника коменданта или надзирателя.

Телеграфная связь с лагерем отсутствовала. Принимались меры для ее налаживания. Предполагалось, что в течение зимы письма на острова будет доставлять специальный возчик. Всю информацию о посылках для заключенных Кемский пересыльный пункт должен был сообщать на Соловки. Содержавшиеся в них продукты пускались в расход. После этого соответствующее количество продуктов надлежало выдать заключенному со склада непосредственно по месту отбытия наказания.

Жалобы политзаключенных администрация объясняла желанием вырваться на материк для установления связи со своими единомышленниками.

В докладе выражалась обеспокоенность организацией снабжения Соловецкого лагеря. Продовольственных запасов, имевшихся на складе, должно было хватить лишь на пять-шесть месяцев. Поэтому был поставлен вопрос о том, чтобы половина средств на содержание лагеря выделялась из государственного бюджета¹².

Одной из причин возникших затруднений был отпуск управлением Северных лагерей по распоряжению отдела снабжения ГПУ большого количества продуктов и обмундирования на содержание военной флотилии, а также на обеспечение возглавлявшейся М.С. Кедровым, назначенным уполномоченным Наркомата путей сообщения на Крайнем Севере, экспедиции на Печору, где пленные белые офицеры и ссыльные отбывали принудительные работы на транспорте¹³.

Ознакомившись с докладом, Г.Г. Ягода направил его Ф.Э. Дзержинскому.

Осенью 1923 г. начальник юридического отдела ГПУ В.Д. Фельдман представил в коллегию ГПУ доклад по результатам

обследования Северных лагерей в связи с заявлением политических заключенных об издевательствах и избиениях.

В докладе сообщалось, что в подчинении управления Северных лагерей находились: 1-е отделение, или собственно Соловецкий концентрационный лагерь, размещавшийся в кремле; 2-е отделение, расположенное в Савватиевском скиту; 3-е отделение на Муксалме; Архангельский пересыльный пункт, подлежащий ликвидации; и Кемский пересыльный пункт. Всего в Северных лагерях на момент проверки содержалось 3 049 человек. В том числе: в кремле (уголовных и осужденных за контрреволюционные преступления) – 2 213, Архангельском пересыльном пункте – 457, Кемском пересыльном пункте – 173, Савватиевском скиту (политических) – 153 (5% от общего количества заключенных), на Муксалме (политических) – 53 (1,74%).

В кремле заключенные, помещенные в монашеские кельи, из-за отсутствия коек спали на полу. В Савватиевском скиту и на Муксалме не во всех комнатах имелись печи, отсутствовала вентиляция. Для освещения выдавались керосиновые лампы, которых не хватало. Обмундированием и обувью содержащиеся в лагере не снабжались за исключением пожарных, канцеляристов и тех, кто служил в надзоре и работал в мастерских. Заключенные пользовались правом посещать баню, но при этом мыло им не выдавалось и после бани им приходилось надевать свои грязные лохмотья.

Особенность лагеря состояла в том, что его хозяйственная деятельность не могла быть построена на самоокупаемости. На Соловках имелись портняжная, сапожная, столярная, слесарная и судоремонтная мастерские, кузница, гончарный завод. Заключенные занимались рыбной ловлей, обслуживали скотный двор, конюшни, хлебопекарню, склад, огороды. Но ввиду скудости природных условий и отсутствия каких-либо промышленных производств все работы и промыслы могли быть для лагеря только подспорьем.

Первоначально политические заключенные к каким-либо работам не привлекались: для этих целей использовались осужденные за совершение контрреволюционных и уголовных преступлений. Рабочий день заключенных был ненормированным: они работали от восхода до заката по 10–12–14 часов, практиковались ночные работы.

Полагавшийся заключенным паек был недостаточен. Необходимые в северном климате овощи не выделялись. Хлеб выпекался сырой, с песком. При выдаче продовольствия происходило обвешивание. Уголовные воровали продукты друг у друга. Диетический паек, назначавшийся врачом, урезался администрацией.

Осенью 1923 г. на Соловецких островах полностью отсутствовал запас дров. Количества хранившейся на складе муки, большей частью прогорклой и затхлой, было недостаточно. А потому в докладе делался вывод, что зимой 1923/24 гг. Соловецкий лагерь ожидают голод и холод.

Из Савватиевского и Муксалмского скитов лица, нуждавшиеся в амбулаторном лечении, направлялись в расположенный в кремле лазарет, который был заполнен. При норме в 100 человек в нем находилось 94, в том числе больных цингой – 43, туберкулезом легких – 14. Больных из числа политических привозили в лечебное учреждение и отвозили обратно по ночам. При поступлении и выписке их обыскивали. Рядом с ними выставлялся конвой. Уголовных помещали в лазарет только в тех случаях, когда они уже не могли держаться на ногах. В силу этого на самом деле заболевших было намного больше. Паяк в лазарете выдавался в сухом виде, пациенты вынуждены были сами готовить пищу. Обслуживавший медицинский персонал состоял из заключенных. Необходимые врачи-специалисты отсутствовали.

Цензура направлявшихся на Соловки почтовых отправок осуществлялась в Архангельске. Письма из Москвы доходили до адресатов за несколько месяцев, телеграммы – почти за два месяца. Газет не получали не только заключенные, но и администрация.

Политическим разрешалось одно свидание в год. Приезжавшие для встреч помещались под надзором надзирателя в ските, расположенном на Секирной горе в 10 верстах от кремля, в 2 верстах от Савватиевской пустыни и в 20 верстах от Муксалмы. С них бралась плата за помещение, доставку посылок и писем. Свидания мужу и жене, отбывающим наказание в одном лагере, не позволялись.

Охранял лагерь взвод 95-го особого дивизиона войск ГПУ. Кроме него – команда надзора, состоявшая из бывших чекистов, высланных на Соловки за различные служебные проступки. Всего в ней числились 92 человека. Они стояли на постах, охраняли заключенных на внешних работах. Команде надзора было доверено оружие – винтовки, револьверы, пулеметы.

В результате проверки факты, указанные в заявлении политзаключенных, подтвердились. Команда надзора, желая выслужиться перед администрацией, допускала истязания. Узников избивали палками, шомполами, ставили летом без одежды «на комарика», сажали в темный карцер, каменные мешки, на лед, лишали пищи и т. д. Комиссия установила случаи расстрелов под видом побегов. Все это делалось с ведома и при участии начальника управления Северных лагерей Ногтева и его заместителя Зорина. Администрацией лагеря было сфабриковано провокационное дело о якобы

готовившемся заключенными восстании с целью убийства администрации и побега. У оставшихся на острове и работавших при лагере монахов отбирались под видом конфискации церковного имущества часы, сапоги, ложки, деньги. По этим фактам было начато следствие.

В докладе делался вывод, что система произвола, издевательств и ущемления прав заключенных была вызвана полной изолированностью лагеря, отсутствием «правильного руководства» и «определенных инструкций».

В качестве неотложных мер для улучшения положения в докладе предлагалось прежде всего подобрать и назначить нового начальника управления Северных лагерей. Учредить в Соловках должность уполномоченного, подчиненного непосредственно руководству ГПУ. Установить за лагерями прокурорский надзор. Взять за правило регулярные ревизии лагерей представителями ГПУ не реже двух раз в год. Применить к заключенным Соловецкого лагеря амнистию от 17 августа 1923 г., пересмотреть все дела высланных в административном порядке за хищения на транспорте и уголовное прошлое. Отказаться впредь от высылки на Соловки за уголовные преступления, оставив ее применение лишь за совершение контрреволюционных преступлений и принадлежность к «противосоветским» партиям. Увеличить запасы продовольствия, повысить заключенным нормы питания. Наконец, выделить средства на заготовку дров и приобретение обмундирования¹⁴.

19 сентября 1923 г. начальник юридического отдела Фельдман на основании мандата ГПУ направил в управление Северных лагерей распоряжения, вступающие в силу немедленно.

Прежде всего, довести до отбывающих наказание на Соловках, что никаких переводов в другие места не будет.

Улучшить медицинское обслуживание (одного вольнонаемного врача должно было подобрать управление Северных лагерей, зубного техника обещало прислать ГПУ). До 1 ноября 1923 г. обеспечить скиты, где проживают политзаключенные, противомаларийными, противочинготными, противотуберкулезными лекарствами и средствами против кишечно-желудочных заболеваний.

Привозить пациентов в лазарет и увозить их из него, как правило, до захода солнца. Караул к больным политзаключенным не выставлять. При доставке в лечебное заведение выдавать им специальную больничную одежду и белье, а носильные вещи, в которых они прибыли, направлять на дезинфекцию. Отменить личные обыски при поступлении в лазарет и выписке, проводить их только по прибытии заключенного непосредственно к месту постоянного проживания.

Для находящихся на лечении в лазарете организовать кухню с обслуживающим персоналом для подготовки горячей пищи. Больничный паек установить в размере пайка здорового политзаключенного. Диетический паек выдавать по рецептам врачей без урезания и замены мяса молоком и т. д.

Выдавать заключенным верхнюю одежду и теплое нижнее белье по спискам, заверенным старостами скитов. Питание политзаключенных разнообразить: овощи (картофель, капусту, лук) выдавать по норме без замены другими продуктами. Выдачу мыла увеличить на 1/2 фунта.

До 15 октября 1923 г. оборудовать в лагере электрическое освещение. А до этого выделить в необходимом количестве лампы и керосин.

Согласно распоряжению, разрешение на посещение политзаключенных отныне выдавалось в Москве, в центральном аппарате ГПУ. Продолжительность свиданий ограничивалась одной неделей. Приезжавших родственников надлежало тщательно обыскивать как накануне, так и после проведения встреч. Доставку корреспонденции и посылок на Соловки и обратно полагалось вести через Кемский пересыльный пункт. Цензура, приемка и выдача корреспонденции возлагались на управление Северных лагерей.

Наконец, заключенных, в том числе политических, срок наказания которых истекал до 1 июня 1924 г., следовало до 1 ноября 1923 г. перевести в Кемский пересыльный пункт¹⁵.

Так в 1922–1923 гг. началось использование Северных лагерей в качестве места содержания политических заключенных.

Примечания

- 1 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Т. 5. Л. 4.
- 2 Там же. Л. 5.
- 3 Там же. Л. 5об.
- 4 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1211. Л. 35.
- 5 Там же. Л. 18.
- 6 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 12.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Л. 10.
- 10 Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Издание Центрального Бюро Партии социалистов-революционеров. Берлин, 1922. С. 242–245.

А.Л. Кубасов

¹¹ Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 171.

¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Т. 5. Л. 33–34.

¹³ Там же. Д. 108. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 37–45.

¹⁵ Там же. Л. 63–65.

АНТИСОВЕТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПЕРАТИВНЫХ ДАННЫХ ОГПУ ДВК)

Вадим Александрович ИВАЩЕНКО,
старший преподаватель Тихооке-
анского государственного универ-
ситета

Антисоветская настроенность населения Дальнего Востока в 1920-е годы являлась одной из важнейших проблем для советских органов госбезопасности. Подобные настроения значительной части населения расценивались как крайне опасные для стабильного развития региона в условиях сложной международной обстановки (напряженные отношения с Китаем, агрессивные устремления Японии, разрыв отношений с Англией в 1927 г. и т.п.) и трудностей восстановления экономики ДВК после гражданской войны.

Методы борьбы с интервентами и белогвардейцами на Дальнем Востоке в некоторой степени отличались от применявшихся в других регионах России. Широкомасштабных фронтовых сражений (за исключением последнего этапа войны) здесь не было. Военные действия в основном носили характер партизанской войны. Большая часть населения края принимала либо непосредственное, либо опосредованное участие в вооруженной борьбе¹, многие имели огнестрельное оружие или умели обращаться с ним². Тем самым создавался «потенциально опасный» социальный слой для сталинской командно-административной системы управления в 1930-х годах.

Социалистические преобразования на Дальнем Востоке стали претворяться в жизнь только с 1923 г., т.е. население этого региона не испытало на себе политику «военного коммунизма» — жесткую карточную систему, продовольственную разверстку и т.п. Поэтому введение единого сельскохозяйственного налога было встречено крестьянством и казачеством крайне враждебно. В 1920-е годы сложилось довольно сильное противостояние власти со стороны местного населения. Эту ситуацию четко характеризует «Сводка политнастроений населения Дальневосточного края», составленная Полномочным представительством ОГПУ по ДВК для Далькрайкома ВКП(б) в 1927 г.³ (далее «Сводка...». — **В.И.**).

Несмотря на то, что многие одобряли карательную политику, направленную против контрреволюционных элементов, а также готовность населения ДВК защищать советскую власть, в сводках органов государственной безопасности отмечается массовость негативных настроений.

Оперативные данные ПП ОГПУ ДВК дают представление о характере протестных и антигосударственных настроений на Дальнем Востоке. При этом особое внимание уделялось отношению населения к возможному вторжению капиталистических государств на территорию Советского Союза, поскольку в этот период обострилась международная ситуация (разрыв отношений с Англией, напряженность во взаимоотношениях с Китаем, Японией и т.д.).

Тревогу вызывали и негативные настроения среди рабочих, которые в своем большинстве были неквалифицированными, но все-таки являлись социальной

опорой. В рабочей среде наблюдалось категорическое нежелание воевать с капиталистами, пораженчество, случались и антисоветские выпады, вызванные тяжелейшим экономическим положением. В качестве примера приводятся настроения рабочих Кивдинских каменноугольных копей.

В архивных материалах сохранилось несколько высказываний по поводу международных событий. Так, забойщик Жилинский заявил: «Все это хорошо только говорят, а случись что, так кого в первую очередь потянут. Нас — рабочих, мол, вы сознательные. А как мы живем? Да, в тысячу раз хуже. Разве так можно жить, как сейчас: в завалюхах, в сырых помещениях. Вот наша администрация знает это, а ничего не предпринимает. Живем хуже скотины. Какие тут могут быть разговоры о войне или еще о чем-то. Нужно... улучшить положение своих рабочих, а не лезть, куда не следует, ведь от этого и получаются осложнения, а они нам надоели. Наше дело — как следует шахту кайлить, вот и вся война, она нам нестати»⁴. Всего было отмечено шесть подобных выступлений. Социальное положение дальневосточных рабочих на рубеже 1920—1930-х годов в ряде округов (в частности во Владивостокском) было крайне тяжелым. Полномочное представительство ОГПУ по ДВК систематически ставило в известность ИНФО ОГПУ в Москве о регулярных невыплатах и задержках зарплат и, как следствие, о массовых забастовках дальневосточных рабочих⁵. Справедливости ради следует отметить, что антисоветские настроения в рабочей среде не преобладали и негативного влияния на трудящихся не оказывали.

Огромное значение для большевистской партии и ОГПУ имели настроения крестьянства, преобладающего социального сегмента в дальневосточном регионе. На Дальнем Востоке крестьян не коснулась политика продразверстки, а потому общая атмосфера была более свободной, чем в центральной части России, ощущались серьезная напряженность и противостояние тружеников села советской власти.

Недовольство крестьянства переросло в организованное повстанческое движение, причиной стали грубейшие нарушения законности, злоупотребления нарождавшейся бюрократии, ошибки малоопытной администрации и т.д. В первой половине 1920-х годов на Дальнем Востоке отмечен ряд выступлений против новых отношений в деревне, устанавливаемых советской властью (восстания против разоружения партизанских отрядов, москвитинское выступление 1922 г.). Самым большим выступлением на Дальнем Востоке было Зазейское восстание 1924 г.

После подавления крестьянских повстанческих движений и снижения политического бандитизма деревня несколько успокоилась, но оставалась сложной социально-психологической атмосферой. В села вернулись демобилизованные красноармейцы, бывшие солдаты белых армий, амнистированные участники мятежей. Победители и побежденные оказывались зачастую соседями или родственниками. С середины 1920-х годов в деревне снова стало нарастать возмущение политикой власти, выражавшееся иногда бойкотом выборов в местные Советы. Начались репрессии при сборе налога. За несвоевременный взнос сельхозналога проводились аресты, отбирались скот и остатки зерна. Новая волна недовольства крестьян поднялась на рубеже 1920—1930-х годов, когда проводилась массовая коллективизация сельского хозяйства со всеми ее перегибами. Уже в 1929 г. на селе было ликвидировано

7024 «контрреволюционных» организаций и групп, арестовано 47 564 «участника», под стражу взяли еще 43 623 «активных одиночек»⁶.

Исходя из этого, большевистская власть и органы ОГПУ должны были очень настороженно относиться к протестам крестьян. Сельскохозяйственные районы Дальнего Востока в 1920—1930-е годы имели особую специфику, обусловленную близостью границы и возможностью практически свободного ее пересечения, а также тем, что около 80% населения Дальнего Востока было занято в сельском хозяйстве и в рыбном промысле. «Сводка политнастроений...» позволяет определить отношение крестьянства к советскому режиму.

Зажиточные крестьяне и кулачество наиболее враждебно относились к советской власти, это проявлялось в антисоветских и антикоммунистических настроениях. Оперативные данные свидетельствовали, что эта социальная группа надеялась «...скоро будет война, и Советское правительство существовать не будет». Известия о напряженной международной обстановке, о разрыве англо-советских отношений воспринимались зажиточными крестьянами и кулаками с большим удовлетворением и послужили серьезной основой для «всевозможных провокационных версий и антисоагитаций» с целью повлиять на общественное мнение в дальневосточной деревне.

Так, в с. Елизаветине Титовского района Читинского округа кулак Гаврилин запугивал бедняков и середняков, заявляя: «Скоро будет война, даже обязательно должна быть. Скоро вернется атаман Семенов из Японии и все партизаны хотят примкнуть к Семенову против коммунистов за настоящую демократическую власть, когда все могут избирать и быть избранными. Зачем лишать голоса, если человек хочет выбирать? Все должны быть равноправными гражданами, а у нас вздумали лишать голоса — толку от этого нет, и не будет»⁷. Среди кулачества отмечались многочисленные факты пораженческих настроений. Так, в с. Славинке Спасского района Владивостокского округа в разговоре с крестьянами зажиточный Давыденко говорил: «...наше государство не может и не станет защищаться, потому что народ Советской России настроен против правительства. Все крепости и все военное снаряжение за время гражданской войны разрушено и разбито, а посему никакой победы от Советской России ожидать нельзя»⁸.

В среде зажиточного крестьянства наряду со слухами о войне была сильна надежда на крушение советского режима и уверенность, что «как только будет мобилизация, то половина крестьянства восстанет против соввласти и перебьют всех коммунистов»⁹. Например, антисоветски настроенный зажиточный крестьянин Бородуля в с. Красноярове Свободненского района Амурского округа заявлял: «...если только завяжется война и мобилизуют крестьян, то мы в первую очередь сделаем войну внутренней и установим власть такую, чтобы было нам хорошо, и дадим власти имя приличное, но только не советское»¹⁰.

Таким образом, в среде зажиточного дальневосточного крестьянства были реваншистские настроения, которые серьезно угрожали стабильности развития региона, что, несомненно, беспокоило советские органы власти, особенно органы государственной безопасности.

Средняки имели серьезный удельный вес в крестьянской массе Дальнего Востока и были в основном лояльны по отношению к советской власти, но все же находились под влиянием кулачества.

Негативные настроения середняков, как и зажиточных крестьян, выражались в распространении всевозможных слухов о войне, скором падении советской власти и разговорах о нежелании идти на войну. Например, в с. Бургень Титовского района Читинского округа середняк Перфилов в окружении других крестьян высказывался: «Семенова ругали за насилие, а теперь Советская власть не насилует? За копейку под суд, ГПУ арестовывает, а раньше этого не было. На хорошую народную власть не пойдут иностранцы войной, а если и объявят войну, то за дело. Хотя война для нас горе, но без нее не обойтись»¹¹. Очень характерный для середняков факт пораженческого настроения отмечен в с. Гуране Амуро-Зейского района Амурского округа, где середняк Ананьин говорил: «Хотя коммунисты и хотят воевать, но из этого ничего не выйдет. Их ведь немного — они да рабочие. Крестьяне же воевать не пойдут. Какой интерес крестьянству воевать. Ведь нам все равно, какая бы власть не была»¹². Таким образом, в среде середняков тоже не было единства, не все поддерживали советский режим, многие не связывали свои интересы с политикой коммунистов в стране и в регионе в частности.

Беднота. Эта группа крестьян могла не опасаться мероприятий, проводимых советской властью, так как им нечего было терять. В этой среде отмечались лишь единичные случаи антисоветских настроений в основном крестьян, не пользовавшихся авторитетом («один пропойца, другой сын бандита»¹³), которые не имели влияния на односельчан. Таким образом, угроза власти со стороны бедняков исходила преимущественно от деклассированных элементов.

Стоит отметить, что большинство крестьянских выступлений наблюдалось на периферии, т.е. за пределами крупных административных центров и Транссиба. Периферийные протесты проходили в поселках старожилов, староверов, в районах компактного проживания малых народов. Наиболее яркие их проявления — восстания и забастовки — отмечались на фоне административного беспредела и информационного голода, который испытывали недовольные режимом. Настроения, как правило, возникали на основе разного рода слухов: о возможной войне (нападение Англии или Китая на СССР, вторжение Японии в дальневосточные пределы СССР, походы белогвардейских группировок к дальневосточным границам), вероятной поездке Папы Римского на Дальний Восток, скорой смерти руководителей СССР¹⁴.

Массовыми были негативные настроения среди переселенцев, приехавших на Дальний Восток из центральных районов России (в основном выходцев из деревень, т.е. крестьян, которые еще не вписались в социальную карту ДВК). Власти возлагали огромные надежды на вновь прибывших, но из-за массы допущенных просчетов (задержки с выплатой ссуд, неотлаженность в оказании медицинской помощи, экстремистские отношения старожилов и казаков к переселенцам и т.п.) возникала социальная напряженность. По оперативным данным «Информационного бюллетеня о ходе колонизации ДВК», подготовленного ПП ОГПУ ДВК в 1926 г.¹⁵, среди прибывшего населения формировались негативные настроения, доходившие до антисоветских. Такие случаи были зарегистрированы в с. Константиноградке Ивановского района Амурского округа, где гражданин Демиденко, переселенец из центральной части России, в присутствии крестьян говорил: «Так или иначе, а все партийные организации изживутся. Во время проезда по Киевской, Харьковской, Самарской, Одесской или другой

деревне, я видел, что эти организации там прав имеют меньше, а больше прав имеют крестьяне. Право им дано было на 1 год, а они им пользуются уже 3 года. Многих партийцев там отдали под суд за растрату»¹⁶. Переселенцы в разговоре с местными крестьянами говорили: «...мы переселились в силу того, что в России всю землю забрали в свое владение коммунисты»¹⁷. Необходимо отметить, что некоторые переселенцы по многим причинам не могли оставаться на Дальнем Востоке и уезжали обратно¹⁸.

Таким образом, в крестьянской среде Дальнего Востока были сильны оппозиционные режиму настроения, что приводило к регулярным и серьезным выступлениям против власти. И, естественно, это негативно отражалось на безопасности и стабильности развития ДВК.

Специфическим было отношение к советскому режиму на Дальнем Востоке у городского населения — служащих, интеллигенции и др. Служащие советских учреждений, как и другие слои городского населения, постоянно предрекали войну с капиталистическими государствами, а в условиях обострения англо-советских и китайско-советских противоречий во второй половине 1920-х годов негативные настроения продолжали нарастать. При этом большинство совслужащих проявляли антисоветские и пораженческие настроения, мотивируемые неверием в военную мощь СССР.

Большинство выявленных оперативным путем фактов свидетельствует об отрицательных настроениях именно среди интеллигенции и служащих. Обращает на себя внимание уверенность служащих в том, что возможная война, несомненно, будет губельна для СССР, так как, по их мнению, военные и технические возможности Красной Армии крайне ничтожны. Кроме того, озлобленное завывшенными налогами крестьянство не пойдет защищать советскую власть¹⁹.

Давало о себе знать неверие в силы СССР, которое переходило в паническое настроение. Согласно «Сводке...» для этого времени характерен разговор двух служащих Благовещенского центрального склада райсоюза Волкова и Ефимова: «Видишь, что Ворошилов сказал! Скоро война. Все из рук валится, не охота даже работать. Все равно всех побьют. Как только Англия тронется, сразу же у нас в тылу получится восстание». Соглашаясь с мнением Волкова, Ефимов, в свою очередь, заявил: «Да, народ недоволен на коммунистов... рабочие как-будто бы довольны, а послушаешь, что за глаза говорят, — все против коммунистов. В особенности недовольны крестьяне, шибко уж налогом обозлили. Крестьяне все пойдут против»²⁰.

В условиях постоянной напряженной международной обстановки многие из дальневосточных служащих надеялись на падение советской власти и использовали все сложности внутренней и международной ситуации для пораженческой антисоветской агитации.

Особую проблему для советской власти представляли негативные настроения дальневосточного учительства, наиболее образованной и близкой к населению части интеллигенции. По оперативным данным ПП ОГПУ ДВК, политическое настроение учительства в основном зависело от состояния их материального положения. Этим определялось отношение к участию в общественной работе, выполнению своих непосредственных обязанностей. Согласно «Краткому обзору о политическом состоянии учительства в ДВК», составленному ПП ОГПУ ДВК в 1927 г., материальное положение учительства повсеместно было крайне

неудовлетворительным²¹. Распространялась тенденция перехода учительства на более оплачиваемую работу. Но при этом отмечалось, что если их жалование довести до максимума, то это привело бы только к лучшему исполнению учительством своих обязанностей, ведь оно было представлено большей частью старыми кадрами, настроенными антисоветски.

Такая ситуация, грозившая подорвать основные принципы воспитания советской молодежи, беспокоила дальневосточные органы госбезопасности. Уже в начале 1930-х годов аппарат ПП ОГПУ ДВК обращал внимание Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома на «непродуманную» кадровую политику в подборе учителей. На эти «...должности назначаются все, подавшие заявления, независимо от их педагогической подготовки, политической физиономии и классовой принадлежности... Антисоветски настроенные учителя оказывают сопротивление мероприятиям сельсоветов, срывают помощь колхозам и т.п. Отмечен случай, когда учителя (б.[ывший] белый офицер и жены кулаков) комплектуют школу детьми кулаков и нэпманов, отсылая детей бедноты в другие школы. Эти случаи — не единичны»²².

Наиболее агрессивно относилось владивостокское учительство к советскому режиму (хотя в материальном плане обеспеченное лучше других). Многие из них (бывшие преподаватели гимназий, реальных училищ и т.п.) не хотели примириться с тем, что революция 1917 г. лишила их чинов и орденов²³. Именно они вынашивали радикальные антисоветские идеи.

Как уже отмечалось, население региона избежало политики «военного коммунизма», «красного террора» и т.п. Поэтому наиболее образованная его часть не могла смириться с карательной политикой советских властей и спецслужб, с жесткими общественными отношениями, которые устанавливали коммунисты для защиты советского государства и своего режима, надеясь на восстановление либеральных взаимоотношений между обществом и властью. Наиболее активное неприятие практически у всех служащих вызывали силовые методы правящего режима в отношении своих противников: многочисленные аресты «антисоветского элемента» и расстрелы шпионов. Так, служащий краевой конторы Госстраха в Хабаровске Сурба заявлял: «Такая постановка дела: свирепая диктатура партии, непонимание основных задач и психологии народа бесспорно ведут партию к падению и я это предчувствую и предвижу. Террор недопустим. Вычерпать море невозможно, как и погасить репрессиями начавшееся, быть может, движение. Партия этого не учитывает и она погибнет. Погибнет так же, как и монархия, ушедшая от народа. В городе ходят слухи, что производятся ночные аресты, что кругом города стоят войска и орудия, а публика напряжена и нервничает»²⁴. Подобное отношение к советскому режиму среди интеллигенции и служащих было преобладающим.

Еще более негативным отношением к советскому режиму и советским органам безопасности отличалось обывательское население и торговцы. В этой среде согласно «Сводке...» постоянные разговоры принимали крайне враждебные формы — «...беззастенчивая антисоветская агитация, антикоммунистические выпады, распространение фантастических слухов, пораженчество и т.д.»²⁵ При этом отмечались десятки случаев враждебной советскому режиму агитации, проводившейся обывателями. Так, житель г. Никольска-Уссурийского Бикин в разговоре со своими знакомыми заявлял: «Большевики скоро пропадут,

союзники с флотом и армией не сегодня, так завтра придут... большевиков повесят и потопят в бухте»²⁶.

Житель г. Сретенска Штейн в кругу своих знакомых высказывался: «Скоро соввласти будет конец. Иностранцы без войны просто предъявят общий ультиматум коммунистам уйти от власти и тогда восстановим демократическую республику»²⁷.

Следует отметить, что антисоветские настроения были распространены в основном среди торговцев. В 1927 г. в г. Сретенске рыночный комитет, возглавляемый домовладельцем-заводчиком Танхимовичем, решил под предлогом добиться введения экономических льгот для частной торговли созвать краевой съезд рыночных комитетов. Главной же его целью было объединенными силами обсудить политическую обстановку, сложившуюся в стране и регионе. Однако решение комитета торговцев власть не поддержала, и оно не было реализовано.

Дальневосточные обыватели, как и другие социальные категории населения, недовольные советской властью, крайне негативно относились к мерам ОГПУ по борьбе с контрреволюцией. Возмущение вызывали систематические обыски и аресты, проводимые органами безопасности. Так, хабаровский торговец Левин, выражая мнение практически всех представителей дальневосточной торговли, заявлял: «Жить нельзя! В одну ночь арестовали 70 человек, а за что? За каких-то сволочей, убитых в Ленинграде. Ведь сейчас судит не суд, а какая-то Коллегия ОГПУ. Где же это видано. Обождите, они себя покажут!»²⁸

Необходимо сказать еще об одном достаточно мощном противостоянии советскому режиму бывших членов социалистических партий, которые имели огромный вес в политической жизни Дальнего Востока до установления советской власти. Даже после утверждения советского режима бывшие представители политических партий снискали определенный авторитет среди разных слоев населения ДВК. Кроме того, в большинстве случаев именно через них устанавливалась связь антисоветских эмигрантских организаций за рубежом с недовольными правящим режимом в ДВК. Поэтому их настроения представляли особый интерес для советских спецслужб.

Согласно оперативным данным ОГПУ бывшие представители эсеровской и меньшевистской партий в большей своей части испытывали враждебное отношение к советской власти даже спустя многие годы после ее установления. «Насмешливый скептицизм и нездоровая критика политики Соввласти, утверждения, что осложнения международного положения СССР являются следствием этой политики, уверенность в скорой гибели власти и партии (коммунистической. — В.И.) — все это является основными моментами в настроении членов антисов.[етских] партий»²⁹.

Рассуждения по политическим вопросам в данной группе отличались аналитическими выводами, основанными на революционном опыте и знании исторических законов развития общества.

В условиях международной напряженности во второй половине 1920-х годов юрисконсульт Забайкальского ТПО (г. Чита), бывший меньшевик Рубинштейн полагал, «что события идут именно так, как им полагается, что в близорукости и топорности политики большевиков он не сомневается и только жалеет, что сам военнообязанный, хотя и надеется освободиться»³⁰. Беседуя со своими знакомыми на политические темы, он говорил: «Результаты войны предвидеть пока трудно, но не приходится сомневаться, что успеха для нас ожидать невозможно,

так как все соц.[иалистические] партии Европы против коммунистов, влияние которых, тем более грызущихся между собой (Маслов, Рут Фишер), совершенно ничтожно»³¹. Не сомневался в свержении советской власти и бывший хабаровский эсер Пименов, заявлявший: «Погодите. Еще увидим чья возьмет»³².

Итак, несмотря на формальную ликвидацию всех партийных институтов, кроме ВКП(б) с ее всеохватывающим влиянием, на Дальнем Востоке сохранялась скрытая идейная оппозиция со стороны бывших членов социалистических партий, а существенной внутренней угрозой безопасности советского режима на Дальнем Востоке являлись постоянные негативные настроения, направленные против власти коммунистов и проводимой ими политики. К тому же все это осложнялось объективными трудностями развития региона на данном этапе. Поэтому в условиях становления и развития советского режима в ДВК коммунистам был необходим мощный аппарат государственной безопасности, который обеспечил бы полноту их власти. Такой опорой для советского режима на Дальнем Востоке и стало ПП ОГПУ по ДВК.

¹ Можно отметить, что Народно-революционная армия под командованием В.К. Блюхера была создана на основе многочисленных партизанских отрядов, существовавших на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов.

² ГАХК. Ф.П-2, оп. 1, д. 65, л. 265.

³ Там же. Л. 222—247.

⁴ Там же. Л. 227.

⁵ Там же. Ф.П-2, оп. 1, д. 243, л. 101—105, 108, 118, 127—128.

⁶ Плеханов А.М. Проблемы места и роли органов госбезопасности в социально-политической структуре советского общества в 1920-е годы // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в 1920—1930-е гг. / <http://www.fsb.ru/history/read.html>.

⁷ ГАХК. Ф.П-2, оп. 1, д. 65, л. 229.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 233.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 236.

¹⁴ Титов В.Ю. Протест в общественно-политической жизни Дальнего Востока (середина 1920-х — середина 1930-х гг.) <http://mion.isu.ru/pub.russ-ost/articles/17.html>.

¹⁵ ГАХК. Ф. 137, оп. 10, д. 4.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАХК. Ф.П-2, оп. 1, д. 65, л. 239.

²⁰ Там же. Л. 240.

²¹ Там же. Л. 182.

²² Там же. Д. 243, л. 125.

²³ Там же. Д. 65, л. 188.

²⁴ Там же. Л. 242.

²⁵ Там же. Л. 243.

²⁶ Там же. Л. 244.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 245.

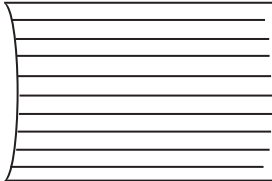
²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 247.

³¹ Там же.

³² Там же.

SUMMARY: The author reveals the anti-soviet spirits (based on operative data of OGPU DVK) in his article.

История России СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.А. Боева

Ликвидация партий социалистов органами ГПУ–ОГПУ в годы нэпа

После окончания гражданской войны с врагами советской власти по-прежнему оставались оппозиционные партии социалистов. Верхушка РКП (б) упорно считала эти партии, безусловно, контрреволюционными. А ведь когда-то большевики и меньшевики были единой марксистской партией, и те, и другие считали себя выразителями интересов рабочих. Но теперь руководители партии большевиков весьма неоднозначно высказывались о партиях социалистов. Так, например, в марте 1922 г. В.И. Ленин предлагал: «За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды». Он требовал усиления «и надзора, и репрессий» против меньшевиков, «самой беспощадной борьбы с ними и самого максимального недоверия к ним (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)» [1: с. 242]. Такая установка отличалась неоправданной прямолинейностью, не учитывала важных изменений, происходивших после окончания гражданской войны в политике и тактике этих партий. На самом деле, как мы полагаем, у большевиков уже не было ни одного действительно серьезного политического противника, способного плодотворно работать в условиях постоянного экономического кризиса и общей малограмотности населения. Программы всех нелегальных партий требовали определенного образовательного уровня населения не только для своего осуществления, но даже для их понимания. Планы преобразования советской системы, предлагаемые оппозиционными партиями, были во многом абстрактными и, в первую очередь, не учитывали особенностей развития страны. Ориентировались планы, прежде всего, на интеллигенцию. Но поддерживающих оппозицию интеллигентов было недостаточно даже для захвата власти. В последнем меньшевики отдавали себе отчет и предполагали осуществить смену власти мирным путем — от «республики Советов к демократической республике», используя существовавшую политическую

систему. Кроме того, эти партии объявили себя лояльными советской власти, отказались от вооруженной борьбы против нее.

Однако отдельные лидеры меньшевиков и эсеров в условиях нэпа резко критиковали непоследовательность властей в проведении экономической политики, требовали отказа от большевистской диктатуры, расширения демократии, что воспринималось как угроза советской власти. Одновременно наметилась неустойчивая тенденция к усилению их влияния среди рабочих и крестьян в годы нэпа. В связи с этим на оппозиционные партии возлагалась основная вина за происходившие волнения и восстания трудящихся. Реакция на это последовала очень быстро. Ответом стало усиление репрессий.

Была выработана широкая программа практической деятельности партийных органов и ВЧК–ОГПУ по борьбе с противниками советской власти. Поэтому последовавшие события — судебный процесс над деятелями партии эсеров и разгром оппозиционных партий; депортация из страны и ссылка в отдаленные районы страны нелояльных лиц — с нашей точки зрения, можно рассматривать как результат этой программы, принятой руководством РКП (б) и реализованной ГПУ–ОГПУ.

Для успешного выполнения данной программы органы ГПУ–ОГПУ имели в своем распоряжении довольно большой набор «гласных и негласных» карательных средств и методов. Так, спецслужба в этом направлении могла осуществлять оперативно-организаторскую деятельность, вести оперативную работу в отношении антисоветских групп и организаций на территории РСФСР и за кордоном; производить дознание и предварительное следствие, обыски и аресты; подавлять при помощи специальных войск вооруженные контрреволюционные выступления; создавать специальные места заключения для «классово-чуждых» элементов; высылать за пределы РСФСР и ссылать в отдаленные районы страны неблагонадежных лиц.

Был разработан комплекс мер, практиковавшихся ГПУ–ОГПУ против социалистов. Он составлял взятие на учет всех членов оппозиционных партий, включая и заявивших о выходе из них, и «сочувствующих», и установление за ними «самого тщательного наблюдения» с прицелом на последующий арест и осуждение. В случае малейшего подозрения социалиста (даже бывшего или занимающего ответственный государственный пост) в антибольшевистской деятельности следовал немедленный арест и тюремное заключение [3].

Справедливости ради нужно отметить, что были случаи и освобождения членов оппозиционных партий. Так, в январе 1922 г., на заседании ВЦИК было принято решение по делу 10 рабочих Симбирского патронного завода. Оно гласило: «Принадлежность к с.р. и меньшевикам не подтвердилась следствием, агентурный же материал не внушает доверия (возможны личные счеты). Дали клятву, что никогда против Соввласти выступать не будут и все силы отдадут на поднятие производительности труда на заводе. На основании этого было написано заключение об их освобождении и высылке по месту жи-

тельства» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 116. Л. 14, 44). Но такие случаи были не правилом, а скорее исключением.

Чаще всего в таких «освобождениях» заключался особый смысл. «В интересах дальнейшей разработки дела арестованных Тверских меньшевиков и окончательного выявления лиц, причастных к РСДРП находящихся на свободе не установленных ни следствием, а также и агентурой, полагаю всех проходящих граждан по настоящему делу № 18180 освободить под подписку о явке в Тверской ГПУ через каждые 2 недели для регистрации» читаем мы в одном из заключений по делу меньшевиков (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 893. Л. 315).

Особую «заботу» руководство большевиков уделяло организации мест лишения свободы. Для «классово-чуждых» элементов создавались специальные места лишения свободы, которые находились в ведении ОГПУ. Так 20 апреля 1921 г. Политбюро постановило создать концлагерь в районе Ухты на 10–20 тыс. человек. Затем решением Политбюро он был переведен в Холмогоры. К концу 1923 г. Холмогоро-Пертоминские лагеря ОГПУ были передислоцированы на Соловецкие острова [6: с. 88]. Специальным постановлением Политбюро ЦК РКП (б) в декабре 1921 г. было принято решение об организации лагеря ВЧК на острове Челекене (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 244. Л. 3). В ведении ОГПУ находились Суздальский концентрационный лагерь, Бутырская тюрьма, так называемая внутренняя тюрьма, а также политизоляторы: Ярославский, Суздальский, Верхне-Уральский, Челябинский, Тобольский, которые подчинялись с 1925 г. тюремному отделу ОГПУ.

Кроме арестов и длительных сроков заключения спецслужба использовала и другие карательные меры. Говоря о борьбе ГПУ–ОГПУ с оппозиционными партиями, необходимо отметить, что спецслужба дифференцированно подходила в своей деятельности по отношению к партиям. Ведя постоянный контроль за этими партиями, чекисты довольно быстро реагировали на происходившие в них изменения. Обнаруженные в архиве циркуляры — инструкции по отношению к партиям доказывают этот вывод (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 331. Л. 21, 300; Ф. 66. Оп. 1. № 128а. Л. 1–3. № 128б. Л. 1). Эти инструкции утверждались в ЦК РКП (б) и становились руководством к действию. Например, 4 июня 1921 г., в день представления В.И. Ленину «плана» ВЧК, Политбюро дало директиву усилить борьбу против меньшевиков ввиду «активизации их контрреволюционной деятельности» [1: с. 445]. А 28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП (б) постановил предпринять вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров» [1: с. 516]. Такой процесс стал готовиться только в отношении правых эсеров. Весной 1922 г. органы ГПУ начали расследование деятельности правоэсеровской партии в годы гражданской войны. Началась подготовка к процессу над правыми эсерами.

Заграничная делегация меньшевиков в Берлине (Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, Р.А. Абрамович) выступила с призывом создать единый фронт для защиты российских социалистов. В начале апреля 1922 г. состоялась конференция предста-

вителей трех Интернационалов (Коммунистического, Второго и Венского), на которой обсуждался вопрос о суде над российскими эсерами. Ю.О. Мартов сразу же расценил суд над эсерами как «террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации», «метод расправы большевиков со своими политическими противниками вообще». На этом совещании К.Б. Радек, представлявший Коминтерн, дал обещание пригласить на процесс зарубежных защитников и не применять смертной казни к осужденным. Ю.О. Мартов саркастически писал по этому поводу: «На берлинском совещании трех Интернационалов г. Радек, желая уязвить большее тов. Церетели, патетически заявил, что за ним он отрицает право протестовать против террора, ибо он в 1917 г. требовал смертной казни для шпионов и дезертиров, а вот за Мартовым признает, ибо последний и в то время протестовал против смертной казни. На этом основании все большевистские деятели должны считаться лишенными всякого права апеллировать к гуманности и праву, когда речь идет даже о самых вопиющих, с нашей точки зрения, проявлениях белого террора» [7: с. 137]. Ю.О. Мартов предлагал себя для поездки в Москву в качестве защитника, он же обратился к Николаевскому с просьбой воздействовать на Горького и убедить его выступить в защиту осужденных эсеров. Позже Н.И. Бухарин признавал, что «социалисты сумели тогда поставить на ноги всю Европу и сделали невозможным приведение в исполнение смертного приговора эсерам» [7: с. 139].

В мае 1922 г. ЦК РКП (б) «предложил» партийным организациям «начать самую энергичную письменную и устную агитацию вокруг процесса эсеров среди широких пролетарских элементов», причем указывалось на «необходимость применения к подсудимым наиболее суровой кары» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 293. Л. 101-102). Начались регулярные заседания «тройки» Политбюро «по эсерам», в июне преобразованной в «пятерку» (в нее вошел и представитель ГПУ). Именно здесь, в ГПУ, во всех мельчайших деталях был разработан сценарий будущего судебного процесса, определены сроки и места проведения манифестаций трудящихся, даны конкретные указания относительно характера и направленности всей агитационно-пропагандистской кампании в связи с процессом, даже названы фамилии, так называемых, свидетелей, определены тезисы выступлений участников митингов, свидетелей и обвинителей (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Т. 1. Л. 229-231). В мае 1922 г. губернские отделы ГПУ получили указание из Москвы установить слежку за настроениями на местах, которое по цепочке было передано рядовым агентам спецслужбы (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 349. Л. 100).

С 8 июня по 7 августа 1922 г. дело ЦК и отдельных членов партии правых эсеров рассматривало специальное присутствие Верховного революционного трибунала при ВЦИК. Всего обвинялись 218 человек, перед судом предстали 34. После долгого 50-дневного судебного разбирательства Верховный революционный трибунал огласил приговор. Трибунал приговорил к расстрелу нескольких лидеров партии и ходатайствовал перед ВЦИК о полном освобождении от наказания тех подсудимых, кто «добросовестно заблуждались при

совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции». На следующий день после вынесения приговора президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство трибунала и приостановил исполнение приговора о высшей мере наказания при условии, что правые эсеры прекратят подпольную и террористическую деятельность. В начале 1924 г. все заключенные по процессу были амнистированы.

В то время, когда обвиняемые были амнистированы, преследованию подверглись некоторые участники этого процесса. Так нами было обнаружено дело некоего Жданова — защитника на процессе правых эсеров. Арестован он был 17 августа 1922 г., вскоре после процесса, на котором выступал защитником. В деле отмечалось «...что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени, он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей анти-советской деятельности, при чем в моменты внешних затруднений для РСФСР, свою контрреволюционную деятельность усиливал. А посему, на основании п. 2 лит Е Положения о ГПУ от 6 февраля с.г. (выделено мною. — Л.Б.) полагают административно выслать в ссылку в г. Вятку сроком на 3 года» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. № 139. Л. 89, 99). Как видим, для ареста и ссылки человека достаточно было указать пункты из Положения о ГПУ, которые ни при каких обстоятельствах законом не были. Потребовалась девятимесячная переписка по этому делу и вмешательство А.И. Рыкова, С.И. Мицкевича, И.И. Скворцова-Степанова, Е. Преображенского и др., чтобы постановление о высылке было отменено (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. № 139. Л. 100).

После завершения процесса над эсерами получило новый импульс преследование людей, не разделявших утверждавшейся официальной идеологии. В первую очередь, это касалось партии меньшевиков. Еще в ходе процесса над эсерами 22 июня 1922 г. на очередном заседании Политбюро был рассмотрен вопрос о меньшевиках, подготовленный И.С. Уншлихтом. В протоколе записано: «а) предложенные т. Уншлихтом операции одобрить; б) поручить т. Уншлихту совместно с т.т. Куйбышевым и Зеленским еще раз проверить список арестуемых меньшевиков; в) предложить Уншлихту представить в Политбюро список ранее наиболее активных меньшевиков, действующих в рабочих районах, как Сормово, Брянск и т.п.» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 299. Л. 4). В передовице «Правды» 2 июля 1922 г. говорилось: «Процесс эсеров выявил политику меньшевиков. Не требуя от эсеров отказа от вооруженной борьбы с Советской властью, они требуют отказа от репрессий против эсеров. Пусть меньшевики сами пеняют на себя, если их будут оценивать не по родословной, а по делам» (Правда. — 1922. — 2 июля).

Началась новая широкомасштабная травля, объектом которой снова стала РСДРП (меньшевики). Характерен документ, обнаруженный в архиве, который определяет причины усиления репрессий против меньшевиков. Вот как в нем трактуется эта причина: «Последнее время МК РСДРП в своей искусной контрреволюционной работе *обнаглел до последней степени* (выделено

мною. — Л.Б.), вынуждающей ГПУ принять против пагубной деятельности МК РСДРП репрессивные меры» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 116. Л. 268).

В сентябре 1922 г. Секретный отдел ГПУ потребовал от губернских отделов Управления произвести повальное «изъятие» членов РСДРП, организации, формально все еще «легальной». «Обыски произвести у всех активных, так и неактивных, а также и у сочувствующих, — предписывалось в телеграмме. — ...Арестованным предъявлять обвинение в принадлежности к партии меньшевиков и те контрреволюционные деяния, кои устанавливаются материалами, обнаруженными при обыске» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 611. Л. 124).

Хорошо организованная сеть РСДРП в России вызывала озабоченность РКП (б) и ГПУ. И.С. Уншлихт требовал подтвердить постановление Политбюро о необходимости энергичной чистки всех меньшевистских элементов, в том числе и рабочих. В отношении последних требовалось применять «удвоенную осторожность». Всем губотделам ГПУ была послана телеграмма, в которой говорилось следующее: «...Предлагаем ...немедленно ...произвести обыски и по результатам аресты всех активных меньшевиков... исключением должны быть рабочие физического труда, кои могут быть обысканы исключительно с согласия и ведома губисполкомов...» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 330. Л. 12). В то же время руководство большевиков указывало, что все просьбы об освобождении меньшевиков требовалось направлять на предварительное рассмотрение в совещание НКЮста и ГПУ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 304. Л. 3).

Курс на насильственное пресечение политической деятельности оппозиционных партий нашел отражение в результатах выборов в Советы в конце 1922 г. В связи с предстоящими перевыборами активизировались меньшевистские группы. В течение недели они усиленно распространяли в Петрограде свои воззвания «Под знаменем социал-демократии» и «К перевыборам Советов». Чекисты установили особый контроль за ходом выборов в Советы. Ответственные дежурные по Секретному отделу ГПУ принимали ежечасные сводки с мест о ходе выборов (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 32-33б). Попытки оппозиции пропагандировать свои взгляды натолкнулись на оперативные мероприятия ГПУ. Последними было установлено, что распространяла воззвания небольшая по численности группа. Губком РКП(б) потребовал ликвидации меньшевистской организации. Лиц, распространявших прокламации, надлежало передавать в ГПУ. Утвердившаяся у власти партия, не желая противопоставить политические доводы, всего через пять лет после Октября предпочла им административные меры подавления. Предвыборные усилия меньшевиков и представителей других партий в подобной обстановке не могли принести успеха. В Советы вошли коммунисты и беспартийные.

Административные меры и карательные действия ГПУ–ОГПУ сделали свое «дело». В результате арестов второй половины 1922 г. РСДРП как общероссийская организация фактически перестала существовать. Списки, составленные местными отделами ОГПУ, показывают, что по губерниям меньшевиков в это время считали уже единицами (24 — в Тульской губ., 12 — в Са-

ратовской, 9 — в Иваново-Вознесенской, 11 — в Екатеринбургской и т.д.) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 397. Л. 12-14). В архиве ФСБ РФ имеются более подробные сведения о меньшевиках, взятых на учет губотделами ГПУ. В списках даются не только общие сведения (Ф.И.О., год рождения, социальное положение, возраст, семейное положение и т.д.), но и факты, свидетельствующие о принадлежности к той или иной организации меньшевиков, характеристика участия в деятельности партии, положение в партии и т.д. По крупнейшим городам, губерниям и уездам (всего их в списке 15) насчитывается 204 чел. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 397. Л. 12-14).

В связи с преследованием ГПУ–ОГПУ руководство РСДРП осознало, что сотрудничество с РКП(б) в таких условиях невозможно, так же как невозможно легальное существование партии в условиях большевистской диктатуры. К концу 1922 г. из 23 членов и кандидатов в члены меньшевистского ЦК, избранных в мае 1918 г., из партии вышли 10 человек (К.А. Гвоздев, Б. Горев (Б.И. Гольдман), О.А. Ерманский (Коган), И.М. Майский (Ляховецкий), А.С. Мартынов (Пикер), А.А. Плесков, П.Р. Трифонов, А.А. Трояновский, В.Г. Чиркин, В.И. Яхонтов). Партию покинули такие ее активные члены, как Н.А. Рожков, М.И. Скобелев, Н.П. Суханов, и др. [5: с. 200–207].

Несмотря на все принятые меры, к 1923 году немногочисленные, нелегально существовавшие ячейки были все-таки достаточно активны, правда, в основном на поприще издательской деятельности. В январе 1923 г. только в Москве ими было выпущено 7 листовок. В марте 1923 г. была проведена большая работа по подготовке к празднованию 25-летия РСДРП. Однако эта деятельность была сорвана проведенной ГПУ 15 марта очередной массовой операцией по ликвидации меньшевистских организаций, успевших к тому времени подготовить листовку «25 лет» от Бюро ЦК и два номера журнала «Социал-демократ». Листовка клеймила РКП (б) и содержала лозунг «Да здравствует демократическая республика».

Борьба с меньшевиками продолжалась. Особое значение придавалось «Совещанию по мерам борьбы с меньшевиками», проводившемуся по распоряжению председателя ГПУ Ф.Э. Дзержинского 22–23 марта 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 345. Л. 5-7). Меры борьбы предполагалось осуществлять по двум направлениям. По партийной линии надо было организовать кампанию против меньшевиков в печати, особенно на Дальнем Востоке, в Петрограде и Москве, так как именно в этих районах отмечалась наиболее активная деятельность меньшевиков на заводах, фабриках и в мастерских. Парторганам рекомендовалось также обратить особое внимание на комсомол и состояние марксистских кружков с тем, чтобы в них не могли «просочиться» в качестве лекторов меньшевики. Значительно больше полномочий в борьбе с меньшевиками получила спецслужба. Они заключались в следующем: имели санкцию ЦК РКП (б) на право производить в государственном масштабе массовые операции по меньшевикам, Бунду и др.; определяли места ссылки меньшевиков; согласовывали с руководством вопросы по изъятию меньшевиков из предприятий и учреждений.

Волна репрессий развивалась по восходящей линии. 4 июня 1923 г. вышел секретный циркуляр ЦК РКП (б) «О мерах борьбы с меньшевиками». В нем сообщалось «о полном разгроме буржуазных партий и партии эсеров». Указывалось также, что «партия меньшевиков является сейчас единственной организацией, пытающейся развернуть работу на всей территории союза республик» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 561. Л. 15 об.).

Документ требовал «вырвать с корнем меньшевистские связи в рабочем классе, окончательно дискредитировать ее перед рабочим классом и уничтожить всякую возможность меньшевистского влияния на него в будущем». В циркуляре ставилась задача полного изгнания меньшевиков из общественных организаций, научных и учебных заведений, различных предприятий и ведомств с категорическим воспрещением последующего восстановления на работе. «...По линии ГПУ, — говорилось в циркуляре, — даны специальные инструкции на предмет борьбы с меньшевиками». Этим же письмом коммунисты «в порядке партийной дисциплины» обязывались немедленно доносить обо всех известных им меньшевиках. Партийным комитетам предлагалось обратить особое внимание «на неукоснительное проведение этих директив и оказать всяческое содействие органам ГПУ в деле такого проведения».

Аресты меньшевиков развернулись с новой силой. «...Террор достиг своего предела. И не о полицейских репрессиях идет речь, а о ставке на уничтожение активных сил социалистических партий и рабочего движения в России... В задушенной стране, закрыв все выходы, все отверстия, в беспросветной тьме убивают социалистов!» — указывалось в прокламации Бюро ЦК РСДРП, распространенной в сентябре 1923 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 135).

Первый Всероссийский съезд РСДСРМ, проходивший в Киеве с 4 по 6 сентября 1923 года, был ликвидирован ГПУ, а молодежная организация меньшевиков практически полностью разгромлена. При этом важно отметить, что еще в 1922 г. спецслужба приняла решение о нецелесообразности проведения политического процесса над Союзом молодежи РСДРП (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 157). Как видим, чекисты предпочли репрессии и в отношении молодежи партии меньшевиков. В ноябре 1923 года были проведены массовые аресты меньшевиков, в том числе и аресты лидеров грузинских меньшевиков. Только в ходе ликвидации, так называемого, восстания меньшевиков в августе-сентябре 1924 г. в Грузии было расстреляно 182 человека (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 86. Л. 40).

Но даже в этих условиях листовки продолжали выходить. Меньшевики пытались сопротивляться. В январе 1924 года РСДРП Москвы выпустила листовку «Ночь террора», призывавшую к дальнейшему сплочению и продолжению работы. В феврале 1924 г. РСДРП Петрограда издала листовку «Ко всем рабочим и работницам Петрограда». Основным требованием меньшевиков по-прежнему были «политическая демократия» и «демократическая республика». В мае 1924 года вышла Первомайская листовка, призывавшая выступить «Против террора! За де-

мократическую республику! За политическую амнистию! За свободу рабочих организаций! За свободу слова, собраний и печати! За 8-ми часовой рабочий день!» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 641. Л. 217).

ОГПУ ответило на это новой волной арестов. В результате операции, проведенной Секретным отделом ОГПУ в ночь с 20 на 21 мая 1924 г., была ликвидирована одна из последних меньшевистских организаций — московская (правая) группа социал-демократов.

Одновременно с гласными методами борьбы с антисоветскими партиями уже в годы гражданской войны органы ВЧК начали вести работу по внутреннему разложению оппозиционных партий. Это направление оперативной деятельности ГПУ усилилось через агентуру среди активистов и рядовых членов. Была проведена серия подставных съездов и конференций, проведенных в 1923–1924 гг. бывшими членами оппозиционных партий. Властями было инспирировано ликвидационное движение среди меньшевиков, распускавших на местах свои организации и заявлявших о выходе из партии. Практиковались и индивидуальные заявления, создание инициативных групп по проведению губернских конференций для объявления о роспуске организаций, республиканские и областные съезды меньшевиков, опять-таки с целью самороспуска.

Выдвинутая ГПУ и поддержанная Политбюро идея окончательного уничтожения антисоветских партий с помощью подставных съездов «бывших», не принесла желаемых результатов. Прошедшая в 1923–1924 гг. кампания в той или иной мере охватила лишь тех членов соцпартий, которые уже давно отошли от партийной работы и только ждали подходящего случая, чтобы заявить об этом открыто.

Наряду с арестами и содержанием в тюрьмах и лагерях, широкое распространение в карательной политике органов ВЧК-ОГПУ получила высылка за границу или в отдаленные районы страны в административном порядке как метод борьбы с оппозиционными партиями. 8 июня 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) было принято следующее: «...Предложить ВЦИК издать постановление о создании Особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР... Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе т.т. И.С. Уншлихта, Д.И. Курского и Л.Б. Каменева» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 166. Л. 6).

Высылка предполагалась следующих видов: 1) высылка из данной местности с воспрещением проживания в ней и в других определенных пунктах, 2) высылка из данной местности в определенный район, 3) высылка за границу (ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. № 112. Л. 233).

Декретом ВЦИК «Об административной высылке лиц, признанных социально опасными» от 10 августа 1922 г. ГПУ было предоставлено право административной высылки лиц, причастных к контрреволюционным пре-

ступлениям, на срок не свыше трех лет. Рассмотрение дел было возложено на Особую комиссию при НКВД под председательством наркома [4: № 51, ст. 46], которая работала с 7 октября 1922 г. по 4 апреля 1924 г. В постановлении о высылке каждого отдельного лица указывался район высылки и ее время. На период административной высылки лица лишались избирательного права. Комиссии было дано право без суда высылать и помещать в лагеря неугодных большевикам людей, деятелей оппозиционных партий, а также лиц, дважды судимых за преступления, предусмотренные рядом статей Уголовного кодекса (ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. № 112. Л. 243). Десятки тысяч людей находились в местах высылки.

Фактически высылке подлежали представители всех слоев общества, если, с точки зрения спецслужбы, они проявляли хоть какую-то нелояльность политическому режиму. Проанализировав протоколы заседаний 1922–1924 гг. комиссии НКВД по административной высылке, пришли к выводу, что далеко не все высланные за контрреволюционную деятельность, действительно в ней участвовали. Заключение по делам наполнены такими фразами «является весьма подозрительной личностью в связи с приездом в Россию, где у него нет ни одного родственника и определенных занятий, полагаю... Заключить в лагерь сроком на 3 года» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 516 Л. 59-60), или, например: «выслать из пределов Псковской губ. в город Мезень Архангельской губ. на 3 года, так как нахождение на территории Псковской губернии, наводненной савинковцами нежелательно» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 516. Л. 26-30), а также выслать «за службу в белой армии», «за сокрытие этого факта», за «нелегальный переход границы», выслать как «крайне подозрительное лицо» и т.п. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 890. Л. 201, 264 об.).

Практика административных высылки стала носить распространенный характер. «По всей РСФСР административно высланных можно в среднем считать 500 человек... Цифра «500» будет с небольшими колебаниями постоянной: снимая с содержания (материального — Л.Б.) одних, будут высылаться следующие» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 175).

Решением ГПУ местами ссылки были определены: Архангельская, Северо-Двинская, Вологодская, Вятская, Иркутская губернии, Уральская область, Воткинская автономная область, Киргизская, Туркменская автономные ССР, Туруханский край, Нарым (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 885. Л. 1-4).

Кроме того были определены районы, где было запрещено проживать лицам, признанными социально опасными. Это «...губернии в целом: Московская, Ленинградская, Харьковская, Киевская, Одесская, Витебская, Псковская, Волынская, Подольская, Донская область и Белорусская ССР; города: Иваново-Вознесенск, Ярославль, Тверь, Тула, Брянск, Нижний Новгород, Архангельск, Севастополь» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 100. Л. 6).

Высылаемым разрешалось ликвидировать (так записано в инструкции) семейные дела в течение трех дней, после чего явиться во 2-е отд. Секретного отдела ВЧК (СОВЧК) за документами о следовании к месту ссылки.

По прибытии к месту ссылки им надлежало зарегистрироваться в местных органах ЧК.

Иногородним разрешалось выехать к месту жительства, зарегистрироваться в местных органах ЧК и по истечении трех дней явиться во 2-е отд. СОВЧК за документами о дальнейшем следовании к месту ссылки. По прибытии они также были обязаны зарегистрироваться.

По желанию депортируемых их высылка могла быть заменена выездом за границу, как им самим, так и членам их семей. В этом случае расходы по выезду оплачивало государство (ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп. 1. № 885. Л. 6-10).

Для решения материальных проблем по обеспечению административно-ссылных была создана специальная комиссия. В состав ее вошли представители ВЦИК, ВЧК и НКЮ (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 160-р. Л. 47, 51). Всем высылаемым выплачивалось ежемесячное пособие в сумме 650 тыс. руб., что в условиях инфляции обеспечивало скромный прожиточный уровень. Пособие это увеличивалось в связи с инфляцией. Так, через 4 месяца оно составляло 2 млн. рублей (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. том 1. Л. 174 об). Пособие, как сказано в инструкции, выплачивалось до момента «подыскания работы». Со всех высылаемых бралась подписка об обязательной явке во 2-е отд. СОВЧК. Невыполнение условий подписки рассматривалось как побег со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Высылки порождали атмосферу недоверия интеллигенции к власти, наносили большой ущерб науке и экономике страны, порождали негативное отношение к советской власти. Поэтому Ф.Э. Дзержинский пришел к выводу, что практика широких высылки, особенно по подозрению, опасна, и решил повести «борьбу с этой практикой». Он писал: «Лучше в сто раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку — оттуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас» (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 106. Л. 1). Таким образом, по мнению Ф.Э. Дзержинского, массовые высылки нецелесообразны не потому, что отрывают от семьи, от любимой работы, родных мест тысячи людей, не совершивших конкретного преступления против власти, а лишь потому, что они способствуют формированию оппозиции, укреплению других политических партий, воспитывают их кадры.

Работа органов ГПУ—ОГПУ по ликвидации партий социалистов, в целом, не давала «сбоев» и проходила успешно. Используя весь арсенал средств, имеющихся у них в распоряжении, чекисты уже в середине 1920-х годов, в основном, выполнили поставленную перед ними руководством РКП (б) задачу. Последние организации оппозиционных партий были разгромлены в 1924–1925 гг. В докладных записках о результатах работы по ликвидации меньшевиков, эсеров, анархистов и др. читаем следующее: «Никакой работы в массах не ведут... Существуют по инерции и постепенно разлагаются... (о правых эсерах — Л.Б.). Левозэсеровские организации разваливаются, как, например, Киевская и Дальневосточная. В Чите осталось в организации всего

3–4 человека — Тверская дышит на ладан. От Ленинградской остались жалкие остатки. Только в ходе одной операции в ночь на 11 марта 1924 г. были арестованы Московская и Нижегородская организации РСДРП, Одесская группа социал-демократической молодежи и Одесская организация левых эсеров. Число социалистов, арестованных в эту ночь, превысило 150 чел.» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 601. Л. 1-25).

Арест в 1925 г. Центрального Бюро ПСР прекратил существование этой крупнейшей из российских социалистических партий, еще 8 лет назад насчитывавшей около миллиона в своих рядах, а на выборах в Учредительное собрание собравшей порядка 20 млн. голосов.

В том же 1925 г. исчезла и РСДРП, хотя Бюро ЦК партии номинально продолжало существовать, и меньшевики время от времени напоминали властям о себе вплоть до конца нэпа.

Подводя итог, можно сделать определенные выводы. В годы нэпа руководство ГПУ–ОГПУ совершенствовало методы борьбы с политическими противниками. Была выработана и осуществлена широкая программа практической деятельности партийных органов и ГПУ–ОГПУ по борьбе с противниками советской власти, которая дифференцированно применялась в отношении граждан различных социальных слоев и групп населения, тем самым сохранялся классовый подход в карательной политике. Самыми жесткими методами борьбы были меры, направленные против оппозиционных партий. Такие меры не были оправданными и не соответствовали конкретной исторической обстановке. Используя органы ВЧК–ОГПУ как инструмент своей политики, руководство РКП (б) сумело к концу 1920-х гг. ликвидировать открытую политическую оппозицию и монополизировать сферу легальной политики.

Литература

1. В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – XII, 641 с.
2. Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) / В.И. Ленин // Полное собр. соч. Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 205–245.
3. Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК–ОГПУ. 1919–1924 гг. Т. 3. Ч. 1–2.
4. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – М.: НКЮ, 1922. – № 51.
5. Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.) / Л.М. Спирин. – М.: Политиздат, 1968. – 259 с.
6. Стручков Н. Н. Зона, приоткрытая для критики / Н.Н. Стручков // Коммунист. – 1989. – № 18. – С. 90–98.
7. Урилов И. Х. Судьбы российской социал-демократии / И.Х. Урилов // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С. 122–149.

Literatura

1. V.I. Lenin i VChK: Sbornik dokumentov (1917–1922 gg.). – 2-e izd. – M.: Politizdat, 1987. – XII, 641 s.
2. *Lenin V. I. O prodovol'stvennom naloge (Znachenie novoy politiki i ee usloviya) / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 43. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. – S. 205–245.*
3. Sbornik tsirkulyarov i rasporyazheniy VChK-OGPU. 1919–1924 gg. T. 3. Ch. 1–2.
4. Sobranie zakonov i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki. – M.: NKYu, 1922. – № 51.
5. *Spirin L. M. Klassy i partii v Grazhdanskoy voyne v Rossii (1917–1920 gg.) / L.M. Spirin. – M.: Politizdat, 1968. – 259 s.*
6. *Struchkov N. N. Zona, priotkrytaya dlya kritiki / N.N. Struchkov // Kommunist. – 1989. – № 18. – S. 90–98.*
7. *Urilov I. H. Sud'by rossiyskoy sotsial-demokratii / I.H. Urilov // Voprosy istorii. – 2006. – № 3. – S. 122–149.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КАРАГАНДИНСКОМ УГОЛЬНОМ БАССЕЙНЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ОГПУ (1931–1934 гг.)

Раскрывается проблема и реализация социальной политики в Карагандинском угольном бассейне по материалам ОГПУ (1931–1934 гг.).

Ключевые слова: социальная политика; большевики.

Современное понимание социальной политики тесно связано с понятием социального государства. В научный оборот данное понятие было введено Лоренцем фон Штейном в 1850 г. Штейн считал, что государство должно восстанавливать равенство и свободу, осуществлять экономическое и социальное развитие всех его членов, «так как развитие одного является условием развития другого». К идеям Штейна неоднократно обращались ученые и политики на протяжении второй половины XIX в. и всего XX в. [1. С. 97]. В современной трактовке социальное государство «создает всем гражданам возможности и условия для достойного уровня жизни и минимизации различных социальных рисков, формирует комфортную социальную среду и предпосылки для самореализации личности и раскрытия ее творческого потенциала» [2. С. 96].

Однако социальная политика не всегда и не всеми правительствами проводится во имя идеи социального государства. По мнению ученых, социальная политика любого государства является «уникальным сочетанием различных факторов социального, экономического, политического и финансового характера» [3. С. 61]. Известно, что советское правительство в своих программных документах ставило вопрос о социальных аспектах людей труда. Поэтому представляют интерес цель социальной политики, ее место и значимость во внутренней политике большевиков в 1930-х гг.

Основной задачей стратегии «великого перелома» было проведение коллективизации, индустриализации и культурной революции. Реализация этих направлений, по мнению идеологов, гарантировала построение основ социализма в стране. Советское государство финансировало все социальные проекты (образовательные, культурные и др.) через систему государственного бюджета. В таком контексте можно рассматривать Советское государство как социальное. Однако забота о социальном благополучии своих граждан не являлась приоритетным смыслом внутренней политики сталинского руководства.

Целью статьи является рассмотрение социальной политики в условиях модернизации на примере становления Карагандинского угольного бассейна. Хронологические рамки статьи охватывают период 1931–1934 гг. Нижняя граница периода обусловлена годом признания угольного месторождения «третьей мощной угольной базой СССР» [4. С. 1]. Верхняя граница связана с последним годом существования ОГПУ до реформирования его в НКВД. Предпринимается попытка проследить соотношение социальных мероприятий с приоритетной задачей – осуществлением индустриализации в восточной части страны. Особенность такой социальной политики заключается в том, что она

реализовывалась одновременно с началом становления самого угольного бассейна в Центральном Казахстане. Такое явление было характерно для периода форсированной модернизации, когда приходилось в сжатые сроки решать комплекс взаимосвязанных задач по преодолению отсталости страны.

Источниковой базой для написания статьи явились документы секретно-политического отдела полномочного представительства ОГПУ в Казахстане (тогда автономия в составе РСФСР). Оригинальность этих документов заключается в том, что основным адресатом спецсводок, спецсообщений, докладных записок, бюллетеней политической информации являлся узкий круг лиц государственного и партийного руководства. Спецслужбы регулярно предоставляли совершенно секретную информацию Казахскому краевому комитету ВКП(б) и Краевой контрольной комиссии РКИ. Данные документы содержат богатый материал о положении и настроениях населения, о социально-бытовом и культурном обслуживании, о снабжении и продзатруднениях – сведения, постоянно собираемые на территории республики. По существу, в ведомственных материалах ОГПУ отображены многочисленные события, происходившие в повседневной жизни населения. Такой единственный в своем роде источник наиболее полно воссоздает картину социальной политики государства.

Данный источник обладает высокой степенью достоверности представленной в нем информации, которая едва ли могла быть отражена в других источниках. Это связано, прежде всего, со спецификой таких документов: фиксировать явления жизни, которые, по мнению властей, являлись негативными и даже враждебными. Необходимо отметить оперативность передаваемой информации. Сотрудники ОГПУ немедленно реагировали на происходящее в стране, чтобы довести подлинную обстановку на местах до руководства страны. Из документов следует, что информировали о самых насущных и животрепещущих социальных проблемах.

Помимо повседневной информации, которая передавалась посредством текущих сводок, секретно-политический отдел ОГПУ составлял аналитические документы по конкретным вопросам, запрашиваемые сверху. Такие документы, как правило, содержат фактический материал по всем областям интересующего вопроса. К примеру, в документе «О Карагандинском угольном бассейне» дается комплексная информация по многим сферам деятельности промышленного предприятия (количество заложенных шахт, численность работников и текучесть рабочей силы, деятельность универмагов, ларьков и проблемы с продовольственным снабжением, медицинское обслуживание и др.) [5. Л. 165].

Интересен для исследователя документ «О положении спецпереселенцев, работающих в Каругле» [6. Л. 56]. В нем ОГПУ обозначило основные причины «резко отрицательных показателей состояния этого контингента», а также проанализировало динамику смертности спецпереселенцев в течение 1933 г. Появление таких документов явилось прямым результатом запроса власти, которая внимательно следила за ходом строительства угольного бассейна. С начала тридцатых годов производственная тематика занимает все большее место в системе информации ОГПУ в КАССР. Это было обусловлено желанием власти республики как можно быстрее превратить Казахстан в промышленно развитый район, что вполне соответствовало взятому курсу на форсированную модернизацию СССР.

Безусловно, как и любой источник, документы ОГПУ содержат идеологические установки того времени. Скажем, в качестве виновников в негативных явлениях производства часто упоминались «враждебные элементы», «беглые кулаки» и «баи», обращалось особое внимание на происхождение человека («из крупных собственников»). С другой стороны, ни один другой партийно-государственный документ так подлинно не отражал настроение населения, его отношение к власти в условиях социальной напряженности. Изученные документы позволяют проследить разочарование людей, их негативное отношение к мероприятиям советской власти. Спецсообщения ОГПУ фиксировали высказывания доведенных до отчаяния людей: «начинается красный рынок, его можно назвать красный только потому, что там ежедневно льется красная кровь» [7. Л. 279]; «продолжаете народ мучить, скажите народу, что умышленно вы делаете... довели тысячи людей голодающих, которые ходят, собирают по мусорным ямам разный отброс» [7. Л. 294].

Несомненно, самой острой проблемой в первой половине 1930-х гг. была проблема снабжения населения продуктами питания. Если относительно промышленных районов чекисты говорили о «продзатруднениях» и «недочетах в снабжении», то что касается сельского и аульного населения, речь шла об «опухании, смертности от голода» и даже о «людоедстве» [7. Л. 65; 8. Л. 55; 9. Л. 11]. Руководство страны не могло обеспечить всех, поэтому старалось снабжать работников тяжелой промышленности, бросая остальных на произвол судьбы. Сельское население было обречено на голодную смерть, а городское – на полуголодное существование.

Как уже отмечалось выше, Карагандинский угольный бассейн являлся важным объектом угольной промышленности СССР; это означало, что по сравнению с другим населением работники угольного бассейна были в более обеспеченном положении. В период существования карточной системы рабочие Караганды наряду с работниками других ведущих промышленных объектов страны имели право преимущественного и первоочередного снабжения [10, 11].

В спецсводке № 24 от 20 ноября 1931 г. представлена информация «о фактах отрицательного характера на промышленных предприятиях и новостройках Казахстана», среди которых центральное место занимала проблема снабжения в Карагандинском угольном бассейне [12. Л. 436–448]. По мнению сотрудников ОГПУ,

одной из причин плохого продовольственного обеспечения является «безответственный учет контингентов». Если фактический контингент, подлежащий снабжению по предприятию, составлял 15 000 человек, то Казнаркомснабом и Крайсоюзом было учтено всего 12 200 человек. Под срывом оказался завоз овощей в рабочие районы (Караганда, Ридер) в 1931 г.: к ноябрю план был выполнен всего на 3%. Причиной этому послужила «крайне слабая постановка работы» в Крайсодогородсоюзе. Руководство слабо представляло свои фонды, следствием чего являлась ошибочная работа в распределении нарядов. В итоге один из важнейших производственных участков Казахстана был оставлен без овощей.

В этом же документе отдельное внимание уделяется системе общественного питания на предприятии. Двадцать три столовые, которыми на тот момент располагал угольный бассейн, охватывали только 25% рабочих и 5% членов их семей. Остальная рабочая масса обслуживанием столовых не была охвачена. Сами столовые располагались в бараках временного типа, которые были «тесными, темными и грязными», абсолютно непригодными для зимних условий. Помимо нехватки соответствующих площадей, столовые также не были обеспечены необходимым количеством инвентаря и оборудования.

В результате фактическая пропускная способность столовых была примерно в три раза меньше положенной, следствием чего явились большие очереди во время обеденного перерыва. Качество предлагаемых блюд было неудовлетворительным. Сотрудники ОГПУ сделали следующие выводы: «питание в столовых не сытное и не вкусное», «обеда мало питательны и подчас приготавлиются из непригодных продуктов» [12. Л. 439].

В последующие годы (1932–1934) причины, вызвавшие продовольственные затруднения, остались теми же: «неумелое использование фондов, безалаберный учет и планирование, несвоевременная переброска товаров к местам распределения» [5. Л. 168]. К этим причинам прибавились «злоупотребления», «хищения», «самоснабжение» и «растраты» со стороны людей, работающих в системе снабжения, только происходило это уже в условиях значительно ограниченных фондов [8. Л. 18].

В одном из документов зафиксировано высказывание рабочего шахты: «Нас кормят плохо, но мы, дураки, работаем, поэтому снабжение все ухудшается и теперь свелось почти на нет; для того чтобы заставить улучшить снабжение, нам всем надо бросить работу» [8. Л. 23].

Следует отметить, что данные слова принадлежат члену ВКП(б), члену бюро шахты. В этом же документе отмечается, что в связи с ухудшением продовольственного снабжения, которое проявлялось в «снижении норм хлеба, несвоевременной выдаче и отказе в хлебных карточках на иждивенцев», были зарегистрированы забастовки (с участием 14 человек), волынки (5 случаев с общим числом участников 81 человек) и эксцессы (50 человек). Причем данные цифры относятся только к декабрю 1932 г. Картину проявления недовольства дополняет бюллетень политической информации № 27 от 17 августа 1933 г. На почве продзатруд-

нений на двух шахтах предприятия 26 и 27 июля 1933 г. продолжалась массовая забастовка рабочих» [9. Л. 38].

Однако проблема с продовольственным снабжением была не единственной, с которой столкнулось руководство республики. Разразившийся голод сопровождался резким всплеском инфекционных заболеваний. В связи с этим появились спецсообщения ОГПУ с соответствующими заголовками: «Об эпидемических заболеваниях», «О состоянии заболеваний малярией» и др. [9. Л. 121; 13. Л. 64; 14. Л. 80]. Среди болезней преобладали тиф, оспа, малярия, имелось подозрение на чуму, отмечены случаи заболевания сапом.

Помимо инфекционных заболеваний причинами увеличения числа смертности были также заболевания рахитом и цингой. В течение двух летних месяцев 1933 г. в Карагандинской области было зарегистрировано 4866 случаев заболеваний малярией и за первые десять дней сентября – 718 случаев. Спецсообщением № 34 от 22 февраля 1934 г. КК РКИ было проинформировано об эпидемии сыпного тифа: «неуклонное повышение числа заболеваний» [14. Л. 80]. В этом же документе отмечены смертельные исходы в результате заболевания оспой. Основной проблемой того времени была нехватка медицинских кадров (прежде всего квалифицированных врачей), лечебных средств и соответствующих медицинских учреждений. К примеру, в связи с эпидемией малярии сотрудниками ОГПУ было зафиксировано, что соответствующие медицинские лекарства и препараты «...на исходе, посланные заявки в край не присылаются; врачей специалистов по малярии нет. Областная малярийная станция до сего времени не открыта» [13. Л. 64].

Безусловно, состояние жилищных условий также влияло на здоровье населения. Согласно данным ОГПУ, в ноябре 1931 г. в Карагандинском угольном бассейне «ввиду антисанитарного состояния жилищ рабочих и служащих развернулась эпидемия брюшного тифа» [12. Л. 445]. Жилищные условия влияли не только на физическое здоровье, но и на психическое и социальное благополучие населения [15. С. 105–107].

Следует отметить, что рост числа заболеваний приводил к срыву производственных и строительных планов по промышленным предприятиям, стройкам, совхозам и колхозам вследствие заболевания значительной

части рабочих и колхозников. В медицинском обслуживании, как и в вопросе снабжения продовольствием, государство оставляло за собой право расставлять приоритеты. Сотрудники ОГПУ отметили, что в период эпидемий «имеющиеся медицинские силы направляются главным образом в рабочие районы, в то время как колхозы совершенно выпали из поля зрения» [9. Л. 126]. Вопрос планирования и учета, руководства и организации в области здравоохранения тоже был не на высоте и указывался в качестве одной из причин распространения заболеваний [9. Л. 123; 14. Л. 81].

Таким образом, впервые публикуемые документы ОГПУ, имевшие гриф «совершенно секретно», помогают нам наиболее полно рассмотреть реализацию социальной политики и оценить ее последствия. Спецсообщения и аналитические справки ОГПУ представляют большой интерес для изучения внутрисоциальных процессов в республике и в Советском государстве. Значимость таких источников определяется функциями и задачами ОГПУ как ведущего звена в структуре информирования власти о положении в стране. Характер и полнота содержащейся информации в документах менялись, но неизменно присутствовала тема производства.

Опираясь на документы ОГПУ, можно сделать вывод, что начало 1930-х гг. было тяжелым временем для советских людей. Финансирование социальной сферы осуществлялось по остаточному принципу после обеспечения военно-промышленного комплекса, тяжелой промышленности и др. Поскольку у Советского государства наблюдался дефицит средств, то на долю социальных расходов приходился минимум. Представленный материал ОГПУ показывает, что состояние снабжения и медицинского обслуживания в Карагандинском угольном бассейне было чрезвычайным. Голод и эпидемии имели серьезные социально-демографические последствия для республики. Несмотря на это социальная политика государства была жестко подчинена стратегии «великого перелома» и ни на шаг не отходила от заданного ей темпа. Она не выражала потребности и интересы граждан и тем более не ставила целью блага человека, а служила дополнительным механизмом для проведения индустриализации страны и являлась необходимой мерой для поддержания рабочей силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакевич Л.И. История социальной работы за рубежом. Томск: Том. гос. ун-т систем упр. и радиотехники, 2003.
2. Милецкий В.П. Российская модернизация: Предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб.: СПб. ун-т, 1997.
3. Валютная и социальная политика Европейского Союза: Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Тимошенко. Томск: ТГУ, 2004.
4. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 года. Об увеличении угольных и коксовых ресурсов // Правда. 1931. 24 авг.
5. Архив президента республики Казахстан (АП РК) Ф. 719. Оп. 4. Д. 69.
6. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 726.
7. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 1409.
8. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 667.
9. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 675.
10. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М., 1993. 144 с.
11. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.
12. АП РК. Ф. 719. Оп. 3. Д. 220.
13. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 666.
14. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 1410.
15. Ким М.Ю. Жилищное обеспечение Карагандинского угольного бассейна в начале 1930-х гг. // Научная сессия ТУСУР-2007: Материалы докл. Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: В-Спектр, 2007. Ч. 5.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 июля 2008 г.

Бухарин Р.Р.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ВЧК-ГПУ-ОГПУ в 1920-х годах

Эволюция социального статуса сотрудников спецслужб на различных исторических этапах их развития вызывает у специалистов повышенный интерес. В связи с этим в данной статье рассматриваются вопросы продовольственного обеспечения и денежного довольствия сотрудников ВЧК-ГПУ-ОГПУ в 20-е годы минувшего столетия.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (далее – ВЧК), созданная 7 (20) декабря 1917 г., с первых дней существования показала свою состоятельность. Органы ВЧК стали эффективным институтом обеспечения национальной безопасности молодого Советского государства. К началу 1920 г. ими были раскрыты заговор послов во главе с Локкартом в Москве и заговор «Областного Комитета Союза Освобождения России» в Петрограде, ликвидированы белогвардейские организации «Тактический центр», «Союз возрождения России», «Национальный центр», террористический Западный комитет «Народного союза защиты Родины и Свободы» и т.п.

Вместе с тем сотрудники ВЧК, как и основная масса населения, находились в тяжелом социально-экономическом положении, которое усугубилось неурожаем в стране в 1921 г. По решению собраний до 50 % продовольствия они отдавали в пользу голодающих пострадавших районов. На продовольственном обеспечении негативно сказывалось и то, что продукты органы ВЧК получали по остаточному принципу через военное ведомство. Средний заработок сотрудника исчислялся от оклада служащих последней группы и составлял 18-34 млн. руб. при прожиточном минимуме 50 млн. руб.

Неблагополучно обстояли дела даже в тех подразделениях, которые осуществляли личную охрану председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина. Так, начальник отряда особого назначения при Президиуме ВЧК Климов в рапорте, датированном октябрём 1921 г., писал: «Однообразие продуктов (селедка и пшеница или рожь – плохого качества) привели к цинге 50 % личного состава.

Не хватает одеял (имеется 50), мокрые шинели способствуют паразитам. Просьба улучшить снабжение» [3, с. 400].

Для наглядности процитируем письмо секретаря оргбюро Донецкого губкома В.Н. Манцева, написанное Ф.Э. Дзержинскому 15 июня 1922 г. Его автор обращает внимание на кадровую ситуацию в органах ГПУ¹ на Украине: «Я думаю, что это общий вопрос и в России, положение их едва ли лучше. Денежное вознаграждение, которое уплачивается сотруднику, мизерное - так же, как и продовольственный паек. Сотрудник, особенно семейный, может существовать, только продавая на рынке все, что имеет. А имеет он очень мало. И потому он находится в состоянии перманентного голодания. На этой почве происходит общее понижение работоспособности, настроение сотрудников озлобленное, дисциплина падает... Зарегистрирован ряд случаев самоубийства на почве голода и крайнего истощения. Я лично получаю письма от сотрудниц, в которых они пишут, что принуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голода. Арестованы и расстреляны за налеты и грабежи десятки, если не сотни сотрудников, и во всех случаях установлено, что идут на разбой из-за систематической голодовки. Бегство из ЧК повальное. Особенно угрожающе стоит дело с уменьшением числа коммунистов среди сотрудников. Если раньше мы имели 60 % коммунистов, то теперь с трудом насчитываем 15 % ... И уходят не худшие, а в большинстве пролетарии». Письмо заканчивается словами: «... если ЧК не нужна, то об этом нужно сказать прямо и твердо» [5, л. 102-102об].

По указанию председателя ГПУ Ф.Э. Дзержинского была проведена проверка фактов, изложенных в письме. В отчетном докладе указывается: «Обследование материального положения губотделов ГПУ с очевидной ясностью подтвердило всю его катастрофичность...

Все доклады, телеграммы, письма, беседы – сплошной вопль о безвыходности, об отчаянности положения. Нет денег и кредитов, нет продовольствия, нет обмундирования, отсутствует самое необходимое. Не о работе приходится думать, а стоит вопрос, как удержать разваливающийся аппарат...

¹ 6 февраля 1922 года ВЧК была ликвидирована с передачей полномочий Государственному политическому управлению при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР (далее – ГПУ). – Р.Б.

Среди сотрудников массовое дезертирство. Ни увещевания, ни аресты не действительны для разбегающихся, т.к. остается для них – иногда буквально голодная смерть...

Среди остающихся – деморализация, взяточничество и другие цветы, вырастающие пышно на этой почве» [4, л. 14].

Руководство ГПУ о тяжелом материальном положении своих сотрудников неоднократно докладывало в органы государственной власти¹. 18 мая 1922 г. данный вопрос рассматривался на заседании Политбюро ЦК РКП(б)². На нем было принято решение о повышении материального положения сотрудников ГПУ за счет сокращения численности до пределов, позволяющих выполнять возложенные на них задачи [2, с. 29].

Реализуя решения Политбюро и Оргбюро, Госполитуправление циркулярным письмом от 15 мая 1923 г. предписало всем своим органам упростить структуру и установить организационные схемы, которые до минимума сократили бы обслуживающие части аппарата (канцелярии, хозяйство, связь), а сокращение численности сопровождать повышением оплаты труда [6, л. 64]. В результате принятых мер произошло сокращение численности сотрудников ГПУ. Если в конце 1921 г. в ВЧК насчитывалось 90 тыс. гласных и 60 тыс. негласных сотрудников, то к 1 ноября 1923 г. в ГПУ их осталось 33 152 и 12 900 чел., соответственно [1, л. 31].

Резкое сокращение численности ГПУ позволило обеспечить его финансирование в необходимых объемах и разрешить первоочередные материальные проблемы сотрудников. 10 января 1923 г. Совет Труда и Оборона принял реше-

¹ 5 мая 1922 г. И.С. Уншлихт обратился к И.В. Сталину с жалобой на Наркомфин, не обеспечивавший снабжение ГПУ. 10 мая он также направил на имя В.И. Ленина записку, в которой говорилось о том, что отсутствие финансовых средств ставит в безвыходное положение сотрудников ГПУ и не позволяет вести оперативную работу, а все ходатайства в «советском порядке» остаются без результатов. И.С. Уншлихт отмечал, что возникла угроза полного развала всей работы и речь идет о дальнейшем существовании Госполитуправления. Предложения ГПУ заключались в том, чтобы финансовые средства выделялись исходя из штатной численности сотрудников - 105 тысяч человек. Далее И.С. Уншлихт предлагал приравнять оклады сотрудников к окладам работников производственных предприятий, а не служащих последней группы. Расходы на секретную агентуру он просил утвердить в размере 10 млн. довоенных рублей. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003. С. 27, 783. – *Р.Б.*

² В связи с упомянутым письмом В.Н. Манцева вопрос о тяжелом положении ГПУ также рассматривался на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) 5 июля 1922 г. – *Р.Б.*

ние о приравнивании сотрудников ГПУ к военнослужащим Красной Армии в отношении продовольственного обеспечения [7, л. 1].

Проведение в России финансовых реформ 1922–1924 гг. позволило снизить гиперинфляцию и создать условия для повышения уровня жизни сотрудников. С 1 ноября 1926 г. в ОГПУ¹ были установлены новые оклады. Председателю и начальникам отделов ОГПУ определили оклад жалованья в 225 руб., комиссарам для особых поручений – 150 руб., комиссарам для поручений – 125 руб. [8, л. 648-692]. В декабре 1929 г. состоялось еще одно повышение денежного довольствия. Оклады руководителей ОГПУ и подразделений центрального аппарата остались прежними, а оклады комиссаров повысились на 25 руб. (на 16 и 20 % соответственно). Для сравнения: наивысшая ставка ответственного партийного работника в 1927 г. составляла 175 руб., средняя зарплата промышленного рабочего – 50 руб.

Таким образом, социальная политика Советского государства в отношении органов ГПУ-ОГПУ в начале 1920-х гг. была направлена на скорейшее улучшение материального положения сотрудников, прежде всего это касалось продовольственного обеспечения и денежного довольствия. Принятые меры позволили поднять социальный статус сотрудников и престиж службы в органах ОГПУ.

Вместе с тем, несмотря на принятые меры, социальный статус военнослужащих Красной Армии оставался более высоким, чем социальный статус сотрудников ОГПУ. Военнослужащим и членам их семей в середине 1920-х гг. было установлено государственное социальное обеспечение. Им предоставлялись социальные гарантии и льготы, предусмотренные «Кодексом законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ СССР и их семей» (далее – Кодекс), а также пенсионное обеспечение, регулируемое «Положением о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава РККА» (далее – Положение)².

Руководство ОГПУ неоднократно обращалось в органы государственной власти с просьбой о введении государственного социального обеспечения для

¹ Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 15 ноября 1923 г. ГПУ НКВД РСФСР было преобразовано в Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных комиссаров СНК СССР. – *Р.Б.*

² «Кодекс законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ СССР и их семей» был принят постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. «Положение о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава РККА» было утверждено постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1926 г. и введено в действие с 1 октября 1926 г. – *Р.Б.*

своих сотрудников. В результате 13 августа 1927 г. Совет Труда и Оборона СССР принял решение о распространении действия Кодекса и Положения на личный состав ОГПУ. Приказом ОГПУ СССР от 5 октября 1927 г. № 195 личный состав с 1 октября того же года снимался с обеспечения органами социального страхования и переходил на государственное обеспечение [9, л. 242-243].

Таким образом, распространение действия Кодекса и Положения на органы ОГПУ положило начало созданию единой системы правовой и социальной защиты сотрудников органов безопасности.

Правовая защита сотрудников и членов их семей заключалась в закреплении в законодательных актах социальных гарантий, льгот и компенсаций, а также правового механизма их реализации. Судебная защита законных интересов указанных лиц возлагалась на органы местного самоуправления. Социальная защита указанных лиц выражалась в реализации социальных гарантий, льгот и компенсаций органами государственной власти и местного самоуправления. Расходы на реализацию предусмотренных мер были отнесены на счет союзного государственного бюджета

В соответствии с Кодексом и Положением сотрудникам ОГПУ и членам их семей были установлены следующие льготы:

- жилищные: члены семей сотрудников могли освобождались от взимания квартирной платы, их выселение в административном порядке из жилищ, закрепленных за учреждениями и предприятиями, могло произойти лишь в период с 1 апреля по 1 ноября при условии предоставления другого жилья;
- в области землепользования и сельского хозяйства: часть земли, приходящаяся на долю сотрудника, за все время нахождения его на службе сохранялась за трудовым хозяйством, участником которого он состоял;
- в области налогообложения: сотрудники освобождались от уплаты государственного подоходного налога, государственного охотничьего сбора, прописочного сбора и налога на велосипеды;
- в области народного образования: сотрудники в свободное от службы время на льготных условиях могли получать образование в школах, на курсах и в высших учебных заведениях; несовершеннолетние члены семей сотрудников имели первоочередное право на предоставление мест в детских домах, садах и колониях; дети сотрудников, оставшиеся сиротами, в первоочередном порядке принимались в школы, обеспечивались учебниками и освобождались от платы за обучение;

– в области народного здравоохранения: сотрудники имели право на бесплатную медицинскую помощь, получение денежного пособия на лечение и восстановление здоровья после тяжелой болезни, ранения, контузии, если они были вызваны службой;

– в области транспортного обслуживания: сотрудники имели право на бесплатный проезд железнодорожным и водным транспортом к местам проведения основного отпуска, отпуска по особо уважительным причинам, лечения и обратно.

Важнейшим видом социального обеспечения было пенсионное обеспечение. В соответствии с «Положением о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава РККА» в ОГПУ назначались и выплачивались пенсии: сотрудникам, уволенным со службы, за выслугу лет и по инвалидности, членам семей - по случаю потери кормильца.

Право на пенсию за выслугу лет в размере 50 % оклада жалованья наступало после 20-летней непрерывной службы. За каждый год выслуги сверх 20 лет размер пенсии увеличивался на 4 %, а за каждый год выслуги сверх 25 лет – на 6 % оклада жалованья. При выслуге 30 и более лет пенсия назначалась в размере 100 % оклада жалованья. Отдельные периоды деятельности сотрудников засчитывались в выслугу лет для назначения пенсии в льготном исчислении: в Красной гвардии – один месяц службы за четыре месяца; на границах СССР в пограничной охране – один месяц за полтора; в военное время, а также при участии в подавлении восстаний или в боевых действиях против бандитизма – один месяц за два. Лицам, награжденным орденами Красного Знамени, за каждый полученный орден размер пенсии увеличивался на 10 %.

Основанием, определяющим право на пенсию по инвалидности, являлось признание в установленном порядке степени нетрудоспособности сотрудника, уволенного со службы. Лицам, инвалидность которых наступила в связи с прохождением службы, пенсия назначалась: инвалидам I группы – в размере 100 %, инвалидам II группы – 75 % и инвалидам III группы – 50 % оклада жалованья. Если инвалидность наступила во время прохождения службы, но с ее прохождением не связана, пенсия назначалась в меньшем размере: инвалидам I группы – 50 %, инвалидам II группы – 35 %. Лицам, признанным нетрудоспособными без инвалидности, если нетрудоспособность их обусловлена причинами, связанными с прохождением службы, пенсия назначалась в размере 25 % оклада жалованья.

Семьям умерших или без вести пропавших сотрудников, если их смерть наступила или они пропали без вести во время прохождения службы, пособие назначалось в размере: на одного нетрудоспособного – 50 %, на двух – 75 % и на трех и более – 100 % пенсии, установленной для инвалидов I группы с учетом обстоятельств смерти или безвестного отсутствия сотрудников.

Необходимо отметить, что пенсии сотрудникам оформлялись независимо от причины их увольнения со службы, в том числе в связи с совершенными правонарушениями. Однако, в соответствии с приказом ОГПУ СССР от 19 июля 1929 г. № 162 лица, потеря трудоспособности которых была связана с совершением правонарушения, лишались права на пенсию [10, л. 169].

В целом, пенсии, назначенные сотрудникам, уволенным со службы, гарантировали более высокий уровень жизни, чем другим категориям населения. Это зачастую приводило к возникновению затруднений в кадровом обеспечении органов ОГПУ, так как многие сотрудники, имевшие право на пенсию, увольнялись со службы по причине тяжелых условий.

Следует отметить, что такой порядок пенсионного обеспечения в ОГПУ с небольшими изменениями просуществовал до начала Великой Отечественной войны.

Система социального обеспечения ОГПУ, сложившаяся в конце 1920-х гг., также предусматривала выплату единовременных пособий. По случаю рождения ребенка единовременное пособие выплачивалось в размере 55 руб. сотрудникам и лицам, уволенным со службы и получавшим пенсию. Единовременное пособие на погребение сотрудника, а также членов его семьи, находившихся на его иждивении, выплачивалось в размере: лицам, имевшим выслугу 10 и более лет, и членам их семей – 40 руб.; лицам, имевшим выслугу менее 10 лет, и членам их семей – 20 руб.

Сотрудникам, не имевшим права на пенсию, при увольнении со службы выплачивалось выходное пособие: прослужившим менее 3 лет – в размере двухнедельного оклада жалованья; прослужившим от 3 до 5 лет – в размере полуторамесячного оклада жалованья. За каждый год службы сверх 5 лет размер выходного пособия увеличивался на $\frac{1}{4}$ месячного оклада жалованья.

Обобщая изложенное, заметим, что низкий уровень жизни сотрудников ВЧК-ГПУ после Гражданской войны стал причиной падения престижа службы в органах безопасности и представлял угрозу для их дальнейшего существования. Органы государственной власти Советской Республики сумели своевременно и

правильно оценить создавшуюся ситуацию и выработать основные направления социальной политики в отношении органов безопасности. Были предприняты меры по улучшению материального обеспечения сотрудников, прежде всего их продовольственного и денежного обеспечения.

Следующим этапом социальной политики Советского государства в отношении ОГПУ стал переход в конце 1920-х гг. к государственному социальному обеспечению сотрудников и членов их семей. Реализация социальных гарантий и льгот, предусмотренных для указанных лиц, а также их пенсионное обеспечение позволили установить высокий социальный статус сотрудников и подняли престиж органов государственной безопасности. Такое положение было обусловлено той ролью, которую они занимали в системе обеспечения национальной безопасности.

* * *

1. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991: справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003.
2. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003.
3. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007.
4. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 193.
5. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 37.
6. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 75.
7. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142.
8. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 937.
9. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 171.
10. ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 194.

УДК 355.404.1

С.А.КУРТИНЕЦ

Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931)

По опубликованным и впервые введенным в научный оборот архивным документам анализируется разведывательная работа японских консульств против СССР в 1922–1931 гг. на Дальнем Востоке и противодействие ей советской стороны.

Ключевые слова: японское консульство, посол, шпионаж, разведка, агент.

Intelligence activities of japanese consular agencies in the Soviet Far East (1922–1931). S.A.KURTINETZ
(Khabarovsk Frontier Institute, FSB RF).

According to published and the first introduced archival documents in scientific turnover, prospecting work of the Japanese consular agencies against the USSR (1922–1931), in the Far East and activity of the Soviet security officers on its counteraction is analysed.

Key words: the Japanese consular agency, the ambassador, espionage, investigation, the agent.

До 1990-х годов подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 1920-х годов и работа сотрудников органов госбезопасности по ее противодействию была темой лишь художественных произведений советских писателей (С.Роднин, Д.Федичкин и др.) [8, 10]. В постсоветский период, когда доступ к закрытым фондам был открыт, появились исследования А.Буякова, Л.Вялкова, А.Дементьева, А.Полутова, Л.Цыбина [1, 3, 4, 7, 11]. Однако комплексное изучение процесса противодействия органов безопасности разведывательно-подрывной работе иностранных консульств в 1922–1931 гг. не проводилось.

В данной работе автор, основываясь на опубликованных и архивных материалах, ряд которых вводится в научный оборот впервые, делает попытку проанализировать новые факты относительно разведывательно-подрывной деятельности японских консульств на территории Дальнего Востока и северной Маньчжурии, а также работу сотрудников органов госбезопасности по противодействию ей.

После того как в октябре 1922 г. японские оккупационные войска покинули территорию советского Дальнего Востока, в городах Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Александровск-Сахалинский и Петропавловск-Камчатский остались японские консульства, которые продолжили свою работу. Под их прикрытием по линии Министерства иностранных дел (МИД) Японии велась разведка по добычанию информации о Советском Союзе и его Дальневосточном крае легальными и нелегальными методами. Вместе с тем кадровые японские разведчики, действуя под дипломатическим прикрытием и пользуясь вымышленными именами, осуществляли сбор сведений по указаниям своих Генерального штаба и военных миссий¹ [7, с. 58].

КУРТИНЕЦ Сергей Анатольевич – доцент (Хабаровский пограничный институт ФСБ России).
E-mail: ksa2211@mail.ru

¹ Более подробно деятельность японских военных миссий рассмотрена автором [5].

Японское консульство во Владивостоке развернуло активную разведывательную деятельность по сбору сведений политического характера (Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, далее ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 4, п. 250, л. 279). Это консульство завербовало немало информаторов среди различных социальных слоев населения. В городе имелась большая колония японцев и корейцев. Колонию японцев (около 600 чел.) объединяло японское общество, в правление которого входили 12 представителей крупных торговых фирм. Его секретарю господину Кагеда связь с консульством помогала выполнять свою миссию резидента японской разведки (Архив управления ФСБ России по Омской области, далее АУФСБОО. Ф. 65, д. 14, л. 767).

В 1923 г. в состав японского консульства во Владивостоке входили генеральный консул Ватанабе², вице-консул Гундзи и два секретаря (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 1, п. 523, л. 138).

Под прикрытием японского консульства велась работа по двум направлениям: общее наблюдение за политикой и хозяйственной деятельностью советской власти и слежка за корейцами. Руководящих этой деятельностью вице-консула Гундзи, секретарей консульства Харуда и Осакабе интересовали скопление войск Красной армии в районе Читы и Благовещенска, положение во Владивостоке, численность гарнизона в Никольск-Уссурийске, а также сведения о корейцах. Для этих целей они имели агентурный аппарат, состоящий из корейцев, японцев и русских. Агентам ставились задачи по выяснению численного состава и сведений о воинских частях в Приморье и во Владивостоке: сколько корейцев-командиров проходило службу в Красной армии; кто из японцев служил в Государственном политическом управлении (ГПУ). Так, японец Накаси́ма, войдя в доверие к командиру Частей особого назначения Приморской губернии Воронову, сумел выведать у последнего структуру советских учреждений [11, с. 46]. Одновременно агенты вели негласное наблюдение за японцами Комадой, Хомасимой, Ямасимой и другими (всего около 10 чел.), которых подозревали в сотрудничестве с ГПУ (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 2, п. 520, л. 2–3).

Таким образом, в начале 1920-х годов XX в. под прикрытием консульства в Приморье, в основном в его столице Владивостоке, японцы развернули широкую агентурную сеть, позволявшую им вести разведывательную работу по сбору политической, экономической и военной информации о советском Дальнем Востоке.

После включения территории Дальневосточной республики в состав РСФСР приказом заместителя председателя ГПУ И.С.Уншлихта № 40 от 3 февраля 1923 г. на территории Дальнего Востока были организованы губернские, уездные органы и полномочное представительство ГПУ (ЦА ФСБ РФ. Сборник приказов и распоряжений ВЧК–ОГПУ–НКВД Союза ССР. Т. 6, ч. 1. 1923. С. 61–63).

С началом образования Приморского губернского отдела ГПУ японское консульство было взято в оперативную разработку. Сотрудники органов госбезопасности собрали неопровержимые доказательства ведения японскими дипломатами шпионской работы на территории Приморья и Дальнего Востока. В результате были арестованы несколько связанных с консулом японских агентов, в том числе переводчик японского языка, который работал в губернском отделе ГПУ [4, с. 20].

Контрразведчикам Приморского губернского отдела Объединенного государственного политического управления (Прим ГО ОГПУ) несколько раз удалось уличить консула. Первую операцию провели во Владивостокском морском порту в конце 1923 г. Во время погрузки на пароход японской дипломатической почты большой деревянный ящик, когда его поднимали с помощью лебедки, «случайно» сорвался и, упав на причал, развалился. Из-под обломков вылез мужчина, как выяснилось впоследствии – белогвардейский офицер. Позже установили, что он по фальшивым документам, изготовленным помощниками генерального консула Ватанабе, свободно перемещался по Приморью под видом то коммивояжера нэповской фирмы, то странствующего монаха, собиравшего деньги на строительство храма.

² Здесь и далее инициалы не указаны, если автор не смог их восстановить.

Используя свою агентурную сеть в Приморье, он добывал для японской разведки сведения стратегического и военного характера [10, с. 167].

Второй случай, беспрецедентное по наглости ограбление отделения Государственного банка во Владивостоке, произошел в феврале 1924 г. В ходе расследования выяснилось, что преступление совершено белогвардейцами под общим руководством японского консульства, в последующем планировалось переправить советские денежные знаки и драгоценности по дипломатической почте через советско-китайскую границу для финансирования антисоветской деятельности организации атамана Семенова. Однако блестяще проведенная советскими контрразведчиками операция позволила вернуть государству сотни пачек советских дензнаков и золото в вализах, изъятых без дипломатического скандала из японской диппочты [8, с. 106, 138].

В марте 1924 г. во Владивостоке была раскрыта японская резидентура, которая имела в городе несколько конспиративных квартир и субсидировалась японским военным министерством [3, с. 30]. Органы Прим ГО ОГПУ арестовали 29 чел., в том числе 19 японцев, 3 русских, 1 китайца и 6 корейцев. Среди них были японские дипломаты: вице-консул Гундзи и секретарь консульства Осакабе, уполномоченный корейского генерал-губернаторства Харуда, а также поддерживающие связь с консульством офицеры Мацуй и Миодзума (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 520, л. 4).

В ходе расследования выяснилось, что Мацуй Такуро (он же капитан Тамуро) был офицером японского Морского генерального штаба и возглавлял штаб японской военноморской разведки во Владивостоке (ЦА ФСБ РФ. Ф. 4, п. 250, л. 279). В 1922 г., перед окончанием оккупации, он был командирован во Владивосток для ликвидации дипломатической военной миссии, а после выполнения задания остался для ведения военного шпионажа. У него в подчинении были сотрудник Хирай и переводчик Мита. Пока на рейде во Владивостоке находился крейсер «Ниссин», полученную разведывательную информацию Мацуй посылал в Японию, используя радиосредства этого судна. После ухода «Ниссин» он связывался с военным министерством через консульство, а также через служащих парохода «Хосан-Мару». Мацуй создал в Приморье шпионскую сеть, в которую входило более 30 чел. С их помощью он собирал сведения о Красной армии, флоте и расположении воинских частей. Для лучшей организации и ведения разведки Мацуй с помощью своего помощника Хирая открыл цветочный магазин, который являлся конспиративной квартирой (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 520, л. 7).

Арест высокопоставленных дипломатических лиц вызвал негодование со стороны японского правительства. Оно обратилось к советской стороне с требованием разъяснить сложившуюся ситуацию. И 2 марта 1924 г. уполномоченный Наркомата иностранных дел СССР во Владивостоке предложил начальнику Прим ГО ОГПУ П.И.Карпенко освободить из-под ареста и выслать бывшего вице-консула Гундзи и секретаря консульства Харуда. Карпенко направил донесение в ОГПУ в Москву, а также полномочному представителю ОГПУ по Дальневосточному краю А.П.Альпову. В нем он доказывал, что относительно Гундзи имелись документы, разоблачающие его шпионскую деятельность (в частности, устанавливающие передачу японскому МИД информации о передвижении Красной армии). На допросе Харуда признался в том, что исполнял обязанности секретаря фиктивно. В действительности он, являясь уполномоченным Корейского генерал-губернаторства, вел подрывную работу среди корейского населения. По мнению секретаря Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б) Н.А.Кубяка, если арест японцев не был вызван особенно важными соображениями, то их «следовало бы содержать для большого выяснения». Документы и следствие полностью доказывали причастность японских дипломатов к шпионажу против СССР (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 128, л. 67).

Первый заместитель председателя ОГПУ В.Р.Менжинский телеграфировал А.П.Альпову, что, «по предложению народного комиссара иностранных дел СССР Чичерина, лиц японского консульства, задержанных во Владивостоке, а именно вице-консула

и секретаря, надлежит выслать на Родину: «На волю выпускать их не следует; отправьте их пароходом» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 128, л. 58).

19 марта 1924 г. вице-консул Гундзи, а также Осакабе и Харуда были высланы в Японию. До отхода парохода им ни с кем не позволили разговаривать. Консул Ватанабе советовал им по приезде в Японию не общаться с прессой и немедленно явиться в МИД, где и получить дальнейшие указания. При этом консул просил передать МИД свое мнение о скорейшем установлении дружественных отношений с Россией (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 520, л. 4). В апреле 1924 г. по указанию заместителя председателя ОГПУ Ягоды Мацуй был освобожден и выслан в Японию – он так и не признал себя виновным (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, п. 520, л. 8).

Через некоторое время после инцидента с японскими дипломатами генеральному консулу Ватанабе приморские сотрудники госбезопасности неофициально «рекомендовали покинуть пределы Владивостока и возвратиться в Японию». Он был вынужден принять и выполнить это предложение [4, с. 20]. Японские консульства на Дальнем Востоке были закрыты (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 4, п. 250, л. 279).

Таким образом, разоблачив японских дипломатов и вскрыв широкую агентурную сеть в Приморье, сотрудники органов госбезопасности нанесли японской разведке серьезный удар, который парализовал ее активную работу на несколько лет.

Необходимо отметить, что на территории северной Маньчжурии в 1920-х годах легальными позициями японской разведки были посольство Японии в Чанчуне, консульства в Харбине, Маньчжурии, Чанчуне, Мукдене и Тяньцзине [3, с. 121]. Они имели агентов, специализирующихся на слежке за советскими работниками на линии КВЖД, собирали информацию о событиях на КВЖД и ЮМЖД, а также о советском Дальнем Востоке и СССР. Все сведения политического характера в отношении советских работников сдавались в информационный отдел японского генерального консульства (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 5, п. 247, л. 28, 54).

Например, Японское генеральное консульство в Харбине отличалось от консульств других держав. Генеральный консул господин Яманаучи являлся и коммерческим, и дипломатическим представителем. Его помощником был вице-консул Шимада, специалист по России (АУФСБОО. Ф. 65, д. 2299, л. 33). Консульство занималось в основном политической, а также военной разведкой, подведомственными вице-консулу и возглавляемыми секретарем консульства господином Сугихарой. Сведения добывались от агентов путем анализа материалов, опубликованных в газетах и журналах, а также данных, полученных от корреспондентов газет (АУФСБОО. Ф. 65, д. 165, л. 47).

В январе 1925 г. начальник японской консульской полиции станции Маньчжурия поручил директору японского политического отдела Главного полицейского управления Отто сформировать из надежных лиц организацию, которая могла бы осуществлять тайную слежку за советскими курьерами на линиях Харбин–Мукден–Пекин и производить выемку дипломатических документов. Отто с помощью чиновника иностранного отдела Главного полицейского управления Симидзу привлек для этой работы двух японцев и двух русских, пообещав за выемку дипломатической почты каждому по 100 иен. Особенно пристально следили за курьерами, следовавшими из России в Пекин. Для этой цели Отто установил связь с Чаньчунем с помощью чиновника политического отдела Главного полицейского управления Хаяси. Когда советские курьеры выезжали из Чаньчуна, Хаяси телеграфом сообщал об этом Отто, а последний – Симидзу, который со своими помощниками встречал курьеров. Такую ловушку советским курьерам устраивали многократно, однако всякий раз неудачно (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 5, п. 248, л. 13–14).

Для сбора информации о СССР японские консульства в северной Маньчжурии пользовались услугами белогвардейцев, контрабандистов и перебежчиков. Так, консульский агент в Сахалине Симада обратился письмом к консулу из Цицикара³ с просьбой повлиять на

³ Второй по значению город провинции Хэйлунцзян на северо-востоке Китая.

цицикарские китайские власти, чтобы были приняты меры для безопасного проживания русских беженцев в г. Сахалине (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 3, п. 38, л. 380).

Таким образом, разведывательную работу против Советского Союза также организовывали и вели японские консульства, расположенные на территории северной Маньчжурии.

Но закрытие японских консульств на территории Дальнего Востока сдерживало политические и экономические связи СССР и Японии. В результате большой работы, проделанной советскими дипломатами, в январе 1925 г. было объявлено об установлении дипломатических и консульских отношений. Осенью 1925 г. Япония открыла свои консульства в городах Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Александровск-Сахалинский и Петропавловск-Камчатский.

Японские военные миссии вновь воспользовались возможностью осуществлять разведку легальными методами и ввели в штат дипломатических представительств своих сотрудников. В конце 1927 г. руководящий работник японской разведки в Маньчжурии майор Канда Масатанэ представил в штаб Квантунской армии и Генеральный штаб Японии доклад «Материалы по изучению подрывной деятельности против России», в котором предлагал: «в том случае, если нельзя будет устроить официальные разведывательные органы, необходимо отправлять в Россию японских разведывательных агентов под видом дипломатических чиновников» [2, с. 132].

На руководящие должности в дипломатические представительства в СССР направлялись профессиональные разведчики, имевшие значительный опыт работы и специализировавшиеся по этой стране. Существовал следующий порядок: офицер японского Генерального штаба, прослужив некоторое время в отделе СССР Главного управления Генерального штаба, назначался на два года агентом военной миссии в Маньчжурии. Через два года его отзывали в этот же отдел, где он работал год, а затем он получал назначение на должность помощника военного атташе в Москве. В этой должности офицер находился не менее года, по окончании которого получал назначение в территориальную японскую армию (АУФСБОО. Ф. 65, д. 454, л. 196). Таким образом через японские дипломатические представительства в СССР и Маньчжурии прошли практически все ведущие японские разведчики. Работа под легальным прикрытием была для них своеобразной стажировкой, в ходе которой они повышали свою квалификацию [2, с. 132, 133].

Следовательно, работа японских кадровых разведчиков в дипломатических представительствах являлась «профессиональной школой», которая позволяла им глубже изучить Советский Союз, состояние его экономики и вооруженных сил, а также приобрести практику в организации и ведении разведки легальными методами.

С самого открытия консульства японцы начали вести политический и экономический шпионаж, в том числе и сбор сведений о природных богатствах Дальнего Востока. Наряду с этим Благовещенское консульство освещало деятельность Амурского государственного пароходства и состояние золотопромышленности в Амурском округе. Особо интересовало японцев советское рисоводство, поэтому постоянно изучалась вся пресса. Результаты работы докладывались в МИД Японии (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 8, п. 321, л. 15–16).

Активную шпионскую деятельность на территории Дальнего Востока вело японское консульство во Владивостоке, которое вновь возглавил генеральный консул господин Ватанабе. В рамках политической разведки консульство освещало деятельность корейцев-коммунистов; изучало настроение и экономическое состояние корейского населения (отношение к советской власти, мероприятиям и распоряжениям советского правительства); вело слежку за японцами, подозреваемыми в распространении коммунистических идей или им сочувствующими, используя для этого своих агентов из числа корейского населения Приморья, а также пользуясь услугами редактора газеты «Владиво-Ниппо» японца Такай.

Однако ко второму прибытию Ватанабе во Владивосток консульство было уже под наблюдением советских органов госбезопасности. Советские контрразведчики смогли

расшифровать переписку, а также добыли ключи от сейфа Ватанабе. Это позволило им контролировать дипломатическую почту и соответственно реагировать на действия японских дипломатов [4, с. 20].

Задачи по ведению разведки в СССР консульствам определял японский Генеральный штаб. Так, 11 декабря 1925 г. этот штаб направил военному атташе при посольстве Японии в СССР инструкцию по сбору военно-политической информации о Советском Союзе. В ней были определены задачи политической, дипломатической и военной разведки и их приоритеты. Также указывалось, что поскольку идеологическая пропаганда в Советском Союзе в отношении иностранных государств и особенно Японии тесно связана со стратегическими задачами страны, то «на втором месте после военных секретных сведений» следует «ставить собирание материалов по этому вопросу о пропаганде (внутри и вне СССР) наряду с агентурными сведениями военного характера». Особое внимание обращалось на материалы по Китаю, так как позиция СССР в отношении Китая и советско-китайские взаимоотношения имели «колоссальное значение для дела государственной обороны Японии» [9, с. 184].

Для выполнения этих задач аппарат японского посольства, военного и морского атташатов в Москве был расширен и пополнен квалифицированными разведчиками. Центрами японской разведки на Дальнем Востоке и в Сибири, помимо консульств во Владивостоке и Новосибирске, стали представительства торговых и промышленных фирм, пароходных компаний [9, с. 184].

Также были расширены консульства и в северо-восточной Маньчжурии. Так, штат Хунчунского консульства состоял из 59 чел. (АУФСБОО. Ф. 65, д. 344, л. 2). Для получения сведений о положении в Приморье аппарат Хунчунского консульства проводил опрос корейцев, возвращающихся из России. Из добытых от перебежчиков сведений составлялись сводки (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 7, п. 261, л. 58).

Хунчунское консульство поддерживало связь с жандармским отделением в г. Гевон. По согласованию с полицией задержанных или провинившихся за какое-либо преступление корейцев отпускали, а сотрудники консульства вербовали их и переправляли на территорию СССР для сбора интересующей японцев информации (АУФСБОО. Ф. 65, д. 344, л. 16).

Для этих же целей японские разведчики имели своих работников, которые состояли в штате полиции при консульствах. Они занимали разные общественные должности в так называемых японофильских организациях и, в свою очередь, использовали членов этих обществ для разведывательной работы на русской и китайской территориях (АУФСБОО. Ф. 65, д. 344, л. 18, 19).

В октябре 1927 г. помощник начальника Генерального штаба Минами Дзиро направил военному атташе Японии в СССР Комацубара Мититаро секретную инструкцию № 908, в которой этому ведомству для получения разведывательной информации политического, экономического и военного характера указывалось организовать работу по вовлечению в разведывательно-подрывную деятельность организаций и обществ антисоветского характера. Для осуществления этих задач предписывалось усилить агентурно-вербовочную деятельность [3, с. 121].

В июле 1928 г. в Хабаровск приехал помощник морского атташе японского посольства в Москве Кавабата. Перед консульством он поставил задачу активизировать сбор военной информации на территории Дальнего Востока. С этой целью юрист японского консульства в Хабаровске привлек к сотрудничеству бывшего адъютанта командира 19-го Приморского корпуса РККА, через которого получил данные о структуре и количестве пехотных частей РККА на Дальнем Востоке [11, с. 47].

Полученные разведывательные сведения изучались, анализировались и направлялись в вышестоящие органы. Так, в мае 1929 г. генеральным консулом в Харбине Яги Мотохати в адрес японского консульства в Москве, а именно японского поверенного в делах СССР Сакко и министра иностранных дел Японии Танака, было направлено отношение

«О подготовке к военным действиям против большевиков в Забайкалье». В нем на основе всесторонней оценки состояния СССР и Японии предлагался план по подготовке нападения на Советский Союз (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 7, п. 116, л. 45).

Таким образом, между японским Генеральным штабом и дипломатическими представительствами Японии в СССР и Маньчжурии была организована и поддерживалась тесная связь. Вместе с тем для выполнения полученных задач по сбору разведывательных сведений о СССР сотрудники консульств использовали различные источники получения информации.

В период конфликта на КВЖД консульства усилили свою разведывательную работу. Их главной задачей стал сбор информации с мест боевых столкновений. Разведку начал вести и непосредственно консульский аппарат. По данным разведывательного отдела японского штаба, в районе Чжалайнор (разъезд Абагайтуй) японские агенты, действовавшие на территории СССР и в частях Красной армии, информировали своих резидентов о предстоящих событиях. Японский консул в г. Маньчжурия за два часа до начала инцидента выезжал в Чжалайнор, где присутствовал во время перестрелки, наблюдая за ней. А за полчаса до начала канонады на станции Маньчжурия все сотрудники японского консульства на балконе и на крыше одной из японских гостиниц наблюдали в бинокль за границей СССР. В итоге этой своей «деятельности» консул представил японскому Генеральному штабу ряд докладов о Красной армии.

16 октября 1929 г. заместитель полномочного представителя ОГПУ ДВК Данилевский указывал начальнику Читинского окружного отдела ОГПУ: выявление агентуры японской разведки «в данный период должно стать первоочередной ударной работой» (АУФСБОО. Ф. 65, д. 347, л. 13).

В это же время начальник военной миссии Кавамото после занятия станции Маньчжурия советскими войсками доносил в письме военному атташе японского консульства в Москве Камацубара: «Красная армия начала наступление ... 20.02 – занята ст. Маньчжурия ... китайские командиры бежали в японское консульство, потом сдались Красной армии. Город был занят Красной армией. Баррикад не было. Красная армия наблюдала за порядком в городе. В армии воинская дисциплина очень строгая и хорошая» (АУФСБОО. Ф. 65, д. 249, л. 12).

В составе японского посольского аппарата были военные атташе, многие из которых входили в партию младогенштабистов⁴. 29 марта 1931 г. военный атташе при японском посольстве в Москве подполковник кавалерии Касахара Юкио представил во второй отдел Генерального штаба секретный доклад «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза», в котором дал глубокую и всестороннюю оценку положения СССР и свои предложения по ведению дальнейшей политики Японии в отношении СССР [1, с. 88].

Его позицию поддерживал посол Японии в СССР Хирота. Он просил передать посетившего посольство генерал-майора Харада его мнение начальнику японского Генерального штаба относительно государственной политики Японии, суть которого заключалась в необходимости подготовки к войне с СССР [6, с. 292–295].

Таким образом, донесения, составленные разведчиками дипломатических представительств и направленные в Японию, помогали формировать ее внешнюю политику в отношении СССР.

С началом японо-китайского конфликта японские войска под предлогом самозащиты стали продвигаться в северную Маньчжурию. Агрессивные планы Японии становились все очевиднее. МИД Японии 6 ноября 1931 г. направил во все консульства циркуляр № 55 «Об усилении разведки на советско-китайской границе по выявлению помощи СССР

⁴ Во главе ее стоял генерал-лейтенант Араки (автор лозунга «Забайкалье – японо-русская граница») и начальник русского сектора Генерального штаба Хасимото – один из руководителей политики японских военных кругов в конце 1920-х годов.

Китаю», согласно которому им надлежало «усилить разведывательную работу, чтобы мы не допустили грубых ошибок» (АУФСБОО. Ф. 65, д. 249, л. 79).

Органы госбезопасности Дальнего Востока вскрыли несколько агентурных сетей и обезвредили большое число шпионов, которые работали по заданиям японских консульств. Так, сотрудник порта Совторгфлота Вонцев по заданию Владивостокского консульства собирал сведения, интересующие японскую разведку. А через созданную японцем Харада агентурную сеть в это консульство поступала информация о деятельности Дальзавода: секретных заказах, строительстве подводных лодок, а также о Военно-морских силах и морской авиации Тихоокеанского флота, их базах. Машинист Соломахин (японский агент с 1918 г.) организовал в Никольск-Уссурийске агентурную сеть, с помощью которой поставлял сведения о состоянии железнодорожного транспорта и военных перевозках. Агент консульства Ким-Ен-Ун собирал данные по Хабаровску, а начальник 4-го отделения УНР-104 Капустин, агент Благовещенского консульства, – сведения и документы по военному оборудованию (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2, оп. 11, п. 729, л. 31–33).

Таким образом, японские консульства вели разведывательную деятельность и добывали интересующую их информацию политического, экономического и военного характера о Дальнем Востоке и СССР, тесно взаимодействуя с японским Генеральным штабом и органами военной разведки Японии. Кроме того, для организации и ведения разведки в состав дипломатических представительств вводили кадровых разведчиков. Эта деятельность консульств являлась дестабилизирующим фактором, отрицательно влияющим на взаимоотношения Японии и СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буяков А.М., Полотов А.В. Дальневосточный гесс и государство-призрак // Дальневост. панорама. Вып. 1. Владивосток, 1991. С. 62-93.
2. Вялков Л.И. Борьба приморских чекистов с врагами советской власти в 1922–1928 годах. Владивосток, 1972. 48 с.
3. Вялков Л., Полотов А. Маньчжурский плацдарм: Деятельность японской военной разведки против СССР на Дальнем Востоке в 1917–1945 гг. // Честь и верность: 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2002. С. 112-135.
4. Дементьев А. Срочно. Секретно. В Губотдел ОГПУ // Дальневост. ведомости. 2002. № 52. С. 20.
5. Куртинец С. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века // Пробл. Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 115-125.
6. Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936. М.: МФ Демократия, 2003. 912 с.
7. Полотов А.В. Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916–45 гг. (по материалам японских источников) // Органы государственной безопасности Приморья. Взгляд в прошлое во имя будущего: материалы науч.-теор. конф., Владивосток, 3–4 февр. 2003. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. С. 54-64.
8. Роднин С. Операция «Консул» // Тихоокеан. румбы. Владивосток, 1975. С. 106-138.
9. Советская контрразведка: сб. докл. Вып. 2 (1922–1941 гг.). М.: ВКШ КГБ СССР, 1981. 532 с.
10. Федичкин Д. Именем революции // Линия огня: сб. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. С. 159-168.
11. Цыбин Л.Ю. Работа дальневосточных чекистов по выявлению и пресечению японского шпионажа в 1922–1934 гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность: сб. науч. тр. / под ред. Н.Т.Кудиновой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2008. Вып. 1. С. 45-54.

Евразийство в зеркале ОГПУ-НКВД-КГБ

*Федор Ашнин
Владимир Алпатов*

Проблема, вынесенная в заголовок статьи, уже не раз в последние годы затрагивалась в нашей печати, однако исключительно в одном плане: использование некоторых ответвлений евразийства советской разведкой. Одни пишут об этом в связи с биографией М. И. Цветаевой, муж которой, как известно, оказался среди этой части евразийцев. Другие приводят соответствующие эпизоды в целях дискредитации евразийства вообще. Но в то же время данная проблема имеет и другие аспекты. Материал для более всестороннего их рассмотрения дает 11-томное следственное дело “Российская национальная партия”, хранящееся под номером “Р-28879” в Центральном архиве ФСБ РФ в Москве (далее в тексте, если имеется в виду это дело, указывается лишь номер тома и листа). В деле содержится и информация о внедрении советской разведки в евразийское движение, но в первую очередь речь идет о том, как его существование использовалось ОГПУ в качестве повода для репрессий в отношении беспартийной интеллигенции. В сильно искаженном виде в деле содержатся также сведения об очень ограниченном, но все же имевшем место проникновении евразийских идей в СССР.

Дело “Российская национальная партия”, иногда еще именуемое в печати “делом славистов”, фабриковалось в 1933–1934 годах Секретно-политическим отделом ОГПУ для поддержания страха в среде беспартийной интеллигенции; для этого в ходе следствия на основе показаний ряда арестованных следователи сочинили версию о том, что будто бы “существовала разветвленная контрреволюционная национал-фашистская организация, именовавшаяся “Российская национальная партия”, ставившая своей целью свержение Советской власти и установление в стране фашистской диктатуры” (т. 10, л. 1).

Федор Дмитриевич Ашнин, пенсионер, г. Москва.

Владимир Михайлович Алпатов, заместитель директора Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва.

По основному московскому делу проходили 34 человека, еще более 60 человек были осуждены по параллельным делам в Ленинграде, Харькове, Краснодаре, Смоленске, Ярославле; вся совокупность этих дел должна была свидетельствовать о “разветвленности организации”. Среди пострадавших немало известных ученых и специалистов: академики М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц¹, члены-корреспонденты АН СССР Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, будущие академики В. В. Виноградов и Г. А. Разуваев, а также Н. П. Сычев, П. Д. Барановский, К. В. Квитка, В. Н. Сидоров, Г. А. Бонч-Осмоловский, Ф. И. Шмит, П. И. Нерадовский, Б. Л. Личков и др. Но подключили к делу и рядовых агрономов, инженеров, врачей и просто “бывших”, наличие которых среди осужденных должно было свидетельствовать о “массовости организации”; в частности, в дело включили членов собиравшегося в начале 30-х годов на частных квартирах кружка любителей русской архитектуры во главе с А. В. Григорьевым; этот кружок превратился в “террористическую группу партии”. Среди прочих в дело включили В. С. Трубецкого, брата виднейшего идеолога евразийства Н. С. Трубецкого, его дочь Варвару и жениха Варвары, Андрея Дурново (сына Н. Н. Дурново)².

Фабрикация дела началась с сентября 1933 года, но до декабря в его материалах нет речи о евразийстве; на этом этапе арестованные, давая показания об участии в “контрреволюционной организации” (название “Российская национальная партия” тогда еще изобретено не было), не говорили ничего определенного о зарубежных связях. Новый поворот в сочинении дела начался с 21 декабря после допроса некоего Михаила Наумовича Скачкова. Отметим, что этот допрос, так же как позднее допросы А. Н. Дурново, вел заместитель начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Г. С. Люшков, им же визировано обвинительное заключение. По-видимому, это был наиболее высокий по рангу из сотрудников ОГПУ, непосредственно занимавшихся данным делом, и его роль в нем была значительной. Нельзя здесь не вспомнить об иронии истории: сотрудники ОГПУ неожиданно оказались правы, заявляя о том, что в деле участвовали “террористы”, связанные с “заграничными интервенционистскими кругами”. Только искали их не там: 13 июня 1938 года Г. С. Люшков, к тому времени начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю, перешел границу и сдался японцам. Затем, если верить книге японского журналиста Ё. Хияма “Планы покушения на Сталина”, он передал японской стороне важные секреты о вооружении и агентурной сети на Дальнем Востоке, после чего возглавил группу из русских эмигрантов, пытавшуюся в начале 1939 года совершить покушение на Сталина. Эта попытка не удалась, а сам Люшков был уничтожен своими новыми хозяевами в дни капитуляции Японии в 1945 году³.

М. Н. Скачков, арестованный незадолго до декабря 1933 года, проходил по другому делу, но его показания были активно использованы в деле “Российская национальная партия”. В прошлом белогвардейский офицер, он в 20-е годы жил в Чехословакии, затем вернулся на родину. Видимо, он был связан с советской разведкой. В Чехословакии он познакомился с Н. Н. Дурново, который жил там в 1924—1928 годах. Скачков на следствии заявил: “Уже тогда мне стали ясны резко антисоветские позиции Дурново. Он обратил на себя внимание тем, что ел демонстративно где только возможно белый хлеб, ссылаясь на голод в Советской России и на тяжелое положение в ней ученых... В 1933 году в марте месяце я возобновил в Москве знакомство с Дурново Н. Н., а через него познакомился с его сыном Андреем, ярким националистом, резко антисоветски настроенным человеком. С ним я поддерживал контакты в проводимой мною контрреволюционной работе” (т. 4, л. 151—152). Из допроса и других материалов дела видно, что А. Дурново на свою и отца беду был излишне разговорчив со Скачковым, ввел его в круг своих друзей и рассказал, кроме всего прочего, о своем увлечении евразийством. Скачков назвал следователям ряд фамилий людей, составлявших окружение обоих Дурново. Большинство из них потом арестовали.

Для начала надо было арестовать отца и сына Дурново, что и осуществили в ночь на 28 декабря. Люшков и его подчиненные довольно быстро выбили у них нужные показания. Н. Н. Дурново затем стал центральной фигурой в фабрикуемом деле, дальнейшие аресты в январе-феврале 1934 года производились почти исключительно по признаку знакомства с ним или с его сыном.

Лишь с привлечением к делу Н. Н. Дурново стало возможным использовать наряду с другими пунктами 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР и пункт 58/4 — “связь с закордоном”. В Праге ученый постоянно общался с “самым талантливым из учеников”, как он сам говорил, выдающимся лингвистом и литературоведом Р. О. Якобсоном, жившим там постоянно; Якобсон как мог помогал учителю, которому так и не удалось устроиться в Чехословакии (это послужило причиной возвращения Н. Н. Дурново в СССР наряду с тем, что к нему не отпустили семью). Якобсон связал Н. Н. Дурново со своим старшим другом Н. С. Трубецким, жившим в Вене; между Дурново и Трубецким, ранее малознакомыми, установились хорошие научные и человеческие контакты, несколько раз они встречались в Праге, Брно и Вене. Обо всем этом свидетельствуют не только показания арестованного Н. Н. Дурново, включая наиболее искреннюю его “Исповедь”, речь о которой ниже, но и упоминания о Дурново в изданной переписке Трубецкого с Якобсоном⁴ и изданные недавно в США письма Якобсона и Трубецкого к Дурново⁵. Вполне достоверно и то, что в

1931 году Якобсон посылал Н. Н. Дурново уже в Москву деньги и письмо через сотрудника чехословацкой миссии в Москве Ванека.

Однако в материалах следствия все эти реальные факты получили фантастическую интерпретацию, подкрепленную выбитыми у Н. Н. Дурново “признаниями”. В обвинительном заключении “вина” ученого формулировалась, в частности, так: “Был связан с руководителями русско-национал-фашистского центра за границей — князем Трубецким Н. С. и Якобсоном, от которых получал директивные указания по работе националистических организаций в СССР... Поддерживал связь с Чехословацкой миссией в Москве и через нее осуществлял связи с Якобсоном, информируя его о политическом положении в Советском Союзе” (т. 10, л. 16–17).

Среди других пунктов обвинения есть и такой: “За время своего приезда из заграницы привез полученную им от Трубецкого Н. С. нелегальную евразийскую литературу, в частности сборник Трубецкого “К проблеме русского самопознания”. Распространял и популяризировал этот сборник среди участников организации и лиц, намеченных в вербовке” (т. 10, л. 16).

Если отвлечься от слов “организация” и “вербовка”, то этот пункт обвинения в отличие от некоторых других соответствовал реальности: три изданные за рубежом книги Н. С. Трубецкого, в том числе его главный евразийский труд “К проблеме русского самопознания”, были изъяты при обыске в квартире Н. Н. Дурново и приобщены к делу как “вещественные доказательства”. Жена В. В. Виноградова спустя более чем полвека вспоминала, как ей удалось уничтожить подаренную Н. Н. Дурново книгу Н. С. Трубецкого, не замеченную при обыске⁶. Н. Н. Дурново привез на родину книги и оттиски, подаренные ему Трубецким. О книге “К проблеме русского самопознания” он на одном из допросов говорил: “Привез я ее вpletенной в том специальных статей Трубецкого, чтобы избежать изъятия на границе” (т. 7, л. 384).

Сам Н. Н. Дурново, как мы еще увидим, в целом не принял историко-культурные идеи Н. С. Трубецкого (в отличие от его лингвистических идей). Однако его сын, в Чехословакии не бывавший и лично с Трубецким не знакомый, оказался горячим поклонником идей дяди своей невесты (он на следствии называл ее женой). Этот 23-летний начинающий славист (к сожалению, почти ничего, кроме четырех статей по сербской литературе в “Литературной энциклопедии”, не успевший написать) может быть назван одним из немногих советских евразийцев. Идеи Н. С. Трубецкого он выписывал в записную книжку под названием “Мысли для себя”, также отобранную при обыске. Эта книжка послужила важным материалом для следствия, целые кус-

ки из нее вписывались в показания А. Дурново и других подследственных.

Особенно показателен допрос А. Дурново от 23 января 1934 года, опять проводившийся лично Люшковым вместе с его помощником Каганом. Молодой ученый, если верить протоколу, заявил следующее:

“На основе этих документов (трудов Н. С. Трубецкого. — Ф.А., В.А.) я развивал идею русского национального самосознания, доказывая, что, отталкиваясь только от национального (а не классового), можно подойти к разрешению наших задач. При обсуждении вопроса о национальном начале и национализме мы исходили из положения необходимости восстановления истинного, изолированного, кристаллического национализма, без всякой примеси и влияния извне. Стоял вопрос таким образом, что в основу этого истинного национализма кладется принцип самобытной национальной культуры и нравов. Сохранение этих принципов и истинный национализм на их основе обеспечивало, по нашему мнению, сохранение чистоты славянской расы, ее превосходства и исторического будущего... Рассматривая большевизм как строй, возникший в России только лишь благодаря отсутствию истинного национализма, мы придерживались положения, что развитие большевизма ведет к дальнейшему уничтожению остатков национализма и господству европейских форм общественного развития. С этой точки зрения мы поддерживали тезис Н. С. Трубецкого о том, что “большевизм есть такой же плод двухсотлетнего романо-германского ига, как московская государственность была плодом татарского ига”, и его заключение о большей опасности большевизма для русской нации. Таким образом, эти труды Трубецкого были положены в основу программно-политических установок организации, о которых я давал показания 7/1. Непосредственно возникал вопрос о тактике организации. В основу этой тактики были положены утверждения Трубецкого о том, что “мысль о самобытной национальной культуре должна руководить всеми действиями истинного националиста. Ее он отстаивает, за нее он борется. Все, что может ей способствовать, он должен поддерживать, все, что может ей помешать, он должен устранять” (т. 4, л. 251—252).

Не знаем, что в этом тексте принадлежит А. Дурново, а что Люшкову с Каганом. Но видно, как реальные идеи Н. С. Трубецкого адаптируются применительно к целям следствия. Цитаты из его сочинения приведены верно (ясно, что А. Дурново не мог их цитировать по памяти, они взяты из “Мыслей для себя”). Действительно, Трубецкой писал и о русском самосознании, и об истинном национализме; в принципе верно, хотя и односторонне передана и оценка им большевизма. Но “сохранение чистоты славянской расы” — уже искажение:

Трубецкой как раз подчеркивал евразийский, а не славянский характер России, а к панславизму относился отрицательно, тем более он не был расистом. Однако следствию важно было подчеркнуть “фашистский” характер “организации”. Напомним, что прошел лишь год после прихода фашистов к власти в Германии, до пакта 1939 года было еще далеко. Гитлер, уже разгромивший компартию, оценивался тогда в СССР однозначно отрицательно. Сейчас хорошо известно, что Н. С. Трубецкой не принимал фашизма. Но в деле и он, и Р. О. Якобсон (еврей!) постоянно именуются “фашистами”. А мирные слова Трубецкого о борьбе за национальную культуру и устранении того, что ей мешает, перенесенные в иной контекст, оказывались “основой тактики организации”. Тот же А. Дурново показывал о “подготовке боевых кадров в городе и деревне как базы будущих штурмовых отрядов” (т. 4, л. 242); впрочем, ничего конкретного о таких отрядах сочинить не удалось.

В обвинительном заключении следственная интерпретация евразийства приняла такой вид: “В основу программных установок организации были положены идеи, выдвинутые лидером фашистского движения за границей — князем Н. С. Трубецким.

Сущность их сводилась к следующему.

1) Примат нации над классом. Свержение диктатуры пролетариата и установление национального правительства.

2) Истинный национализм, а отсюда борьба за сохранение самобытной русской культуры, нравов, быта и исторических традиций русского народа.

3) Сохранение религии как силы, способствующей подъему русского национального духа⁷.

4) Превосходство “славянской расы”, а отсюда — пропаганда исключительного исторического будущего славян как единого народа (т. 10, л. 3).

Здесь хорошо видна все та же “двухслойность” подхода к евразийству. Вторая половина первого пункта и четвертый пункт — явная ложь, остальное действительно проповедовалось Н. С. Трубецким, хотя видеть в этом состав преступления могло лишь искаженное сознание тех лет. Уже в 1941 году Сталин будет вынужден явно или неявно заимствовать многое из взглядов Н. С. Трубецкого.

Материалы дела дают некоторую информацию и о том, какую известность имели евразийские идеи среди московской гуманитарной интеллигенции. Вопрос об истинности такой информации, правда, сложен, поскольку в большинстве она содержится в показаниях подследственных, полученных под давлением, иногда в прямом смысле под дулом пистолета. Однако надо учесть, что тогда в ОГПУ работали “профессионалы”, предпочитавшие стопроцентной лжи полуправду

(что мы видели и на примере интерпретации евразийства): вымыслы о “подготовке свержения Советской власти” и “штурмовых отрядах” помещались в контекст реальных встреч, знакомств и разговоров. К тому же частично данная информация подтверждается свидетельствами, появившимися в иных условиях: искренней “Исповедью” Н. Н. Дурново, показаниями, данными уцелевшими при пересмотре дела в 1963–1964 годах, позднейшими воспоминаниями.

Если верить всему этому, то оказывается, что “К проблеме русского самопознания” и другие сочинения евразийцев, несмотря на запреты, были известны кое-кому из московских и ленинградских интеллигентов. Одним из распространителей этих идей был, как уже говорилось, Н. Н. Дурново. Например, крупнейший украинский музыковед К. В. Квитка (муж Леси Украинки) пострадал по этому делу лишь за то, что в конце 1933 года брал у Н. Н. Дурново упомянутую книгу Н. С. Трубецкого. В “Исповеди” Н. Н. Дурново писал: “Эпизод с передачей Квитке книги Трубецкого происходил так, как рассказывал в своих показаниях Квитка. Я сначала не хотел давать ему книги Трубецкого и дал только тогда, когда убедился (пока он, сидя у меня, делал из нее выписки), что его во всей книге интересовал только эпизод о туранских элементах в русской и украинской народной музыке (песне)”⁸. Если верить данным дела, Н. Н. Дурново знакомил с трудами Н. С. Трубецкого также В. В. Виноградова, В. Н. Свиридова, В. С. Трубецкого и, конечно, своего сына. Через самого Н. Н. Дурново или кого-либо из перечисленных выше с ними, как указано в деле, ознакомились и некоторые ученые, избежавшие ареста: Н. К. Гудзий, М. И. Корнеева-Петрулан, Р. И. Аванесов.

Пропагандировал идеи евразийства и Андрей Дурново. В связи с этим попал в дело его знакомый по Книжной палате В. И. Шишов, у которого при аресте были отобраны эмигрантские книги, а также “рукописи с изображением свастики и двуглавым орлом” (т. 1, л. 119). Вокруг Андрея Дурново группировался кружок молодежи из аристократических семей, куда помимо Варвары Трубецкой входили Сергей Голицын (автор известных “Записок уцелевшего”), Ольга Урусова, Алексей Бобринский, Игорь Верховский (сын военного министра Временного правительства) и др. Внедрил в этот кружок и М. Н. Скачков. В компании молодых аристократов обсуждались проблемы евразийства. Следствие поначалу проявило к ней интерес, но потом эта линия ушла в сторону: Верховского и Урусову арестовали, но почему-то выпустили, и в дело они не попали.

Литература, привезенная в 1928 году Н. Н. Дурново, была не единственным источником. М. Н. Сперанский показал о Н. С. Трубецком: “Я с ним не переписывался, но получил от него по почте брошюру “К украинской проблеме” антисоветского содержания. Эта

брошюра отобрана у меня при обыске” (Дело № Р-32149, М. Н. Сперанский, Центральный архив ФСБ РФ, л. 75)⁹. В разных показаниях упомянуто, что книга “К проблеме русского самопознания” имелась в домашних библиотеках двух виднейших советских языковедов: Д. Н. Ушакова и Л. В. Щербы¹⁰.

Все лица, включенные в дело (кроме покончившего с собой до суда Н. Л. Туницкого и сошедшего с ума В. Г. Шийко), были осуждены Особым совещанием при коллегии ОГПУ к лагерю или ссылке сроком от 3 до 10 лет. М. Н. Сперанский, за которого хлопотал брат, главный кремлевский педиатр, и тяжело больной В. И. Шишов были осуждены условно. Н. Н. Дурново, осужденный по максимуму на 10 лет лагерей, провел последние годы жизни на Соловках. Сохранился интереснейший документ, который можно назвать “Исповедью” Н. Н. Дурново. Это показания, написанные ученым в августе 1934 года в связи с инспекционной поездкой на Соловки Прокурора СССР И. А. Акулова. В них Дурново, в отличие от показаний на следствии, вполне искренен и откровенно говорит о том, что было и чего не было. Документ, хранящийся в учетно-архивном отделе МБ Республики Карелии (дело № П-11764, л. 6—12 отдельной пагинации), уже дважды опубликован¹¹. Мы рассмотрим лишь те его фрагменты, в которых речь идет о евразийстве.

Дурново пересказывает ряд идей Трубецкого, особо выделяя концепцию евразийского единства и противопоставления Евразии Западной Европе, взгляды Трубецкого на государство и избирательную систему, его критику капитализма и социализма. Собственные оценки Дурново скорее негативны. Он пишет: “Я высоко ценю Трубецкого как замечательного талантливого ученого, но его евразийскую теорию полностью не разделяю, а из его политической программы ценю только критическую часть... Многое в этой (евразийской. — Ф.А., В.А.) теории представляется спорным. Политическая программа Трубецкого мне не вполне ясна”¹². “Мое впечатление от Трубецкого, что он только теоретик и в решении политических вопросов больше фантазер и мечтатель, а не практик”¹³. Проектируемая им “партия” вряд ли способна когда-нибудь стать партией. Отчетливо выраженное в его статьях отрицательное отношение к западноевропейским политическим системам и группировкам исключает всякую мысль о возможности соглашения с какими-нибудь европейскими государственными организациями с целью осуществить свою мечту о будущем строе Евразии. А в СССР с его идеями знакомы лишь немногие, но большей частью, если не все, люди политически не активные”¹⁴.

Особенно любопытно следующее место, при оценке которого надо учитывать, что Дурново основывался не столько на чтении книг и статей Трубецкого, сколько на воспоминаниях о разговорах с ним 7—9-

летней давности, поэтому в некоторых случаях он может излагать идеи Трубецкого не вполне адекватно: “В Евразии должна установиться диктатура определенной партии; все дети и юношество будут воспитываться в государственных школах, где в них будет внедряться только одна идеология правящей партии. Наука, литература, искусство должны подчиняться директивам партии, другая идеология не должна допускаться. Но что это за идеология и какая программа партии, я так себе и не выяснил. Совершенно не представляю себе, как Трубецкой решает проблему взаимоотношения классов. О капитализме он отзывается отрицательно, но что противопоставляет одинаково нежелательным для него капитализму и коммунизму, не ясно. Насколько его критика... мне казалась меткой, настолько положительная часть его программы меня не удовлетворила и производила на меня, как на ученого, дорожающего свободой мысли, жуткое впечатление”¹⁵.

“Исповедь” Н. Н. Дурново — едва ли не единственный документ 30-х годов, отражающий отношение к евразийству Н. С. Трубецкого той части отказавшейся от эмиграции русской интеллигенции, которая оставалась на прежних, сформировавшихся до революции либеральных позициях. Не только идеи коммунизма (прямо отвергаемые Дурново в “Исповеди”), но и концепции евразийства были для них слишком левыми и несовместимыми со “свободой мысли”. Судьба таких интеллигентов часто была трагической. Сам Н. Н. Дурново был расстрелян на Соловках 27 октября 1937 года.

В 1937–1938 годах расстреляли 11 человек из осужденных по московскому делу “Российская национальная партия”. Среди них оказались все, кто прямо или косвенно был связан с Н. С. Трубецким: Н. Н. Дурново, А. Н. Дурново, В. С. Трубецкой¹⁶, В. В. Трубецкая. Однако большинство осужденных по делу ученых остались в живых и к концу 30-х годов вернулись к работе. Сказалось, кроме всего прочего, и изменение ситуации в военные и послевоенные годы по сравнению с первой половиной 30-х годов. В частности, славистика из “вредной” науки, какой она была в годы “санитарного кордона”, в эпоху “стран народной демократии” превратилась в актуальную дисциплину. Пострадавшие когда-то слависты перешли в категорию “искупивших вину трудом”. Реабилитация же произошла лишь 26 октября 1964 года.

При подготовке к этой реабилитации КГБ собирал разнообразную информацию о лицах, упомянутых в деле, включая Н. С. Трубецкого и других евразийцев. Были запрошены архивы различных ведомств. Имеющиеся в деле архивные справки и заключения по ним показывают, что в “эпоху” КГБ по сравнению с “эпохой” ОГПУ-НКВД оценки евразийства стали менее фантастическими, исчезли упоминания о Трубецком как “лидере фашистского движения”, посылавшем ди-

рективы в Москву. Общий тон оценок однако остался прежним. Сравнительно с документами 1934 года шире и охват: речь идет не только о Н. С. Трубецком, но о евразийстве в целом. Приведем эти документы с некоторыми сокращениями.

Главное архивное управление при Совете Министров СССР.
Особый архив. 17 марта 1964 г.

Архивная справка

По данным документов французской полиции за 1929—1935 гг., хранящимся в Особом архиве ГАУ при СМ СССР, белоэмигрантская организация “Евразийцы” была основана в Праге в 1921 г. Савицким и Трубецким и существовала на субсидии из Англии.

Основными задачами “евразийцев” было: освобождение СССР от влияния III Интернационала, создание русского национального сознания, освобождение от западной и восточной культуры и распространение славянской культуры.

В 1925 г. (по другим документам в 1926 г.) в Парижском районе в г. Кламар был основан филиал “Евразийцев” под названием “Кламарская группа”. Руководителем филиала был Сувчинский Петр. “Группа” симпатизировала “советскому режиму” в вопросах внутренней политики, но высказывалась против подчинения советского правительства III-му Интернационалу, считала также, что она способна дать такое направление идей, которое будет способствовать созданию русского национального сознания.

Однако малочисленность сторонников и разногласия внутри “Кламарской группы”, не поддержанной славянской колонией г. Парижа и другими белоэмигрантскими организациями, привели к ее распаду к 1929 г.

С ноября 1928 г. “Евразийцы” издавали еженедельную газету “Евразия”, которую французская полиция считала органом коммунистов.

В документе за 1934 г. сказано, что руководители “Евразийцев” знали о связи некоторых членов организации с ГПУ, а также что Савицкий секретно посетил СССР (год не указан)...” (т. 11, л. 254).

Главное архивное управление при Совете Министров СССР.
Особый архив. 17 марта 1964 г.

Архивная справка

...В делах имеются текст проекта декларации евразийской партии (27.04. 1924 г., Женева), брошюра М. Уздовского “Евразиянизм. Новая мысль в русском антикоммунистическом движении” (Варшава, 1928) и донесения польской разведки о движении евразийцев.

Из вышеуказанных документов следует, что движение евразийцев с 1920 г. получило распространение во Франции, Германии, Чехословакии и на Балканах.

Во главе партии было политбюро, члены которого образовывали идейно-практический центр. В 1935 г. во главе стояли П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, В. П. Сувчинский, Н. Н. Алексеев, А. С. Лурье, П. В. Малевский-Малевич, Л. П. Карсавин, К. А. Чхеидзе.

Евразийцы имели широкие финансовые возможности и издавали ряд периодических и отдельных изданий — ежемесячный журнал “Евразийская хроника”, “Евразийский временник”, книги 1—7 и др.

В 1927 г. в Париже и Праге был организован евразийский семинар.

В 1935 г. в Париже издавался журнал “Наш путь”, ранее называвшийся “Евразия”.

По данным за 1935 г., II отдел Генштаба Польши допускал, что движение инспирировалось ГПУ для раскола русской эмиграции. Так, в 1924 г. под Москвой состоялся I съезд евразийцев, на который легально ездил Савицкий, а в 1927 г. на II съезд, состоявшийся в Москве, ездил Арапов. Другие руководители вели переговоры с советским посольством о денежной субсидии на издательскую деятельность...

Евразийцы считали, что цивилизация Европы и Азии гибнет. Россия в силу своего географического положения должна стать центром новой евразийской культуры, основанной на христианской, православной культуре. Европейская культура чужда русскому народу, она задела лишь верхушку народа, поэтому народ не воспринял идеологии верхов (речь не идет об изобретениях техники и транспорта) и произошел раскол между правящей группой и народом. Этот раскол и явился основным стимулом революции. Народ воспринял Октябрьскую революцию как протест против господствующей культуры, как освобождение от чуждой европейской культуры.

Евразийцы считали, что компартия подлежит устранению, ибо она руководствуется ошибочными и устаревшими положениями марксизма. Только евразийская партия способна осуществить национальное призвание России. При замене власти необходимо сохранить административный и военный аппарат. Сохраняются дореволюционные государственные границы за исключением Польши и Финляндии. Западная Украина и Западная Белоруссия должны войти в состав нового государства, которое будет представлять собой советскую федерацию. Во главе государства должен стать царь, выбранный Земским собором (советы, духовенство и армия).

Евразийцы признавали перемены, происшедшие в бытовых, имущественных, внутренних и международных условиях.

Утверждалось право собственности крестьян на землю, сохранялась национализация крупных промышленных предприятий и транспорта, частная собственность на мелкие предприятия и торговлю, государство контролировало частные банки.

Первенствующая роль отводилась православной церкви.

По данным польской разведки, евразийцы не имели связи с эмигрантскими группами других национальностей России (украинцами, грузинами, армянами и др.).

В 20-х гг. большую роль в евразийском движении играла группа в Праге, о которой в 1935 г. польская разведка не упоминает, отмечая группы в Париже и Брюсселе. Группа в Брюсселе издавала ежемесячный журнал “Евразиец”, сотрудники которого были связаны с антисоветскими кругами в Бельгии. Один из редакционных работников “Евразийца” якобы ранее был резидентом ГПУ в Румынии.

В Париже на авеню Анри-Мартен существовал клуб евразийской молодежи, который, по данным польской разведки, имел связи с группой в Брюсселе и ОГПУ.

Руководство группой евразийцев в Париже в специальном коммюнике заявило, что ни клуб европейской молодежи, ни группа в Брюсселе ничего общего с евразийским движением не имеют” (т. 11, л. 255–257).

Еще в одной архивной справке (февраль 1964 года) имеются сходные данные о евразийстве (без упоминания о связях с ГПУ) и повторяются имеющиеся сведения о Н. С. Трубецком как деятеле евразийского движения. Зафиксировано, что “французской контрразведкой заведена карточка на князя Трубецкого, профессора-лингвиста Пражского университета, члена общества “Евразийцев” (т. 11, л. 412). И еще: “В фонде “Имперский комиссар по наблюдению за общественным порядком, г. Берлин” имеется заметка неизвестного немецкого агента от 21.01.1929 г., в которой говорится о выходе князя

Николая Трубецкого из редакции газеты “Евразия” и из группы “Евразийцы” (т. 11, л. 412).

Отражение евразийства в зеркале КГБ, включающее в себя и точки зрения французской полиции и польской разведки, достаточно искажено. Преувеличено представление о “симпатиях к СССР в вопросах внутренней политики”: достаточно указать на многократную критику этой политики у Н. С. Трубецкого. Видно, как трудно воспринималась собственно евразийская, “туранская” часть концепции Трубецкого и других: французская полиция, как и ОГПУ, смешивала ее с более привычным панславизмом. Но важнее другое: в архивных справках четко говорится о связях евразийцев с ОГПУ, хотя везде со ссылками на чужую информацию.

Итак, ОГПУ, а затем возникший на его основе в том же 1934 году НКВД одновременно использовали евразийцев как своих агентов за рубежом и карали за связи с евразийцами и за хранение и чтение евразийской литературы в своей стране. Никакого парадокса и никакой несогласованности между разными подразделениями ОГПУ-НКВД здесь не было. Учитывалась двойственность и промежуточность позиции самого евразийства, обусловленная его исходными посылами: для Н. С. Трубецкого Октябрь, с одной стороны — попытка России избавиться от “двухсотлетнего романо-германского ига”, что вызывало его симпатию, но с другой стороны — попытка с негодными средствами, поскольку социализм — также западное явление¹⁷. Среди эмигрантских движений и течений евразийцы наряду со сменовеховцами выделялись сравнительно доброжелательным отношением к СССР, резко отличавшимся от непримиримости многих других групп. Поэтому с евразийцами можно было иметь дело, можно было способствовать дальнейшей эволюции их взглядов и использовать их в своих целях, как это произошло с С. Я. Эфроном и др. Но с точки зрения идеологической ситуации внутри СССР, где к тому времени уже было достигнуто полное господство одного учения, признанного “единственно правильным”, евразийство было абсолютно неприемлемо и подлежало искоренению. Впрочем, оно и не получило тогда известности. Интерес к нему появился лишь в наше время, причем известно оно больше не само по себе, а через посредство идей испытывавшего влияние евразийства Л. Н. Гумилева. По все той же иронии истории, пожалуй, популярнее всего оно среди неокommunistов и левых социалистов: когда старые рубежи обороны пришлось сдать, а принять западническую точку зрения означает перейти на сторону противника, евразийство выглядит как некий запасной вариант.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц были арестованы позже, в апреле 1934 года, когда другие были уже осуждены. Их дела шли отдельно.

² Подробнее о ходе дела см.: *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* “Дело славистов”: 30-е годы. М., 1994; *они же*: Николай Николаевич Дурново // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1993. № 4. См. также более ранние публикации: *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии // Советское славяноведение, 1989. № 1; *Горяинов А. Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение, 1990. № 2; *Робинсон М. А., Петровский Л. П.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “дела славистов” (по материалам ОГПУ-НКВД) // Славяноведение, 1992. № 4. Следует заметить, что работы С. Б. Бернштейна и А. Н. Горяинова не были основаны на архивных данных и поэтому содержат неточности.

³ О Люшкове см.: *Катунцев В., Кон И.* Инцидент. Подоплека хасанских событий // Родина, 1991. № 6—7; Российская газета, 1993, 24 августа.

⁴ N. S. Trubetskoy's Letters and Notes. The Hague-Paris, 1975.

⁵ *Toman J.* (ed.). Letters of Russian Linguists. Ann Arbor, 1993.

⁶ *Малышева-Виноградова Н. М.* Страницы жизни В. В. Виноградова // Русская речь, 1989. № 4.

⁷ Надо сказать, что религиозные проблемы, занимавшие важное место в концепции Н. С. Трубецкого, следствие почти не интересовали.

⁸ *Робинсон М. А., Петровский Л. Н.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой... С. 81.

⁹ Показаниям М. Н. Сперанского, как и К. В. Квитки, можно доверять более, чем другим, поскольку они не признали себя виновными.

¹⁰ В деле имеется список лиц, материалы о которых решено было “выделить в отдельное производство” (т. 10, л. 36). Большинство из этих 36 человек, кем-либо оговоренных в ходе следствия, арестованы не были. В их числе и упомянутые Д. Н. Ушаков, Н. К. Гудзий, М. И. Корнеева-Петрулан (Л. В. Щербы нет). Отметим также в списке впоследствии арестованного евразийца Д. П. Святополк-Мирского и В. И. Вернадского, имя которого многократно фигурирует в деле, в том числе в связи с Н. С. Трубецким, якобы просившим Н. Н. Дурново завербовать академика.

¹¹ См.: *Робинсон М. А., Петровский Л. Н.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой... С. 77, а также *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* “Дело славистов”: 30-е годы... С. 108—118.

¹² *Робинсон М. А., Петровский Л. Н.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой... С. 79—80.

¹³ Что-то похожее Дурново говорил и на следствии. Но под пером “профессионалов” из ОГПУ в протоколе допроса трансформировано так: “Из бесед с Трубецким я убедился, что он... в решении политических вопросов человек талантливый... Практического опыта у него, однако, не хватало, и в этом отношении более полезен был Якобсон” (т. 4, л. 217).

¹⁴ *Робинсон М. А., Петровский Л. Н.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой... С. 80.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В. С. Трубецкой встречался с братом во время своих поездок за границу в 1929 и 1931 годах, предпринятых им для лечения больного сына. В деле есть упоминание и о его знакомстве с евразийством. Однако В. С. Трубецкой, офицер, затем музыкант, был далек от политики и историософии и, по-видимому, равнодушен к идеям брата.

¹⁷ См.: *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) // Вестник Московского университета. Серия 9. “Филология”, 1991. № 4. С. 67—71.

УДК 94(47+57)

А.Г. ТЕПЛЯКОВ

**УЧЕТНО-ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ ПОЛПРЕДСТВА ОГПУ
ПО СИБКРАЮ В 1929–1930 гг.:
ДЕЛА И ЛЮДИ ЭПОХИ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»**

Новосибирский государственный университет
e-mail: tepliakov@online.nsk.su

Статья посвящена деятельности одного из главных подразделений органов ОГПУ по Сибирскому краю эпохи «великого перелома» – учетно-осведомительного отдела (УЧОСО), не только занимавшегося сбором политической информации, но и боровшегося с крестьянским сопротивлением режиму. Анализируются структура, функции и кадры отдела, рассматриваются наиболее характерные политические дела, которые расследовались сотрудниками этого отдела в 1929–1930 гг.

Ключевые слова: Сибирь, ОГПУ, политическая информация, крестьянские восстания, репрессии.

Учетно-осведомительный отдел (УЧОСО) – одно из основных подразделений полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Сибирскому краю в 1929–1930 гг., имел свой аппарат как в полпреде, так и во всех его 19 окружных и областных подразделениях. В литературе последних лет учетно-осведомительные отделы лишь упоминаются, а функции не анализируются. Их аппараты создавались некоторыми региональными подразделениями ОГПУ в рамках оптимизации собственной структуры, заменяя традиционные информационные отделы (ИНФО). Так, с середины 1920-х гг. в ГПУ УССР существовало учетно-осведомительное управление [1, с. 24]. Аналогичным образом проводилось (только гораздо позднее, в 1929 г.) реформирование ИНФО ПП ОГПУ по Сибкраю в учетно-осведомительный отдел.

После окончания Гражданской войны особое внимание «органов» направлялось на подготовку всесторонней политико-экономической информации для руководства страны. Поэтому, например, начальники информационных отделений окружных отделов ОГПУ имели высокий статус, являясь одновременно заместителями (помощниками) начальников окротделов. Сотрудники ИНФО занимались освещением политических настроений всех слоев населения, регулярно составляли подробные сводки. Кроме того, ИНФО осуществляли цензуру, наблюдая за печатью, зрелищами и связью. В организации негласной работы аппараты ИНФО, обладавшие наиболее разветвленной осведомительной сетью, играли координирующую роль: получив агентурные данные компрометирующего характера и сочтя их достойными «разработки», уполномоченные ИНФО передавали добытые сведения в соответствующие отделы ОГПУ: на «вредителей» и «саботажников» – в экономический отдел; на

уличенных в «антисоветской агитации» – в секретный; на «шпионов» – в контрразведывательный.

Ликвидация нэпа и политика «чрезвычайщины» резко обострили ситуацию в стране и привели к активизации карательной системы. Примерно в конце весны 1929 г. сибирский аппарат ИНФО был усилен за счет присоединения к нему подразделения, ведавшего оперативными учетами, а также, вероятно, следственного отделения и преобразован в учетно-осведомительный отдел, просуществовавший до октября 1930 г. В этот период произошло значительное увеличение численности УЧОСО, связанное с резким ростом штатов ОГПУ в целом (так, партийная ячейка Томского окружного отдела ОГПУ с мая 1929 г. по май 1930 г. выросла с 59 до 84 чел., причем работников ИНФО среди них в мае 1930 г. насчитывалось не менее 15 чел.¹, т.е. столько, сколько было всего чекистов во второстепенных окротделах, таких как Барабинский или Славгородский).

В 1929–1930 гг. начальником УЧОСО являлся доверенный полпреда ОГПУ Л.М. Заковского – Г.А. Лупекин, руководивший с 1928 г. аппаратом ИНФО полпредства и в отсутствие Заковского не раз исполнявший обязанности полпреда. До конца ноября 1929 г. заместителем Лупекина был старый чекист Я.М. Краузе, которого затем перевели с понижением на должность помощника начальника Барнаульского окротдела ОГПУ. Новым заместителем начальника УЧОСО стал бывший глава Рубцовского окротдела Н.Н. Хвалебнов. Помощниками начальника УЧОСО в разное время являлись П.Е. Помялов, А.Г. Флоринский, Г.Л. Биримбаум [2, с. 278, 194, 436; 3, с. 717; 4, с. 97, 337, 425].

Аппарат УЧОСО в Новосибирске состоял из четырех отделений. Одно из них было информационным,

¹ ЦДНИТО. Ф. 3791. Оп. 1. Д. 30. Л. 28; Д. 34. Л. 1–20.

оно опиралось на мощный агентурный аппарат, другое – следственным, функции остальных предположительно касались учетной и цензурной работы. Начальником 1-го и врид начальника 2-го отделений УЧОСО являлся А.И. Хваленский, врид начальника 2-го отделения – бывший работник особых отделов Г.И. Новоселов. Весной – осенью 1930 г. начальником 3-го, а затем – 2-го отделений УЧОСО был П.В. Чистов. С 1929 г. 4-м отделением УЧОСО руководил бывший помначальника регистрационно-статистического отдела ПП ОГПУ А.Р. Данченко, а не позднее лета 1930 г. его сменил бывший уполномоченный УЧОСО Т.М. Бошкин. Среди видных работников краевого аппарата УЧОСО следует назвать В.П. Журавлева, И.Н. Павлова, Я.А. Пасынкова, В.И. Савишникова, В.В. Соловья, М. Туркина. В окротделах выделялись активностью Н.А. Барков, А.В. Борзенко, Я.Н. Карташев, А.Г. Луньков, М.С. Панкратьев, Е.Н. Смирнов, Г.К. Тютюник и др.²

Судьба наиболее крупных работников УЧОСО сложилась вполне предсказуемо: активно проводя политику террора, они получали звания и награды, а в конце 1930-х гг. были признаны «изменниками» либо «перестаравшимися» и репрессированы (Лупекин, Биримбаум, Данченко, Краузе, Новоселов, Помялов, Хвалебнов, а также Павлов и Луньков); Соловей и Панкратьев были арестованы в 1933–1937 гг. за служебные преступления [4, с. 98, 112, 333, 519; 5, с. 679–681]. Однако многие деятельные работники (например, будущие старший майор ГВ В.П. Журавлев (1901–1946), полковник Я.А. Пасынков (1900–1986) или подполковник А.Г. Флоринский (1899–1963)) оказались удачливее: так, Журавлев в 1939–1941 гг. являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а Пасынков в 1950 г. вышел в отставку с должности начальника КРО УМГБ по Новосибирской области³.

Тщательный сбор сведений на опасных для режима лиц являлся одной из важнейших функций УЧОСО, для чего использовались агентура и перлюстрация. Особое внимание уделялось контролю переписки неблагонадежных лиц, письмам, отправляемым и получаемым из армии и из-за границы. Зафиксированные недоброжелательные высказывания становились поводом к началу агентурных разработок, т.е. негласных дел на лица; они составлялись на основе различных компрометирующих материалов. Данные материалы являлись основным содержанием и дел-формуляров (досье) на отдельных граждан, которые именовались «учетниками».

Досье на подозрительных лиц до конца 1920-х гг. охватывали сравнительно небольшую часть населения края: к 1928 г. на учете сибирских чекистов состояло около 37 тыс. «антисоветских элементов». Самой мас-

совой прослойкой были «кулаки», репрессированные в 1919–1922 гг. – 12 000 чел., а также белые казаки (7500) и бывшие офицеры (5230). К повстанцам были отнесены 3644 чел., членам политических и уголовных банд – 3542, бывшим контрреволюционерам – 700 чел. Служителей культа стояло на учете до 2000 чел. Членов антисоветских партий насчитывалось 2058 чел. – 860 эсеров, 624 меньшевика, 132 дашнака, 131 анархист, 30 сионистов, 28 народных социалистов, а 253 чел. были отнесены к троцкистам и прочим «партийным отщепенцам» [6, с. 187]. Значительную часть «подучетного элемента» чекисты прорабатывали с помощью своей агентуры.

Масштабы учетной работы не соответствовали требованиям эпохи «великого перелома», когда в связи с жесточайшим раскрестыиванием число «врагов» умножилось. Крайне слабо обстоял учет неблагонадежных в сельской местности, где до лета – осени 1930 г. действовали немногочисленные участковые уполномоченные, обслуживавшие по два-три района. В округах эту деятельность районных чекистов курировали работники УЧОСО. С введением института районных уполномоченных в каждом районе ситуация изменилась далеко не сразу, поскольку во многих райаппаратах ОГПУ в начале 1930-х гг. не был налажен даже учет агентурной сети, не говоря уже о подготовке списков неблагонадежного элемента (подобные списки были не везде и в 1937 г.)⁴.

Регулярные оперативные сводки учетно-осведомительного отдела представляют собой исключительно ценный источник, содержащий информацию как о настроениях общества, так и о протестных проявлениях. Так, большой интерес представляет подробная сводка УЧОСО в Сибкрайисполком от 16 марта 1930 г. о перегибах в ходе коллективизации в крае. Приводится масса фактов преступлений местных властей в отношении «раскулаченных». Итоговая записка УЧОСО об экспроприации «кулачества» от 25 апреля 1930 г. еще более информативна и откровенна. Так, в ней прямо сказано, что «у ряда районных работников и особенно у низовых сложилось мнение, что выселение в данное время кулачества является началом их физического уничтожения, и на последовавшие директивы [они] смотрели как на прикрытие, маскировку вышестоящими органами проводимой расправы с кулачеством». Аппараты УЧОСО составляли и оперативные сводки о волнениях в округах, причем все протестные проявления фиксировались с особой тщательностью: наряду с сообщениями о волнениях, поджогах, покушениях на сельских активистов и т.п. подробно описывались также составленные крестьянами антиправительственные листовки. Распространение любой неразрешенной информации рассматривалось чекистами в одном ряду с прямыми «контрреволюционными действиями» [7, с. 60–79, 86, 124–131; 8, с. 40–41].

Органы ОГПУ, опиравшиеся на раздутый, но не очень эффективный агентурный аппарат, оказались

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2964. Л. 101; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 12800; Ф. П-4. Оп. 18. Д. 708; Д. 9102. Л. 1–16; АУФСБ по НСО. Д. П-5710. Т. 1–3.

³ ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 68. Л. 1–2 об.; РГАСПИ. Ф. 17. Регбланк партбилета № 0606050 на А.Г. Флоринского.

⁴ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-11776. Т. 1. Л. 104.

неспособны предотвратить колоссальную вспышку крестьянских выступлений в 1930 г. – в них участвовало свыше 3 млн чел. В условиях нарастания повстанческой активности в начале 1930 г. чекистские руководители приняли решение действовать методами «массовых операций». Получив в феврале 1930 г. указание ОГПУ арестовать 5–6 тыс. наиболее «злостных кулаков», сибирские чекисты репрессировали крестьян примерно вчетверо больше. Карательная машина опиралась на массовые репрессии, что позволяло обходиться без серьезной агентурной проработки. Чекисты ограничивались первичной негласной информацией, зачастую от заведомых и специально подготовленных провокаторов, а затем, с помощью пыточного следствия и внутрикамерных агентов, разворачивали «дело» до большой «повстанческой» организации.

Помогая «раскулачиванию», чекисты с осени 1929 г. повсеместно фабриковали дела как на «заговорщицкие повстанческие организации», так и на тысячи «антисоветских одиночек». «Крупные организации» создавались наспех из жителей неблагонадежных сел и деревень, «комплектовались» из родственников и знакомых, поэтому включали большое количество «социально-близкого» элемента. Следствие нередко продолжалось всего лишь нескольких дней, обычно являлось сугубо формальным: протоколы с признаниями составлялись следователем, задачей которого было добиться подписи арестованного. Значительная часть фигурантов подобных дел приговаривалась к расстрелу во внесудебном порядке. Так, для начального периода «раскулачивания» характерно дело, сфабрикованное работниками УЧОСО Канского окр. отдела ОГПУ на группу из почти 30 крестьян с. Залипье Туровского сельсовета Абанского района. Они обвинялись в «срыве хлебозаготовительной кампании и налоговой политики с одновременным призывом к свержению советской власти вообще...» Малограмотные крестьяне Ф.П. Бубынин, Ф.Д. Ганчитский, Е.Т. и З.Н. Кунтенковы, Е.И. и И.А. Сюскины, А.А. Труханенко, а также их «главарь» – бывший жандарм и «раскулаченный» М.М. Ситкевич – были арестованы в начале октября 1929 г., осуждены тройкой полпреда ОГПУ 5 ноября по ст. 58-10-11 УК РСФСР и расстреляны в Канске 14 ноября. О том, как велось следствие по этому делу, прекращенному лишь в 1992 г., можно судить по свидетельским показаниям одного из крестьян, которому выдали из тюрьмы окровавленную одежду, принадлежавшую его знакомому [9; 10]. Людей повсеместно расстреливали только за агитацию против власти, а эту меру ст. 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда) предусматривала лишь в период войны. Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о террористическом характере чекистской политики.

В первой половине 1930 г. количество подобных дел резко возросло, причем численность наиболее крупных «контрреволюционных повстанческих организаций» нередко превышала 100 чел. Известны крайне жестокие расправы: например, по делу «террористической кулацкой группы» Кочневского района из

70 осужденных в марте 1930 г. расстреляли 59 чел. Фактически это дело стало ответом на массовый протест женщин в селах Катково и Крохалево, где 3 и 4 февраля 1930 г. толпы численностью в 300–400 женщин осаждали сельсоветы, требуя немедленного роспуска коммун и возвращения отобранного имущества. В обвинительном заключении, составленном уполномоченным УЧОСО Я.А. Пасынковым, говорилось, что названные села участвовали летом 1920 г. в Колыванском восстании. Генеалогия «женских волынок» для чекистов была совершенно ясна, поэтому исторически неблагонадежные селения подлежали массовой чистке. За агитацию и «террористические намерения» чекисты осудили к расстрелу 84 % участников этой «организации», в их казни активно участвовал и начальник отделения УЧОСО А.Р. Данченко [11, с. 376–378].

В представлении Г.А. Лупекина к ордену Красного Знамени в июне 1930 г. Заковский отмечал, что тот являлся заместителем начальника оперативной группы полпреда, отвечавшей за «раскулачивание».

Он «руководил аппаратом Учосведотдела, организующим практически удар по кулацким контрреволюционным группировкам, кулацкому, антисоветскому активу и работой по организации выселения наиболее злостных кулаков на север. ...Тов. ЛУПЕКИН со времени его назначения в Сибирь на должность Нач. УЧОСО (ИНФО) ПП ОГПУ проделал весьма большую работу по постановке политической информации, так и активизированию аппарата ИНФО в агентурно-оперативной работе... Руководство организацией мероприятий по выселению кулачества, отнесенного ко II категории, принадлежит в основном ему. Несмотря на срыв первоначального плана организации выселения из-за бездействия на местах в округах сов. [и] партийного аппарата, быстро под его непосредственным руководством был разработан второй план, в своем осуществлении давший 62 % выполнения контрольной цифры, данной центром ОГПУ... По линии аппарата Учосведотдела с 1/II [и до мая] с. г. оперировано [арестовано. – А.Т.] до 14.000 чел. из общего числа 16.000 с лишним, изъято контрреволюционного актива до 6.000 чел. из общего числа 6.841, группировок до 400 с лишним из общего числа 586 группировок и т.д. Под его личным руководством в пределах Новосибирского округа ликвидированы наиболее крупные контрреволюционные организации: Вассинская, до 200 чел., Чулымская, до 400 чел., и Новосибирская, до 140 чел.⁵

В Вассинском (Тогучинском) районе Новосибирского округа весной 1930 г. была ликвидирована «организация» во главе с бывшим партийцем Шустовым. Она якобы возникла в конце 1929 г., достигла численности 161 чел. и планировала поднять восстание 1 апреля 1930 г. Чекисты сообщали в Москву, что у повстанцев были клички, шифр и нелегальные резидентуры в населенных пунктах, а оружие они намеревались купить либо отобрать у коммунистов. Один из руководителей (вероятно, сексот), опасаясь ареста, бежал, помешав чекистам арестовать большую группу связанных с ним

⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 106. Л. 17; Д. 122. Л. 233–234.

лиц. Как пояснял Я.А. Пасынков, поторопившиеся чекисты «начали операцию, когда один из резидентов организации Крюков выехал в гор. Новосибирск, узнав об операции, [он] домой не вернулся, а в связи с этим нами осталась нераскрытой боевая группа в 135 человек, подчиненная Крюкову»⁶. Аналогичным образом фабриковались и другие крупные дела.

Что касается «группировок», то они обычно составлялись из 8–10 арестованных, и в каждом округе их создавали десятками. Заслуги начальника УЧОСО Бийского и Иркутского окротделов Ф.И. Кривошеева в том же июне 1930 г. оценивались Заковским следующим образом:

Провел большую подготовительную работу, обеспечившую последующие успехи по ликвидации организующейся контрреволюции в Бийском округе. Умело подготовил и своевременно мобилизовал внимание районного аппарата на основных участках работы. Непосредственно принимал участие в разработке и ликвидации значительного числа контрреволюционных группировок⁷.

После окончания зимне-весенней кампании 1930 г. по «раскулачиванию» террористическая активность ОГПУ, опиравшаяся на масштабные агентурные комбинации, оставалась на высоком уровне. Так, в деле «Черные» на 300 крестьян-«повстанцев» Новосибирского, Барабинского, Каменского и Славгородского округов содержатся откровенные свидетельства провокационной деятельности ряда агентов. Последние доносили о подготовке вооруженного восстания в Доволенском и Кочковском районах, причем по заданию своих кураторов из УЧОСО уверяли, что во главе кочковских повстанцев находятся руководители района – председатель РИКа, начальники РАО и ОГПУ. Один из сексотов сообщал, что летом 1930 г. в с. Кочки состоялся съезд эсеровской партии с более чем сотней участников из всех округов Сибкрая и под предводительством... А.Ф. Керенского, «который указал нам, что скоро будет Советской власти крах».

Накопив достаточное количество подобной «информации», заместитель Заковского В.Н. Гарин и руководство УЧОСО 30 июля 1930 г. направили в Каменский окротдел ОГПУ директиву, где указывалось, что разрабатываемая организация «Черные» за последнее время значительно активизировалась, занимаясь подготовкой восстания. В связи с этим в начале августа во всех округах, где обнаружены «группы и связи» повстанцев, начнется «ликвидация разработки». В Каменском округе самые активные группы базировались в селах Кочки, Быструха, Жуланка, Панкрушиха, Мохнатка и др. Начальник окротдела обязывался составить точный оперативный план ликвидации с целью «одновременного изъятия всех лиц, проходящих по разработке».

Всего чекисты арестовали свыше 300 чел. в 46 населенных пунктах, но смогли обнаружить лишь несколько единиц оружия. Отсутствие запасов вооруже-

ния и отказ от показаний предполагавшихся вождей восстания не смутили работников ОГПУ. Последовало быстрое следствие под руководством Г.Л. Биримбаума, В.П. Журавлева и Я.А. Пасынкова, опиравшееся на массовые избиения. В результате были получены необходимые «признания». Тройкой были приговорены к расстрелу из 298 чел. всего 72 (одному из них по пути к месту казни удалось бежать). Заметая следы, чекисты уничтожили в качестве активистов организации и своих агентов⁸. Всего за 1930 г. в Западной Сибири выселению подверглось около 81 тыс. крестьян, а еще, как минимум, 20 тыс. чел. были арестованы. Тройкой ПП ОГПУ осуждено 16 553 чел., из них к высшей мере наказания приговорено 4762 чел., что более чем в 4 раза превышало средний по регионам СССР «расстрельный» показатель [4, с. 330–340].

С осени 1930 г. в органах ОГПУ под влиянием повстанческого движения началась основательная структурная перестройка. Функции главного борца с мятежами в сельской местности взял на себя укрупненный Особый отдел. После разделения ПП ОГПУ по Сибкраю на два краевых полпредства в октябре 1930 г. аппарат УЧОСО был упразднен, после чего подразделения, занимавшиеся информацией и учетами, снова стали самостоятельными. Но воссозданный ИНФО в ПП ОГПУ Западно-Сибирского края просуществовал недолго. Уже в марте 1931 г. всюду по СССР аппараты ИНФО были слиты с секретными отделами, образовав Секретно-политический отдел (СПО), ставший на долгое время основой всей системы политического сыска. Характерно, что СПО, меняя названия, но не сущность, существовали до самого краха советского режима и не раз в период наиболее крупных репрессивных кампаний 1930-х – начала 1940-х гг. действовали привычными методами «массовых операций».

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотарьов В.А. Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. Харків, 2007.
2. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999.
3. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 2005. Т. 3, кн. 2: 1932–1934.
4. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.
5. Ленинградский мартиролог 1937–1938. СПб., 1999. Т. 4: 1937 год.
6. Узгратов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999.
7. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931. Новосибирск, 1992. Т. 1.
8. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
9. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Красноярск, 2004–2009. Кн. 1–9.
10. Подишьякин М. Виновным себя не признал // Сегодняшняя газета (Канск). 1992. № 15. 13–20 апр.
11. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.

⁶ АУФСБ по НСО. Д. П-17386. Т. 7. Л. 525, 526.

⁷ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 122. Л. 235–237.

⁸ АУФСБ по НСО. Д. П-17386. Т. 1–7.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ НУЖД ДАЛЬСТРОЯ ОГПУ - НКВД СССР

Д.И. Райзман

Заслуженный учитель РФ, МИЭ СПбАУЭ, Магадан

© Райзман Д.И. 2010 г.

Продолжая серию очерков по истории народного образования на Колыме, автор ставит перед собой задачу исследовать проблему становления профессиональной подготовки специалистов для нужд Дальстроя. Исследование основано на архивных материалах, конспектах личных встреч и интервью.

Идея трудового воспитания молодых поколений впервые была высказана в трудах Т. Мора, Т. Кампанеллы и других социалистов - утопистов. В XX веке отечественная педагогика накопила своеобразный опыт трудовых школ С.Т. Шацкого, П.П. Блонского, В.Н. Шульгина и М.В. Крупениной, В.Н. Сороки-Росинского, А.С. Макаренко.

Этим авторам принадлежит концепция социального воспитания через систему государственно - общественных субъектов (семья, школа, общественные организации) и объектов (дети, взрослые). Но если они предлагали программу воспитания и образования детей в советском обществе на основе партийно-государственных решений (Программа РКПб 1919 года), то подобный подход распространялся и на людей, нуждающихся в «Перековке сознания» и находящихся в «местах не столь отдаленных» в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ - НКВД СССР. Именно там отработывалась социальная педагогика, где объектом трудового перевоспитания становились «социально-опасные элементы».

Особенностью воспитательной системы В.Н. Сороки-Росинского являлось всемерное стимулирование активности и самостоятельности воспитанников. В его школе разрабатывалась

уникальная система поощрений и наказаний с системой разрядов, смотров, самооценки на основе развития самоуправления [12].

Подобное имело место в исправительно-трудовых лагерях страны.

Положение об управлении гострестом Дальстрой в пункте «Взаимоотношения между отдельными звеньями аппарата треста» определяло в 1932 г. «ответственность Сектора труда и рационализации за правильностью использования рабочей силы и организации курсов по повышению квалификации, как и всю подготовку кадров в разных ее формах» [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 1. Л. 71-76].

Так планировался контроль начального профессионального обучения дальстроевцев.

В годовом отчете Дальстроя за 1932 год в разделе «Труд и зарплата» упоминались важные условия и источники комплектования рабочей силы, за счет имевшихся на Колыме работников старательских артелей Колымского Главного приискового управления и конторы АКО (Акционерного Камчатского общества). Рабочую силу комплектовали путем вербовки рабочих и служащих через агентства и представительства Дальстроя в центральных районах страны (Москва, Ленинград, Киев, Новосибирск, Владивосток), но основная масса поступала через Севвостлаг ОГПУ - НКВД СССР (таблица 1).

«Недостаток квалифицированных рабочих объясняется самим составом большинства рабочей силы, состоящей главным образом из лагерников, если и имеющих какую-либо квалификацию, то часто не требующуюся на работах в «Дальстрое», вследствие чего эти наличные квалификации и профессии использовались как чернорабочие» - отмечалось в годовом отчете Дальстроя за 1932 г.

Среднесписочный состав дальстроевцев составлял по объяснительной записке к отчету г/т Дальстрой за 1936 - 1937 гг.: (таблица 2) [3, С. 83, 91].

Таблица 1

Дата	Вольнонаемные	Лагерники				Всего
		На работ. ДС	Лагобслуга	Неработ.	Итого	
1.01.1932	3129	—	—	—	—	3129
1.01.1933	3095	7064	2072	1129	10265	13360
1.01.1935	3190	32870	—	—	—	36060
1.01.1936	4961	44601	—	—	—	49562

Таблица 2

Состав	1935		1936				1936 в % к уточненному плану		1937	
			по уточненному плану		по отчету					
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Вольнонаемные	5302	10,9	9407	14,0	9683	14,3	182,6	102,9	12999	15,71
Лагерное население	42758	87,8	56542	83,9	56927	84,3	133,1	100,7	68029	82,2
Колонисты	664	1,3	1453	2,1	918	1,4	138,3	63,2	1700	2,05
Всего:	48724	100,0	67402	100,0	67528	100,0	138,6	100,2	82728	100,0

Кроме того, вольнонаемных в УСВИТЛе имелось 2228 человек.

Увеличение удельного веса вольнонаемной части в полтора раза явилось результатом усиленного завоза в отчетном году специалистов и рабочих высокой квалификации по договорам и вовлечения членов семей вольнонаемного персонала в производство. Исходя из отчета Дальстроя за 1936 год, следовало: вольнонаемный персонал состоял из завербованных и прибывших из-за - пределов Охотско-Колымского района - 47% (4410 чел.), бывших лагерников - 43,3% (4072 чел.), членов семей вольнонаемного персонала, вовлеченных в производство - 7,8% (735 чел.), местного населения - 1,9% (181 чел.).

И все же, несмотря на усиленный завоз специалистов в целом за 1936 г. обеспеченность ИТР и служащими по сравнению с 1935 г. снизилась.

Если в 1935 г. она составляла в целом по тресту 114,6% плана, в т.ч. по Охотско-Колымскому району 108,9%, то в отчетном 1936 г. обеспеченность по тресту инженерно-техническим персоналом и квалифицированной рабочей силой составила 95,3%.

Проблему можно было решить собственными усилиями, организовав подготовку специалистов различных отраслей хозяйства непосредственно в районах деятельности Дальстроя.

Проверенной формой обучения начальным профессиональным умениям, навыкам и знаниям явились краткосрочные курсы, которые организовывались культурно-воспитательным отделом (КВО) Севвостлага. Так как не хватало нужных рабочих кадров, то КВО в целях успешной «перековки» заключенных и их использования на конкретных участках работ, постоянно создавал курсы подготовки шоферов, дорожных десятников, прорабов, коллекторов, топографов, горных смотрителей, счетоводов, бухгалтеров, медтехников, электромонтеров и т.д.

Эти курсы устанавливались на определенный срок (продолжительностью 3-5 месяцев), где курсанты - заключенные работали с отрывом от производства; им выдавалась стипендия в размере 50-100 рублей в месяц. В то же время практиковалось так называемое индивидуальное ученичество.

Таким образом, за 1933 г. усилиями КВО Севвостлага было подготовлено 640 чел., из которых 376 прошли курсы с отрывом от производства, 89 - без отрыва от производства и 175 - индивидуальное ученичество [7].

Кроме этого, работающие в лагерных подразделениях школы ликбеза и школы малограмотных обучили 1782 заключенных.

Руководство Дальстроя придавало большое значение этой работе. Приказы по Дальстрою, подписанные директором гостреста Э.П. Берзиным, свидетельствовали о целенаправленной подготовке необходимых специалистов в течение первого года деятельности уникальной государственной организации, создающей новый промышленный район в отдаленном от центра северном крае.

25 августа 1933 г. в приказе № 227 по Дальстрою указывалось: «Для подготовки медицинских работников по обслуживанию лагерного населения Колымского края... при Сануправлении ДС организовать 5-ти месячные курсы младших медтехников на 36 слушателей с отрывом от производства.

Заведующим курсами назначаю врача Михеева по совместительству с доплатой 100 рублей в месяц. Прилагаемую сумму и план расчета учебных часов утвердить. Всем заведующим предприятиями курсантов, принятых на курсы и откомандированных 2-м отделом, освободить от занимаемых работ. Установить курсантам 3/к стипендию 100 р. в месяц. К занятиям приступить с 20-го сего августа».

Приказ № 357 от 13 ноября 1933 г. гласил: «В связи с недостатком квалифицированных десятников по гражданскому строительству... при 1-м отделе УСВИТЛа ОГПУ организовать 3-х месячные курсы десятников-плотников на 30 человек с отрывом от производства ежедневно на 4 часа для теоретических занятий, с тем, что остальные рабочие часы они проводят на практических работах по возведению гражданских деревянных сооружений.

Установить стипендию курсантам-заключенным 50 рублей в месяц»[1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 5. Л. 245].

Объяснительная записка к программе и смете по курсам десятников-плотников содержала конкретные указания начальника 1-го отдела УСВИТЛа ОГПУ Тарасова, ответственного исполнителя по подготовке кадров Калачева, консультанта-инженера Рисс, в которых отмечалось: «...На курсы будут приняты 30 человек заключенных из рецидива социального элемента и крестьянства с образованием не ниже 4-х групп школы 1-й ступени, желающих получить квалификацию десятников.

Учебная программа рассчитана на 600 часов, из коих ежедневно слушатели 4 часа работают практически на производстве плотниками и 4 часа имеют теоретических, слушая лекции в аудитории курсов. Обучающиеся на курсах будут за время обучения считаться рабочими, имеющими 4-х часовой производственный день».

Среди дальстроевских льгот, установленных Постановлением Президиума ЦИК СССР 10.01.1933 года, была весьма существенная, особенно для судеб детей репрессированных: «Дети

спецпереселенцев получали право поступления в учебные заведения наравне с детьми трудящихся с самого начала работы в тресте» [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 1. Л. 3].

В течение года в связи с увеличением рабочей силы и необходимостью повышения профессионального и общеобразовательного уровня работников Дальстроя, прибывших на Колыму, 28 ноября 1934 года в приказе № 401 по Дальстрою указывалось: «В соответствии с постановлением Уполномоченного ДВКИКа (Дальневосточного крайисполкома. Д.Р.) ...передать Учебный комбинат из Управления Уполномоченного ДВКИКа в ведение Управления Севвостлага с непосредственным подчинением начальнику КВО.

Возложить на Учебный комбинат руководство следующими отраслями работ: а) курсовой системой, б) всей сетью массовой работы по ликвидации неграмотности, в) школами повышенного типа и работой по внедрению техникума.

Расходы по Учебному комбинату оплачиваются за счет Управлений и предприятий соответственно количеству обучающихся для них работников» [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 9. Л. 210].

Понимая необходимость подготовки среднего технического персонала непосредственно в Магадане, директор Дальстроя издает приказ № 120 о создании в составе Учкомбината 15 апреля 1935 года индустриального техникума для нужд горного и автотракторного хозяйства [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 147. Л. 16], но другие источники утверждают, что индустриальный техникум создали приказом по Дальстрою № 213/214 от 7 июля 1935 года, где обучение было организовано без отрыва от производства с контингентом учащихся-лагерников. Рабочий день для них был сокращен на 2 часа [11].

Руководство УСВИТЛа поощряло договора с необходимыми специалистами Учкомбината, разрешая заключенным-преподавателям курсов, вызывать родственников с «материка». Так 13 сентября 1935 года начальнику учетно-распределительного отдела (УРО) управления Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря НКВД СССР поступило заявления от Павленко И.Ф., работающего преподавателем в Учебном комбинате, осужденного по ст. 109, 111 сроком на 10 лет.

В заявлении, подписанном з/к Павленко, говорилось: «Моей жене, Хотяевой Вере Яковлевне, дирекцией Дальстроя разрешен въезд в Магадан. Она, как преподаватель русского языка и литературы, будет использована на работе в учебных заведениях Магадана, в том числе и в учебном комбинате КВО. Прибывает она в Магадан с пароходом «Сучан».

Прошу разрешить мне совместное проживание с моей женой на предоставленной ей квартире.

Согласно полученной от жены телеграммы, мне по амнистии срок снижен до 3-х лет».

Так В.Я. Хотяева стала работать в Магадане, по сути, повторив поступки жен-декабристов. Будучи квалифицированным педагогом, она впоследствии работала директором средней школы № 1 г. Магадана, инструктором обкома партии, была награждена медалью «За трудовое отличие».

Несмотря на принятое Постановление Совнаркома СССР от 16 марта 1935 «О Дальстрое», указывающее: «обязать наркоматы направить в распоряжение Дальстроя согласно его заявке в июне 1935 года в Нагаево не менее 50 человек педагогического персонала соответствующей подготовки» [3, С. 35]. Учителей не хватало, и потому отдел кадров Дальстроя соглашался принимать на работу жен тех заключенных, кто своим трудом и поведением заслуживал поощрения.

Еще до массового поступления заключенных Севвостлага, обвиненных и осужденных по политическим мотивам, ставших работниками Дальстроя поневоле, не приспособленных к простому физическому труду, но высокообразованных интеллигентов, стали привлекать к начальному профтехобразованию.

По приказу директора гостреста «Дальстрой» Э.П. Берзина 13 января 1936 г. № 12 «В целях содействия укреплению культурно-воспитательной работы и создания квалифицированных кадров из состава лагерников на их предприятиях «ДС» начальникам Управлений и начальникам лагерных подразделений организовать в каждом из лагподразделений кружки профтехобразования с учетом потребности в квалифицированной рабочей силе на 1936 г.

Каждый кружок профтехнического образования (КПТО) должен быть организован в составе до 30 человек.

Учебными дисциплинами в КПТО должны быть: 1. Специальный предмет. 2. Обществоведение. 3. Русский язык. 4. Математика.

Занятия в КПТО должны производиться без отрыва от производства по 2 часа в день (40 часов в месяц).

Занятия в кружках и выпуск учеников должны быть закончены к 1 мая 1936 г.» [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 13. Л. 33].

Для дальнейшего стимулирования развития труда лагерников, развития среди них соревнования - стахановского движения в лагподразделениях Севвостлага ввели в сентябре 1936 г. звание «Мастер социалистического труда» [15], а в ноябре 1936 года звание «мастера высокой производительности труда».

Положение об этом звании учитывало ряд условий и само награждение зависело от объема знаний и показателей: «...3. Правом на получение звания «мастера высокой производительности труда» пользуются лучшие ударники-стахановцы, систематически повышающие свои технические и общеобразовательные знания через специальные курсы, без отрыва от производства, дающие не менее 200% выработки по установленным нормам за нормальный рабочий день (при соблюдении всех требований в отношении состояния рабочего места, техники безопасности, безаварийности работы и качества продукции), отличающиеся безукоризненным поведением в быту, образцово-примерной дисциплиной и самым активным участием в общественной работе и не имеющие в течение года проступков и замечаний. 4. В целях содействия получению звания «мастеров высокой производительности труда» при ОЛП УСВИТЛ НКВД организуются без отрыва от производства курсы «мастеров высокой производительности труда».

Список профессий для прохождения на специальных курсах утверждается УСВИТЛ НКВД по согласованию с дирекцией Дальстроя.

5. Программы курсов разрабатываются применительно к каждой специальности. Занятия 4 дня в пятидневку по 2 часа - всего 120 часов...»

Для получения звания «мастера высокой производительности труда» 1 категории необходимо было обладать определенным уровнем знаний, в частности, разбираться в вопросах текущей политики и знать основы политграмоты по учебнику для школ политграмоты; свободно читать проекты и рабочие чертежи; уметь производить подсчеты (по проекту и смете) потребности рабочей силы, материалов, инструментов, механизмов и оборудования; уметь производить при помощи простейших измерительных инструментов разбивку и проверку выполняемых работ; уметь составить графики производства работ; знать правила эксплуатации простейших механизмов; уметь проверить правильность работы простейших механизмов, инструментов и знать качество обрабатываемых материалов; правильно применять технические нормы и технические условия при производстве работ; знать правила по технике безопасности и основные положения трудового законодательства.

Для получения звания «мастера высокой производительности труда» 2-й категории необходимо было: разбираться в вопросах текущей политики и знать основы политграмоты по учебнику для школ политграмоты; знать правила эксплуатации простейших механизмов; уметь проверять правильность работы простейших механизмов, инструментов и знать качество обрабатываемых материалов; правильно применять технические нормы и технические условия при производстве работ; знать правила по технике безопасности и основные положения трудового законодательства.

Повышение профессионального мастерства поощрялось рядом льгот: доплатой к заработку в размере до 100 рублей в месяц для 1-й категории и до 50 рублей в месяц для 2-й категории в зависимости от профессии и квалификации. Среди других льгот были права: «преимущественного поступления на любые курсы Учебного комбината при КВО с оплатой за время учебы по среднемесячному премвознаграждению, получаемому на руки до поступления на курсы; получать персонально бесплатно лагерную газету «Верный путь»; получения пропусков и увольнений за вахту и правом пользования всеми видами культурного обслуживания: кино, постановками, концертами платными и бесплатными в первую очередь и без всяких ограничений». [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 20. Л. 171-174].

Система подготовки квалифицированных специалистов низшего и среднего звена в Севостлаге была хорошо продумана и тесно была увязана с профессиональным обучением вольнонаемного состава дальстроевцев и местного коренного населения.

По инициативе политчасти Дальстроя 15 сентября 1934 года в Магадане открыли педагогический техникум для коренного населения, где в 4 группах училось 59 человек [4]. В 1935-36 учебном году число студентов возросло до 85 [5]. На первом курсе обучалось 19 чел., на втором – 6 чел. и на подготовительном отделении - 60 человек.

Техникум обслуживался педагогическим составом из 28 специалистов по 15 дисциплинам. Важной задачей преподавателей являлось «выравнивание» программы по годам обучения в подготовительном отделении, с тем, чтобы дать возможность учащимся, переходящим на основной курс, пройти подготовку на базе неполной средней школы [13].

9 сентября 1935 года профильную подготовку специалистов расширили, открыв на базе педтехникума Охотско-Колымский техникум с тремя отделениями: горным, сельскохозяйственным и педагогическим. Через год число студентов достигало 250 человек. Первый выпуск учителей начальных классов Охотско-Колымский техникум сделал в 1937 году, но 27 октября 1940 года техникум ликвидировали [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 38. Л. 11].

20 апреля 1936 года Э.П. Берзин издал приказ № 118, в котором, отмечая, что горное и сельскохозяйственное отделения Охотско-Колымского техникума Дальстроя готовят специалистов из числа вольнонаемных, колонистов и освобождающихся з/к, указывал: перевести из состава учащихся вечернего техникума Учебного комбината КВО УСВИТЛа НКВД на учебу в Охотско-Колымский

техникум Дальстроя вольнонаемных, колонистов и лагерников, срок заключения коих истекает не позднее 1937 года. [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 18. Л. 39].

О работе педагогов в учебных заведениях Магадана уполномоченный Далькрайисполкома говорил на 2 межрайонном съезде Советов Колымы в октябре 1936 года: «В 1935-36 учебном году в советско-колхозной школе обучались исключительно националы в количестве 86 человек. Советско-колхозная школа готовит руководящих работников райисполкомов, сельсоветов, колхозов и др. Через школу готовятся ежегодно десятки ликвидаторов неграмотности из числа коренного населения: орочи, якуты, камчадалы... В 1935-36 годах работали отделы и курсы: 1) подготовительные курсы - 31 чел.; 2) 1 курс - 16 чел.; 3) курсы счетных работников - 10 чел.; 4) курс ликвидаторов неграмотности - 34 чел.; 5) курсы партийного и советского контроля - 16 чел.

Кроме того, при советско-колхозной школе работали курсы дошкольных работников.

С 1934 года через советско-колхозную школу подготовлено и выпущено 117 работников, из них орочей - 48, якутов - 25, юагиров - 5, камчадал - 39 для практической работы в сельсоветах и колхозах.

Учебный план и программа этих курсов были разработаны Далькрайисполкомом и проанализированы впоследствии исследователем Б. И. Мухачевым [6].

В целях поощрения и поддержки студентов и учащихся Дальстрой установил стипендий на 1936 год, исходя из расчета: по подготовительному отделению - 150 рублей в месяц, по 1 и 2 курсам горного, сельскохозяйственного и педагогического отделений - 175 рублей, по 3 курсу педагогического отделения - 200 рублей.

Стипендия выплачивалась всем студентам из числа коренного населения, принятых в техникум по решению приемной комиссии. Остальные зачислялись на стипендию при условии подписания ими обязательства, по которому студенты должны проработать в системе Дальстроя по окончании техникума не менее трех лет.

Были льготы для аборигенов Севера и договорников Дальстроя, в частности по оплате за питание в размере 50 рублей в месяц.

В 1939 г. стипендию студентам уже созданного нового Магаданского горного техникума повысили с учетом качества успеваемости и курсового обучения и выдавали от 380 до 430 рублей [7].

Руководство Дальстроя обращало внимание на квалифицированную марксистско-ленинскую подготовку своих специалистов, уделяя внимание теоретическим знаниям.

Так в ноябре 1937 г. начали работать постоянно действующие 2-х месячные курсы актива ДС по партийно-политической подготовке и переподготовке партийных, комсомольских, пропагандистских, хозяйственных, профсоюзных и советских кадров ДС, УДВКиК и РК СЗП, согласно общему контингенту в 450 чел., проходящих обучение в течение 7 созывов курсов (1 - в 1937 и 6 - в 1938 г.)

Начальник политотдела Дальстроя, полковой комиссар Ю.Г. Гаупштейн 25 января 1938 г. издал приказ № 7 по политотделу, по которому: «В целях улучшения партийно-политической подготовки и переподготовки партийных, комсомольских и профессиональных кадров организовать при политотделе «Дом партийного просвещения», сосредоточив в нем существующие стационарные курсы актива при политотделе Дальстроя, парткабинет и школу партийного просвещения (трехдневника), реорганизовав ее в вечерний комвуз.» [14, Ф. 1. Оп. 2. Д. 107. Л. 4].

Спустя несколько лет, 1 сентября 1943 г. в Магадане начал работу вечерний университет марксизма-ленинизма, организованный согласно постановлению бюро ГК ВКПб от 1 ноября того же года. Обучение велось на двух отделениях: историческом и философском. 17 мая 1944 года состоялся первый выпуск вечернего университета марксизма-ленинизма.

Его окончили 67 человек: по историческому отделению - 42, по философскому - 25. Среди окончивших было 59 коммунистов, 6 комсомольцев и 2 беспартийных; 28 чел. представляли техническую интеллигенцию (инженеры, врачи и т.д.), 22 - партийный актив (среди них - 8 секретарей парторганизаций), 8 - производственный, 6 - комсомольский и 3 - профсоюзный активы [8].

Руководство Дальстроя заботилось о качественном профильном образовании будущих специалистов. 2 августа 1938 года в приказе № 523 по Главному управлению строительства Дальстроя НКВД СССР отмечалось: «Существующая до сих пор система подготовки низовых кадров при Управлениях ДС и лагподразделениях, на которые затрачиваются громадные средства, не давала ощутительных результатов. При Учебном комбинате КВО УСВИТЛ НКВД, кроме курсов, существовал еще индустриальный техникум с обучением первые два года без отрыва от производства и последний год с отрывом от производства. Этот техникум был рассчитан на контингент из заключенных, которые в процессе обучения освобождались из лагеря и бросали учебу...Такая постановка дела подготовки кадров при громадной затрате государственных средств не обеспечивает ни должным количеством и качеством кадров ДС, ни должным соблюдением методов исправительно-трудовой политики». И поэтому начальник ГУСДС НКВД СССР, ст. майор госбезопасности К.А. Павлов приказывал: «1. Учебный комбинат КВО УСВИТЛ НКВД реорганизовать в отдельную командировку

«Центральные профтехкурсы УСВИТЛ» с системой обучения с отрывом от производства и без отрыва от производства за счет тех Управлений, для коих готовятся кадры.

2. Вечерний индустриальный техникум при Учкомбинате расформировать, оставив третий курс дорожного и автотракторного отделения, продолжать учебу до выпуска, т.е. до февраля 1939 г.

3. Остальные группы техникума переключить на курсы повышения квалификации без отрыва от производства со сроком обучения 8-10 месяцев.

4. Вольнонаемный состав учащихся техникума передать в ОНО через отдел кадров ДС для продолжения учебы.

5. Всем управлениям ДС для обеспечения себя кадрами низовой квалификации организовать курсы без отрыва от производства на местах.

6. Для обеспечения потребности ДС такими кадрами, которых на местах подготовить невозможно, организовать при «Центральных профтехкурсах УСВИТЛ» краткосрочные курсы (3-4 месяца) с отрывом от производства и курсы повышенной квалификации с обучением 6-8 месяцев.

7. В лагподразделениях Нагаево, Магаданского района, подготовку кадров с отрывом от производства без отрыва от производства сосредоточить в «Центральных профтехкурсах УСВИТЛ», ликвидировав все существующие до этого при ОЛПах и лагподразделениях Н. Магаданского района курсы, как с отрывом, так и без отрыва от производства. Личный состав этих курсов лагподразделений перечислить на «Центральные профтехкурсы УСВИТЛ».

8. Руководство учебно-методической работой и контроль над постановкой учебной работы сосредоточить в КВО УСВИТЛ НКВД» [1, Ф. Р-23 сч, Оп. 1. Д. 36. Л. 32-33].

В целях обеспечения горных управлений Дальстроя квалифицированными среднетехническими кадрами и вовлечения в социалистическое промышленное строительство местного национального населения зам. Начальника Управления строительства Дальстроя, комбриг А.А. Ходырев издал приказ 28 сентября 1938 года № 742, в котором указывал: «создать горный техникум при Главном управлении строительства Дальстроя с отделениями: а) эксплуатация россыпных месторождений (профиль - горный техник по эксплуатации россыпных месторождений); б) геологоразведочное отделение (профиль - техник-геологоразведчик).

Срок обучения установить 4 года с отрывом от производства ...начало занятий вновь созданного техникума считать с 1.10.1938 года.

Установить набор на первый год обучения контингент в 100 человек (3 группы) и дополнительно создать 4 подготовительные группы горного техникума в количестве 100 человек, комплектуя из местного коренного населения, демобилизованных красноармейцев, ВОХРа и рабочих горных Управлений из числа вольнонаемного состава...

Горный техникум поместить в здании 4-го этажа средней Магаданской школы, где было расположено педучилище и советско-колхозная школа.

Магаданское педучилище и советско-колхозную школу ликвидировать с 1.10.1938 г., учащимся произвести медицинский осмотр на предмет установления состояния здоровья, после чего зачислить на соответствующие отделения горного техникума.

Учащихся 3-го класса педучилища с 1.10.1938 г. передать Магаданской средней школе для прохождения 10-месячных учительских курсов [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 38. Л. 71].

Так новое руководство Дальстроя кардинально меняло систему подготовки профессиональных специалистов на Колыме.

Для обеспечения подготовки квалифицированных кадров в системе ГУСДС было признано необходимым реорганизовать существующую систему подготовки кадров специалистов, согласно приказу № 978 от 15 ноября 1938 г. по Дальстрою: с 1 декабря 1938 г. учащиеся горного техникума по приказу начальника ГУСДС НКВД СССР, ст. майора госбезопасности Павлова стали получать дифференцированную стипендию.

Так на подготовительных и первых курсах техникума, успевающим на «отлично» выплачивали - 420 р., на «хорошо» - 390 р., на «посредственно» - 360 р.

На втором курсе успевающим на «отлично» выплачивали - 430 р., на «хорошо» - 405 р., на «посредственно» - 380 р.

Основная форма подготовки специалистов для Дальстроя все же были краткосрочные профильные курсы, организованные при культурно-воспитательном отделе (КВО) УСВИТЛа - управления Северо-Восточными лагерями НКВД СССР. Но 2 августа 1938 года по ГУСДС - главному управлению строительства Дальнего Севера НКВД СССР был издан приказ № 523, в котором указывалось: «...существовавшая до сих пор система подготовки низовых кадров при Управлениях ДС и лагподразделениях, на которые затрачиваются громадные средства, не давали ощутимых результатов... При Учкомбинате КВО УСВИТЛа НКВД кроме курсов существовал еще индустриальный техникум с обучением первые два года без отрыва от производства и последний год с отрывом от производства. Этот техникум был рассчитан на контингент из заключенных, которые в

процессе обучения освобождались из лагеря и бросали учебу... Такая постановка дела подготовки кадров при громадной затрате государственных средств не обеспечивает ни должным количеством и качеством ДС, ни должным соблюдением методов исправительно-трудовой политики».

И далее старший майор госбезопасности, начальник ГУСДС К.А. Павлов приказывал: «1. Учкомбинат КВО УСВИТЛа реорганизовать в отдельную командировку «Центральные профтехкурсы УСВИТЛа» с системой обучения с отрывом от производства и без отрыва от производства за счет тех Управлений, для коих готовятся кадры. 2. Вечерний индустриальный техникум при Учкомбинате расформировать, оставив третий курс дорожного и автотракторного отделения, продолжать учебу до выпуска, т.е. до февраля 1939 г.» [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 36. Л. 32-33].

Постоянно расширяющееся производство требовало все больше высококвалифицированных специалистов широкого профиля, завозить которых для трудовой деятельности в районах Северо-Востока было достаточно хлопотно – требовалась определенная социальная инфраструктура.

Основная рабочая сила Дальстроя (ГУСДС) – главного управления строительства Севера Дальнего Востока НКВД СССР была представлена заключенными исправительно-трудовых лагерей: Севвостлага и Берлага НКВД в период с 1932 по 1957 годы. Помимо этого, кадры работников Колымы и Чукотки формировались за счет общественных призывов молодежи: 1931, 1938, 1945, 1956 годов, в ходе которых после демобилизации из рядов Вооруженных Сил СССР и по путевкам ЦК ВЛКСМ на Северо-Восток прибывали тысячи, как правило, неквалифицированных работников [10]. Но для них-то средств на обеспечение учреждениями культуры, образования, здравоохранения выделялось недостаточно, на первом месте стояли проблемы горнопромышленного производства.

Тем не менее, Постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1948 г. и приказом начальника Дальстроя МВД СССР от 4 августа 1948 г. № 507 принято решение открыть на базе учебно-курсового комбината Дальстроя Магаданский горный техникум, где бы готовили специалистов четырех профилей: горного, обогатительного, электромеханического и геологоразведочного [2].

Начальник Дальстроя генерал – лейтенант И.Ф. Никишов в своем приказе установил для учащихся техникума «стипендию в зависимости от успеваемости в размере 350-400 рублей для первого курса и до 500 рублей для учащихся второго, третьего и четвертого курсов. Обеспечить учащихся бесплатно общежитием и обмундированием по установленной форме».

В первый год его работы было принято 149 человек, среди которых 17 участников Великой Отечественной войны. Вскоре 17 апреля 1951 года состоялся первый выпуск его студентов, а 4 июня 1951 г. Магаданский горный техникум переименовали в Магаданский горно-геологический техникум [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 251. Л. 40].

В ноябре 1960 года для техникума приступили к строительству нового трехэтажного учебного корпуса. С 1962 года горно-геологический техникум переименован в Магаданский политехникум по сообщению его директора Н.Л. Дегтярева. Но есть и другая дата рождения политехникума – 1957 г. [9].

Этот вопрос требует уточнения.

Дебинское медицинское училище было создано в 1954 г. на базе туберкулезной больницы. Его студентами, кроме выпускников школ, становились бывшие заключенные, имевшие опыт работы в медицинских учреждениях Колымы. С 1969 года училище перевели в Магадан, и это учебное заведение стало Магаданским медицинским училищем областного отдела здравоохранения, которое готовило работников среднего медицинского звена: фельдшер на базе 10 классов, медицинская сестра общего профиля на базе 8 классов.

Первое высшее учебное заведение области, готовившее специалистов непосредственно в Магадане, появилось 6 сентября 1951 года, когда был организован Магаданский учебно-консультативный пункт Всесоюзного заочного политехнического института [1, Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 254. Л. 117]. Его первыми студентами, наряду с выпускниками школ, училищ и техникумов, становились спецпоселенцы и бывшие заключенные Севвостлага.

В путеводителе – справочнике «Магадан» [Магадан. 1989. С. 103] утверждается, без ссылки на документы, что организовали в Магадане У КП Всесоюзного политехнического института в 1947 г. Позже на основании протокола № 12 заседания бюро Магаданского обкома КПСС от 2 июля 1958 г. образовали в Магадане уже филиал ВЗПИ [14, Ф. Р-21. Оп. 5. Д. 142. Л. 72].

В его становлении и развитии немалую роль сыграли областные организации, в том числе сотрудники Северо-Восточного КНИИ Академии наук, ставшие преподавателями Магаданского филиала ВЗПИ с 1961 года. Помимо этой группы специалистов, преподавателями учебных заведений Магадана выступали опытные педагоги, в 30-50-х годах репрессированные и впоследствии реабилитированные, но внесших свой особый вклад в подготовку профессиональных кадров на Колыме и Чукотке.

11 июня 1955 года газета «Магаданская правда» сообщила об организации учебно-консультационного пункта Хабаровского филиала Всесоюзного юридического заочного института. Но

Путеводитель – справочник «Магадан» [Магадан, 1989 г. С. 105] сообщает иную дату организации У КП – 1956 г., что опять-таки требует уточнения.

Деятельность средних профессиональных учебных заведений, созданных после 1955 года, была вызвана необходимостью кадрового пополнения учреждений, предприятий и организаций рожденной в декабре 1953 года молодой Магаданской области.

В связи с массовой амнистией в стране после смерти И.В. Сталина, ареста и расстрела бывшего министра МВД СССР Л.П. Берия основная рабочая сила Дальстроя – заключенные, ссыльные и бывшие заключенные, получившие реабилитацию после XX съезда КПСС, стали покидать Колыму и Чукотку, тем самым создавая дефицит квалифицированных специалистов. Решение проблемы виделось в подготовке необходимых кадров непосредственно на Северо-Востоке.

В 1955 году в Магадане открыли педагогическое училище, где готовили учителей начальных классов. Спустя несколько лет, в сентябре 1961 года на его базе организовали работу первого в области вуза с дневным и заочным обучением - Магаданского государственного педагогического института.

Большая часть первых студентов МГПИ были вчерашние производственники, демобилизованные солдаты, выпускники профтехучилищ и педагогических училищ и техникумов. Среди них немало было детей репрессированных и позже реабилитированных дальстроевцев.

Молодым преподавателям вуза и его первому ректору Г.Ф. Севильгаеву, опытному руководителю органов образования на Дальнем Востоке, вскоре защитившим степень кандидата педагогических наук и ставшим впоследствии первым доктором педагогических наук в Дальневосточном регионе, приходилось учитывать контингент студентов, а главное организовывать учебно-воспитательный процесс в условиях начавшегося «хрущевского ренессанса», когда вся страна ожидала перемен и восстановления «ленинских норм партийной жизни и конституционных основ».

Эта особенность влияла на деятельность всех учебных заведений Магадана.

17 декабря 1955 года в областном центре организовали строительную школу № 22 от Хабаровского управления профтехобразования, которое в 1958 была преобразована в строительное училище № 9. Но лишь в 1977 году в связи с организацией областного управления профтехобразования оно было переименовано в среднее профессионально-техническое училище № 1 г. Магадана.

Так заканчивался период подготовки профессиональных работников Дальстроя ОГПУ - НКВД СССР, деятельность которого завершилась в 1957 году.

УДК 9.820

Смирнов Юрий Федорович

аспирант кафедры истории России
Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого
yurasmirnov2006@gmail.com

СВОДКИ ОГПУ 1920-Х ГГ. ПО ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ

Изучена информативность сводок ОГПУ как источника изучения истории тульского пролетариата в 1920-е гг. Рассмотрены отдельные сферы жизнедеятельности социального слоя: борьба за улучшение материального положения, отношение к труду, восприятие политических событий. Дана краткая характеристика источника.

Ключевые слова: тульские рабочие, сводки ОГПУ о политико-экономическом положении, отношение к труду, восприятие политических событий.

Важнейшим источником для изучения тульских рабочих с точки зрения социально-формирующих показателей этого социального слоя служат информационные сводки ОГПУ о политико-экономическом положении Тульской губернии. Значимость этого источника заключается в том, что он позволяет исследовать социальный состав рабочих и пути формирования рабочего класса, степень связи с сельским хозяйством отдельных его групп, условия жизни и труда, мотивацию к труду и его стимулирование, отношение различных групп рабочих к власти, внутригосударственным и внешнеполитическим событиям.

Способы сбора информации. Информационные сводки ОГПУ о политико-экономическом состоянии Тульской губернии выходили под грифом «Сов. секретно» с 1921 г. и имели форму еженедельных докладов. Внутренняя структура и объем материала не были однотипными на протяжении 1920-х гг. Происходило постепенное увеличение частей сводок и их объема, изменялась структура и тематика.

Основные задачи Тульского губернского отделения ГПУ заключались в информировании высшего партийно-хозяйственного руководства о настроениях населения и были зафиксированы в докладе о работе Губполитуправления от 12 марта 1922 г. Первостепенное внимание в работе этого органа уделялось выявлению и освещению деятельности лиц, политических группировок и партий, настроенных враждебно к Советской власти. При сборе информации первоочередное вни-

Smirnov Yuri Fedorovich

Postgraduate Student of the Department of History of
Russia, Tula State Pedagogical
University named after L.N. Tolstoy
yurasmirnov2006@gmail.com

SUMMARIES OF THE UNIFIED STATE POLITICAL DEPARTMENT IN THE 1920-S IN THE PROVINCE OF TULA AS A SOURCE FOR STUDYING WORKERS' STATE

The informational capability of the Unified State Political Department (OGPU) reports as a source for studying the history of the Tula proletariat during the 1920s has been analysed. Separate spheres of social class i.e. struggle for improving financial status, attitude to work, perception of political events have been considered. A brief description of the source has been given.

Key words: Tula workers, Unified State Political Department reports on political and economic situation, attitude towards work, perception of political events.

мание уделялось данным о проявлении всякого рода недовольства, отрицательном отношении к Советской власти, ВКП(б), администрации и пр.

Практическое исполнение всех работ возлагалось на секретно-оперативную часть с соответствующими отделениями при помощи осведомительной сети, наружной и внутренней агентуры. Наиболее значимое место занимало информационно-агентурное отделение, в котором аккумулировались все собранные материалы [1, л. 19].

В осведомительную сеть ОГПУ обязательно включались члены ВКП(б), беспартийные и высококвалифицированные рабочие, а также лица, состоящие в различных группах, объединениях и т.д. В результате этого достигалась организация параллельной сети, при которой информация предоставлялась из разных социальных слоев.

Подобная система сбора информации дает возможность получить срез настроений населения г. Тулы, чего не могут дать другие источники. Тем более важны сводки ОГПУ, которые собирались непрерывно на протяжении всех 1920-х гг. Это предоставляет возможность исследователю изучать поставленные вопросы на длительном временном отрезке. Вместе с тем задача фиксации только проявлений недовольства является недостатком этого источника, поскольку сводки не в состоянии показать всю гамму жизни людей.

Рабочие в сводках ОГПУ. Материалы о рабочих занимают в информсводках главное место и по структурному положению, и по

объему материала. Информация о рабочих сгруппирована в разделы, посвященные отдельным предприятиям, причем данные о них распределены в последовательности, зависящей от размеров предприятия и его значения для губернии и страны или в зависимости от значимости произошедшего события. Например, объем сведений о рабочих оружейного и патронного заводов – самый большой среди всех промышленных предприятий, и именно с них начинаются практически все сводки, а затем уже анализируются рабочие других предприятий. Это и неудивительно, так как оружейники по своей численности в несколько раз превосходили иные группы тульского пролетариата и от стабильной работы оружейных заводов зависела стабильность ситуации в г. Туле в целом.

В информсводках рабочие Тулы и Тульской губернии классифицированы по нескольким показателям: профессиональной принадлежности (металлисты, горнорабочие, печатники и т.д.); размерам промышленных предприятий (фабрично-заводские рабочие и кустари). Кроме того, на основе анализа сводок можно выделить и иные подгруппы этого социального слоя. Документы отмечают социальное происхождение рабочих (потомственные рабочие или выходцы из других социальных слоев), территориальные особенности локализации этого социального слоя (рабочие города или сельской местности), квалификационные показатели (квалифицированные или низкого разряда).

Содержащиеся в сводках данные говорят о том, что рабочие не были единой общностью, а данный социальный слой формировался из множества подгрупп, каждая из которых имела свои особенности. При этом одна группа могла вбирать в себя качества другой (к примеру, крестьяне могли работать на оружейном заводе в Туле, а жители Тулы быть кустарями и т.д.). Наличие подобной информации дает исследователю большие возможности для анализа структуры этого социального слоя. Стоит отметить, что составители сводок прекрасно осознавали неоднородность рабочих и именно с этих позиций подходили к наблюдению за ним.

Для более четкого представления о тех материалах по истории рабочих, которые содержатся в информационных сводках ОГПУ, необходимо более подробно рассмотреть некоторые из них. Большой объем информации в сводках посвящен материальному положению рабочих и способам борьбы за его улучшение, отношению к труду и восприятию происходящих событий.

Борьба за улучшение материального положения. Поскольку агентурная сеть ОГПУ в первую очередь фиксировала проявления

недовольства, информсводки содержат богатый материал о формах борьбы рабочих за увеличение заработной платы и улучшение условий труда. Негативные настроения рабочих принимали несколько форм: недовольство – обсуждение злободневных проблем без остановки работ; брожение – созыв собрания в отдельном цехе или мастерской, на котором высказывались претензии администрации предприятия или руководству профсоюза; «итальянка» – выполнение своих обязанностей в полсилы, намеренное невыполнение норм выработки; забастовка – остановка работ на определенный срок с выдвижением требований [2, с. 75]. При этом по сводкам можно проследить процесс развития конфликта, его перетекания из одной стадии в другую, поведение сторон конфликта, попытки его решения.

Основной причиной недовольств были низкие расценки и высокие нормы выработки. Недовольство рабочих набирало силу в разговорах и могло остановиться на этапе подачи коллективных жалоб или прошений в вышестоящие инстанции. Однако имели место и забастовки, которые чаще принимали форму ограниченной, временной приостановки работ: «14-го мая с/г рабочие Токарного цеха Самоварной ф-ки Патронного Завода в количестве 65 человек прекратили работу с 6 до 9 часов утра. Причиной послужило повышение норм выработки и понижение заработка против старого колдоговора... Понижение заработка отмечается и по другим цехам фабрики. В связи с этим рабочими всех цехов 16 апреля с/г было подано заявление в РКК о пересмотре расценок...» [3, л. 3].

Необходимо отметить, что и рабочие, и администрация предприятий не шли на обострение конфликта, а стремились поскорее его уладить. Хотя администрация предприятий и понимала, что рабочие, решавшиеся на проведение забастовки, попадали в сложную ситуацию, поскольку их требования могли быть заматы в вышестоящих инстанциях, а сами они могли быть уволены, что при существовавшем уровне безработицы обрекало их на голод. Это способствовало тому, что бурных недовольств, подобных тем, что возникали на оружейных предприятиях г. Тулы в 1918-1921 гг., на протяжении 1920-х гг. сводки не зафиксировали: «На Патронном Заводе рабочие Токарного цеха Механической № 1 мастерской в количестве 15 (всего 437. – Ю.С.) человек 30-го июня бросили работу на почве недовольства зарплатой за этот месяц. Забастовка продолжалась 1,5 часа, и после договоренности с администрацией и Завкомом о немедленном разборе этого конфликта рабочие снова приступили к работе» [4, л. 247].

Чаще всего забастовочная волна на оружейных предприятиях проявлялась в моменты перезаключения коллективных договоров. При этом рабочие, особенно низкооплачиваемые, в преддверии нового коллективного договора без всяких оснований считали, что увеличение заработной платы – дело уже решенное. Поэтому после его введения происходило массовое разочарование новыми ставками, что вело к недовольству: «На почве недовольства новыми расценками имели место частичные забастовки: 5-го января с/г. бастовало 55 человек рабочих Токарного цеха Механической № 1 мастерской, 6-го января бастовали в течение 3-х часов 40 человек литейщиков Литейной мастерской, которые предъявили требования о повышении расценок. Конфликты были быстро улажены путем предложения рабочим подать соответствующее заявление в РКК» [5, л. 1]. Недовольство гасилось стандартными методами – предложением подачи заявления в вышестоящие инстанции – Рабоче-крестьянскую инспекцию, профсоюзный комитет. При этом на руку администрации играло то, что рабочие даже отдельного предприятия были разделены квалификационными разрядами тарифной сетки оплаты труда, с существенной разницей в заработной плате. Поэтому высококвалифицированные рабочие, хотя и проявляли недовольство, все же предпочитали сотрудничать с администрацией предприятия, а не идти на эскалацию конфликта, поддерживая низкоразрядников.

Стоит отметить, что хозяйственные органы администрации заводов занимали по отношению к забастовщикам более жесткую позицию, стремясь замять требования рабочих, в противоположность этому профсоюзы чаще становились на сторону рабочих, решая конфликт в их пользу.

Отношение к труду. В информсводках ОГПУ зафиксирована информация, раскрывающая отношение рабочих к труду. Задача выявления мотивации перед осведомителями не ставилась, поэтому этот вид информации в сводках является как бы сопутствующим при передаче информации иного рода, например в материалах, описывающих различные ситуации и события, которые происходили на предприятиях.

В силу особенностей источника по сводкам невозможно изучить реальный уровень производительности труда и отношение рабочих к своему труду, для этого необходим статистический материал, однако они позволяют увидеть конкретные формы негативных проявлений и мотивы их совершения.

Основное внимание в 1920-е гг. при ре-

гулировании дисциплины труда на предприятиях уделялось прогулам, которые считались одной из главных причин недостаточной производительности труда. Прогулы на предприятиях в 1920-е гг. имели закономерности, обусловленные существовавшей традицией широкого отмечания церковных праздников в даты по старому стилю, чем в первую очередь грешили рабочие с наделом, отправляясь на несколько дней на праздник к себе домой в деревню: «По обоим воензаводам после пасхальных праздников отмечен сравнительно высокий процент прогулов рабочих. На Патронном Заводе, где работает в общей сложности 5800 человек, 26-го апреля не вышло на работу 589 человек, или 10,1% и 27-го апреля 245 человек, или 4,22%. По некоторым мастерским прогулы за 26 апреля имели колебания от 14 до 30% (1-я Механическая, Ящичная, Прокатная, Центральная Кузня, Строительный Отдел и др.)» [6, л. 545]. Однако на эти сформированные традицией прогулы администрация предприятий часто предпочитала закрывать глаза. Администрация заводов часто шла на уступки, переносила выходные дни на даты церковных праздников по старому стилю. Однако на протяжении всех 1920-х гг. эта традиция празднования по-старому продолжала жить в сознании рабочих.

Отношение рабочих к труду могло быть вызвано финансовым положением на конкретном предприятии. К примеру, удручающее экономическое положение Подмосквового каменноугольного бассейна, где многие шахты подолгу простаивали, низкая оплата труда, отсутствие стимулов к труду создавало нервное настроение у рабочих и способствовало падению трудовой дисциплины и производительности труда. «На шахте № 32 (Оболенские рудники) отмечается падение производительности труда. Прогулы за одну смену стали повсеместным явлением, участились также случаи невыхода на работу в течение 2-х и больше смен. Во время праздничных дней многие рабочие вырабатывают только по 2-3 вагончика угля и уходят домой... на предупреждение администрации, что не являющиеся на работу будут увольняться, рабочие смотрят скептически и не обращают внимания... рабочие механической сортировки в помещении сортировки курят и поэтому не исключена возможность пожара. На запрещение администрации курить в помещении сортировки рабочие не обращают никакого внимания» [7, л. 202].

Сводки отражают и отношение рабочих к стимулированию мотивации к труду со стороны администрации, проявлявшееся в периоды проведения массовых кампаний. «От-

носителю поднятия производительности труда рабочие говорят: "Пусть работает и поднимает производительность администрация, они умеют получать большое жалование и хорошо жить, мы рабочие больше не можем поднять производительность, спасибо и так, нормы у нас хороши, что никак не разогнешь спины" (Суждения рабочих Литейной и Пачечной мастерских Патронного Завода)... Характерная картина наблюдалась на Пленуме Райкома Metallистов, бывшего 1-го апреля в помещении клуба Патронного Завода по вопросу о производительности труда. Многие выступавшие в прениях требовали немедленного повышения зарплаты» [8, л. 67].

Восприятие политических событий. Сводки содержат пласт данных, в которых отражено отношение тульского пролетариата к международным и внутригосударственным событиям. Рабочие обсуждали международные отношения и политические события в стране, по-своему толкуя их и делая выводы о возможных изменениях в их собственной жизни. При этом суждения рабочих полны предсудков, стереотипов и заблуждений: «Широкое внимание привлекает вопрос о готовности СССР произвести частичную компенсацию мелких французских держателей старых ценных бумаг. Это вызывает почти всеобщее толкование, что наши дела стали хуже, если мы согласны на уплату старых долгов» [9, л. 432].

Интересны суждения рабочих о внутрипартийной борьбе в 1920-е гг. Рабочие черпали информацию исключительно из официальных источников (печать, сообщения на разного рода собраниях и т.д.). Введенное официально слово «оппозиция» привлекала рабочих, хотя они не имели четкого представления, что это за оппозиция, каковы ее взгляды, кто ее представители. Данные информационной сети отмечают разнохарактерные отзывы и суждения по этому поводу, часто без определенного выявления отношения к ней: «Часть рабочих Патронного Завода оппозицию осуждает: она ведет к расколу партии и это вызовет падение Сов. Власти. Другая часть считает необходимым допустить высказывания представителей оппозиции. Низкорядники... ругают и большинство ЦК, и оппозицию, усматривая в разногласиях ухудшение своего положения... "Не поделили власть, надо бы больше работать, а не болтать... Мы, рабочие, видим только одну сторону ЦК, а сторону оппозиции почему-то не освещают, желательно было бы заслушать представителей оппозиции... В оппозиции старые большевики, они лучше знают нас, поэтому их мнение верно. Они стоят за то, чтобы рабочим жилось лучше, чтобы как можно скорее задавить НЭП в деревне и кулаков" (инстру-

ментальная № 2 Оружзавода)» [10, л. 81]. В этой выдержке суждения нескольких слоев рабочих. Квалифицированные, в целом удовлетворенные своим материальным положением, были против потенциального изменения сложившейся ситуации и поэтому выступали против оппозиции. В противоположность им низкооплачиваемые рабочие были за оппозицию, придавая ей, в своих представлениях, образ защитников обездоленных.

К этому блоку информации примыкают данные о слухах, имевшие широкое распространение среди рабочих. Любое внешнеполитическое событие с участием СССР, способствовавшее возникновению международной напряженности, или проявление, по мнению рабочих, нестабильности внутри страны непременно выливалось в слухи. Широкое хождение имели слухи о приближающейся войне, которые служили для рабочих, наученных горьким опытом, сигналом к ускоренной закупке продуктов первой необходимости. «Злободневный характер на обоих заводах приняли слухи о войне с Польшей, которые циркулируют среди всей рабочей массы. "Пилсудский идет войной на Россию"... "Война с Польшей неминуема, Пилсудский уже готовит войска"... "В деревнях уже берут лошадей для Красной армии"» [11, л. 188].

По характеру содержащейся информации можно выделить два вида слухов, зафиксированных информсводками. Во-первых, это слухи, приобретающие форму мечты, отражавшие надежды и стремления того социального слоя, в котором они возникали, и, во-вторых, слухи-страхи, отражавшие тревоги этой социальной общности. Широкое распространение слухов среди рабочих говорит о существующей напряженности, неудовлетворенности стремлений социального слоя в целом и отдельных его представителей в частности. «Ввиду недостатка в гор. Туле простого мыла в некоторых мастерских появились слухи, что в скором времени предстоит война и в связи с этим недостаток товаров широкого потребления. В Штыковой мастерской Оружзавода некоторые рабочие высказывают мнение, что "надо запастись солью, т. к. скоро ее не будет". Местами слухи о войне вызваны приказом, о переучете всех военнообязанных. Имеются такие разговоры: "дело у нас обстоит наверно неважно, когда у нас начинают готовиться к учету военнообязанных, скоро очевидно начнется война" (Материально-заготовительный Отдел Патронного Завода)» [12, л. 14]. Интересно заметить, что по сводкам ОГПУ, в сознании рабочих еще нет четкого представления о внешнем враге, по-видимому, его образ в 1920-е гг. только начинает входить в сознание людей.

Изучение материалов о рабочих, со-

державшихся в информационных сводках Тульского губернского отдела ОГПУ, показало, что в них нашли отражение разные стороны жизни рабочих. Судя по сводкам, главным для рабочих была борьба за улучшение материального положения. Неравенство в оплате труда между квалификационными разрядами создавало напряженность в отношениях между рабочими с разными размерами зарплат. Важно отметить, что составители информсводок не считали рабочих однородной социальной группой. В материалах рабочие распределялись по различным признакам,

что, на наш взгляд, отражало реальную ситуацию внутри этого социального слоя. Тульский пролетариат формировался преимущественно за счет выходцев из потомственных рабочих и крестьян. Он делился на группы по различным показателям: квалификация, возраст и т.д. Такая разобщенность определяла отличающиеся интересы и стремления разных категорий рабочих. Анализ информсводок ОГПУ показал, что в 1920-е гг. рабочий класс как единая социальная общность был во многом воображаемой конструкцией, формируемой большевистскими властями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 514.
2. *Борисова Л.В.* Информационные сводки Московского губернского политотдела ГПУ как исторический источник // Вестник архивиста. 2011. №2. Интересно отметить, что формы борьбы рабочих за улучшение своего материального положения в 1920-е гг., по материалам сводок ОГПУ Московской и Тульской губерний, практически идентичны.
3. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 634.
4. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 266.
5. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 264.
6. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 633.
7. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 266.
8. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 266.
9. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 635.
10. Там же. Л. 81.
11. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 267.
12. ГАТО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 633.

КОНТРОЛЬ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ В 1919–1923 ГОДАХ

Исследование феномена системы политического контроля советской власти над населением РСФСР за последние десять-пятнадцать лет в отечественной исторической науке прошло путь от обобщающих фундаментальных трудов до региональных изысканий. В настоящей статье рассматриваются вопросы складывания и функционирования системы политического контроля на территории Западного Урала в конце Гражданской войны и первые годы нэпа.

Октябрьский переворот 1917 г. положил начало процессу становления советской государственности. Взяв власть в свои руки, большевики ставили первоочередную цель – удержать ее любыми средствами. Оппозиционные партии либерального и консервативного направлений, ряд общественных организаций старого режима В. И. Ленин и его соратники отнесли к контрреволюционным единицам. Позднее, оценивая события этого периода, один из руководителей ВЧК М. Я. Лацис писал: «Вся эта братия составляет из себя контрреволюционеров прямых, то есть таких, которые знают, на что идут и почему идут... Они решили изначально устроить контрреволюцию, то есть свержение достигнутого революцией. На этом сошлись все: и юнкера, и офицеры, и прежние чиновники, и фабриканты, и купцы, и кулаки и попы, и отчасти гимназисты и студенты» [1. С. 14–15.]. Кроме того, Лацис указывал на существование еще одной группы контрреволюционеров – «контрреволюционеры по недомыслию». Сюда он определил существующие в России социалистические партии, которые, как считали большевики, шли на соглашение с врагом рабочего класса – буржуазией. Речь шла об эсерах, меньшевиках и анархистах.

Таким образом, стремление удержать захваченную власть любыми средствами требовало от руководства РКП(б) формирования специальных структур для политического контроля. Такая организация, названная Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК), была создана 7 (20) декабря 1917 г. Постепенно ВЧК становилась легальным органом внесудебной расправы с политической оппозицией.

В марте 1918 г. на территории РСФСР уже функционировало 38 губернских и 75 уездных чрезвычайных комиссий [2. С. 44]. В это же время формируются губернские и уездные ЧК на территории Урала, 15 марта 1918 г. образовалась Пермская ГубЧК.

В Пермском крае процесс становления советской власти занял достаточно продолжительный период. 1918 г. прошел в общем для РСФСР в контексте утверждения институтов новой власти в уездах и волостях. В декабре 1918 г. территория Пермского края оказалась под контролем колчаковцев. Однако весьма скоро, после их отступления в июле 1919 г., процесс становления советской власти в регионе продолжился.

В период «военного коммунизма» местным органам госбезопасности политическое руководство РСФСР вменило в обязанность формирование системы политического контроля. Под политическим контролем, вслед за одним из первых его исследователей В. С. Измозиком, мы будем понимать систему регулярного сбора информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении его различных слоев к действиям властей, о поведении и намерении экстремистских и антиправительственных групп [3. С. 157].

Кроме местных подразделений ВЧК, в системе политического контроля были задействованы парткомитеты РКП(б) и органы советской власти. Еще в период с июня по декабрь 1918 г. ВЧК в серии приказов и инструкций местным ЧК обязала последних выстроить систему негласного наблюдения за всеми категориями населения начиная с губернского уровня и кончая уездом и волостью. Это свидетельствовало о том, что государственная и региональная власти остро нуждались в информации о бытующих настроениях представленных в советском обществе социальных групп, специфике деятельности на территории губернии социалистических партий. В недрах ГубЧК и УездЧК начал формироваться аппарат осведомления. К слежке и доносам привлекались члены местных партакеев РКП(б), а также и «сознательные» беспартийные граждане. Один из заместителей

председателя ВЧК М. Я. Лацис в воззваниях к населению России писал, что «каждый гражданин должен быть и красноармейцем и сотрудником Чрезвычайной Комиссии». «Мы должны знать каждого бывшего царского сановника, генерала, жандарма и полицейского, каждого помещика, фабриканта, банкира и духовника... Мы должны знать, чем заняты они, эти люди из другого мира», – продолжал в одном из своих циркуляров Лацис [4. С. 279].

Система поставки секретной информации работала по следующей схеме: уездные комиссии и волостные комиссары собирали информацию (в форме устных доносов, заявлений, писем) по своей территории и направляли ее в ГубЧК еженедельно в виде докладных записок и отчетов. В секретно-оперативном отделе ГубЧК эта информация систематизировалась и в виде обзорных докладов о политическом состоянии губернии ежемесячно направлялась в Президиум ВЧК.

В структуре Пермской губернской чрезвычайной комиссии со второй половины 1919 г. также функционировал секретно-оперативный отдел. Сюда из уездов стекалась в виде сводок, отчетов, докладов и просто доносов так называемая «информация государственной важности». Последняя систематизировалась и представлялась в виде информационных бюллетеней, сводок под грифом «А», сводок под грифом «В», «обзора деятельности ЧК за полугодие по Пермской губернии».

В информационных бюллетенях содержались сводки о политическом состоянии губернии, как правило, за истекшие 3–7 дней. Они включали в себя группы вопросов с формулировками: «Шпионаж», «Белогвардейские организации», «Деятельность левых эсеров и анархистов», «Деятельность правых партий», «Антисемитизм и национальная рознь», «Деятельность духовенства», «Волнения и восстания», «Фабрично-заводская жизнь», «Настроенные губернии» и другие ¹.

Объем информационных бюллетеней не превышал 2–3 страниц машинописного текста. Особенностью такого рода бюллетеней являлась их многоплановость, что нередко вело к неконкретности. Информация, содержащаяся здесь, носила локальный характер и имела малосодержательную основу. Как единица политинформации бюллетень не представлял собой источник, раскрывающий положение дел даже на уровне какого-либо уезда. Вполне вероятно, что бюллетень выполнял функцию социологического среза и являлся ячейкой комплектования сводок «А», «В» и отчетов за полугодие.

В сводке «А» содержался отчет о политическом состоянии губернии за истекшие полмеся-

ца, месяц и полугодие. Здесь освещались вопросы, касающиеся настроения определенных социальных групп: советских служащих, рабочих, крестьян, обывательских масс, партий, духовенства, а также сведения о восстаниях и проявлениях антисемитизма ². Кроме того, ставились вопросы о дезертирстве, настроении красноармейцев, о состоянии транспорта, социального обеспечения, продовольственном положении и т. д. Объем сводки «А», как правило, составлял от 8–9 до 30 страниц машинописного текста. Содержание сводки имело предметный характер, отражало особенности социальной, национальной, экономической политики большевиков в пределах губернии. Здесь преимущественно давалась подробная характеристика материального и духовного состояния всех представленных в губернии социальных групп населения, анализировались причины недовольства советской властью в среде рабочих. В отличие от бюллетеня, информация, содержащаяся в этих сводках, позволяла властям всецело представить политическое состояние губернии, обратить внимание на конкретные уезды и принять меры к ликвидации выявленных недостатков. В конце сводок обыкновенно делалось заключение с формулировкой «положение губернии, в общем, все-таки удовлетворительное». Утверждалась сводка «А» председателем ГубЧК.

В сводке «В» была представлена информация о деятельности ГубЧК за прошедший месяц. Текст сводки не делился, как предыдущие, на пункты. Это был краткий обзор-отчет, с большим количеством статистических данных: сведения о количестве арестов неблагонадежных граждан (представителей духовенства, правых и левых партий, и т. д.); сведения о количестве возбужденных, находящихся в производстве, оконченных и переданных в суд дел; о количестве приговоренных в концлагерь и на общественные работы. Объем сводки «В» не превышал пяти страниц ³.

Интерес представляет перечень секций ГубЧК, занимающихся политическими делами: секция по борьбе с правыми партиями и духовенством, секция по борьбе с левыми социалистическими партиями, секция по борьбе с преступлениями по должности. В отчетных шаблонах по секциям содержалась информация и о мерах, применяемых ГубЧК по отношению к неблагонадежным гражданам. Наиболее часто применялось негласное наблюдение, постановка на спецучет, общественные работы. Велся также учет лиц, приговоренных к заключению в концлагерь.

¹ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 52. Л. 52–53.

² Там же. Л. 6 – 9 об.

³ Там же. Л. 79–81.

Таким образом, в эпоху «военного коммунизма» на территории Западного Урала усилиями Пермской ГубЧК формировалась система политического контроля. В это переломное для страны время пермские чекисты создавали сети осведомления, совершенствовали мастерство перлюстрации и ведения секретной документации.

В феврале 1922 г. органы госбезопасности были реформированы, ВЧК и ее местные подразделения реорганизованы в новую структуру – ГПУ и его губернские отделы. Задачи, стоящие перед пермским губотделом ГПУ, не изменились – борьба со всяческим проявлением инакомыслия в социальной среде, слежка за представителями нелегальных политических партий и репрессии в отношении нелояльных к советской власти граждан. Однако старые «чекистские меры» (внезапные налеты на «буржуев», несанкционированные аресты, высылка за пределы губернии, скорая революционная расправа, расстрелы) в новую эпоху уже не годились, да и запрещались руководством ГПУ. Это требовало радикальной перестройки всей системы политического контроля. Примечательно, что еще в циркулярном письме от 25 апреля 1922 г. начальник СО ГПУ Самсонов разъяснял своим коллегам в регионах новую диспозицию: «Проблемы осведомления в период ВЧК обычно восполнялись оперативными мероприятиями. Нынешнее положение, наоборот, значительно суживает свободу действий органов ГПУ в области оперативных мероприятий и мер пресечения, что также дает противнику соответствующую выгоду. Отсюда вытекает необходимость всемерного содействия органам ГПУ в их ответственной работе членами нашей партии, которые должны помочь нам в агентурно-осведомительской работе» [5. С. 24].

Приказом ГПУ № 291 от 14 ноября 1922 г. официально вводится в профессиональный оборот классификация секретных сотрудников. До этого времени под осведомителями понимались любые граждане, поставлявшие на добровольных началах чекистам информацию государственной важности. Теперь «осведомителем» могло именоваться лицо, завербованное или введенное в антисоветскую, шпионскую, контрреволюционную или преступную организацию, для их освещения и добывания сведений о них [6. С. 27].

В пермском губотделе ГПУ работа с аппаратом осведомителей базировалась на отработанных чекистских принципах. На учете в Секретном отделении состояли социалисты-революционеры (правые, левые, Центра, максималисты), меньшевики, анархисты, «свои люди» – исключенные из РКП(б), кадеты, представители религиозных культов и сектанты, а также профессура Пермского государственного

университета. На октябрь 1923 г. только по Пермскому окротделу было выявлено 11 меньшевиков, причем 4 из них являлись завербованными осведомителями Секретного отделения ГПУ; эсеров выявлено 25 человек ⁴.

В докладах уполномоченных обнаруживается упоминание о привлечении к выявлению политически неблагонадежных граждан такой институт, как Бюро содействия, или БС. Бюро содействия – это продукт эпохи нэпа. Эта новая структура, целью создания которой являлось соединение усилий местных органов ГПУ в деле организации системы осведомления. Идея создания подобного органа принадлежит Секретариату ЦК РКП(б) во главе с В. М. Молотовым. Телеграмма Секретариата ушла в губернии еще 22 марта, а 25 апреля 1922 г. в циркулярном письме № 21 СО ГПУ за подписью его начальника Самсонова «Об организации бюро содействия органам ГПУ на местах» губотделам ГПУ предписывалось создавать подобные организации в «каждом государственном, общественном, кооперативном и частном учреждении или предприятии, а также в вузе и там, где это представляется возможным наличием коммунистов» [5. С. 25]. Суть идеи заключалась в следующем. Среди коллектива трудящихся того или иного советского учреждения выделялось три ответственных коммуниста (БС), в задачи которых входило: а) систематический сбор сведений о всякого рода явлениях антисоветского характера; б) выявление контрреволюционного элемента как в данном учреждении или предприятии, так и вне него; в) изучение личного состава всех работников данного учреждения «в смысле их политической благонадежности», их партийной принадлежности и распределения их по отделам; г) взятие на учет выявленных членов антисоветских партий и «прочего контрреволюционного элемента», заполняя на каждое лицо специальную секретную анкету (форма анкеты прилагалась). Кроме того, члены бюро были призваны выполнять «специальные» задания ГПУ, в том числе содействовать поступлению на службу секретных сотрудников органов ГПУ и участвовать в спецоперациях, проводимых губотделами ГПУ. Один из членов Бюро являлся «связником».

В Пермском крае агентурной работой с БС занималось упомянутое нами секретное отделение СОЧ Губотдела ГПУ. Работой со связными БС занимался специально выделенный уполномоченный с двумя помощниками. Уполномоченный СО обрабатывал все поступающие сведения, материалы, анкеты «связных» и далее передавал госинформацию через начальника СО губотдела ГПУ уполномоченным по политическим партиям по принадлежности (анархи-

⁴ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 32. Л. 73 об.

стов, меньшевиков, правых эсеров, правых партий, левых эсеров и др.). Был внедрен и принцип обратной связи: уполномоченный по работе с Бюро содействия принимал от уполномоченных по политическим партиям пакет разного рода заданий, передавая последний адресату – Бюро содействия данного учреждения.

Примеры деятельности Бюро содействия в Пермском крае можно обнаружить в докладах о политическом и экономическом положении губернии, личных письмах к полномочному представителю ГПУ по Уралу руководителей Пермского отдела ГПУ. В указанных документах только за 1923 г. содержатся формулировки о ведении «разработок» в среде пермского отделения Всероссийской ассоциации инженеров. «Работой губотдела ГПУ выявлено 28 человек инженеров с антисоветскими взглядами и установлены их краткие биографии», – писал в июле руководитель Пермского ГПУ В. В. Винокуров⁵. Нет никакого сомнения, что БС функционировало и в Пермском государственном университете. Имеющиеся в ПГУ кружки – общество естествоиспытателей, общество по изучению Северного края, общество по изучению философско-социальных наук, комиссия по улучшению быта ученых – были признаны антисоветскими организациями, в деятельности которых «нередко проглядывают совершенно чуждые науке цели». Винокуров пишет далее: «Еще в январе сего года мы не имели широкой возможности проникновения в их сферу деятельности, в настоящее же время у нас имеются характеристики всех членов этих обществ, которые взяты на учет и подвергнуты изучению их политической физиономии. На учете состоит 150 человек, из них 35 профессоров... Работа наша здесь ведется через специальное осведомление, информаторов, Бюро содействия и осведомителей из среды профессуры и студенчества»⁶. Кстати, в 1923 г. «выявленных кадетов» в ПГУ – 6 человек и «заподозренных» – 46.

Доклады, личные письма руководителей Пермского окротдела ГПУ свидетельствуют о методичной расправе большевиков со своими политическими противниками – социалистами. Негласное наблюдение, внедрение осведомителей в учреждения и предприятия губернии, перлюстрация – все это помогало пермским чекистам выявлять членов ПСР и меньшевиков, арестовывать их и направлять в концлагеря. В 1923 г. партия эсеров «самоликвидировалась» как политическая структура. Еще раньше, не без содействия уральских чекистов, прекратили свое существование уральские эсеры.

Та же участь постигла и меньшевиков. В ноябре 1922 г. их численность в Пермской губер-

нии сократилась до 198 человек [7. С. 81]. Речь идет уже не об организациях, группках, а об одиночках, верных своим идеям. Опасаясь ГПУ, они почти прекратили свою деятельность. В июле 1923 г. В. В. Винокуров в личном письме к полномочному представителю ГПУ по Уралу Морозу докладывал о политическом состоянии дел в Прикамье. Выявленных меньшевиков по губернии оказалось 77 человек, заподозренных в сочувствии им – 113 человек. Имелись данные и по эсерам: правых эсеров – 42 человека, левых – 16, максималистов-эсеров – 22, эсеры «Центра» – 16, и 1 эсеро-меньшевик, всего 97 человек. В. В. Винокуров подчеркивал, что во все имеющиеся группы меньшевиков и эсеров «влито внутренне осведомление» (т. е. агенты ГПУ входили в контакт с ними, и писали доносы обо всем происходящем)⁷.

Кроме розыска политических противников, уполномоченные ГПУ через бюро содействия и осведомителей выявляли и другие организации антисоветского толка. Так, летом 1923 г. «дружное и прочное осведомление» было установлено за действующими в Перми «Вольнопожарной дружиной» (50 человек), спортивным обществом «Олимпия» (Мотовилихинский завод – 57 человек), обществами «Голубой бант» (Сарапул, рыбный техникум, студенты), «Алая Роза» и «Союз Трепачей».

Письмо начальника Пермского ГПУ В. В. Винокурова свидетельствует также о попытке уполномоченных внедрить своих «людей» в действовавшие в Прикамье религиозные секты – «скопцов», «хлыстовцев», «красноверов», «истинно-странствующих христиан»⁸. В это же время уполномоченные ГПУ пристально вели оперативную разработку и по представителям православного духовенства. За так называемыми «тихоновцами» было установлено негласное наблюдение, а 10 самых активных священнослужителей поставлены на учет.

Подведем итоги. В 1919–1923 гг. на территории Пермского края развернулся процесс формирования системы политического контроля. Ключевое место в этом процессе занимала деятельность региональных органов госбезопасности. Этот вывод находит подтверждение в следующем:

– наличие органов, выполняющих функцию политического контроля, а именно: Особый, Секретно-оперативный отделы ГубЧК, уполномоченные уездЧК и политбюро; Секретная часть губотдела ГПУ и секретные отделения окротделов ОГПУ;

– действующий на территории Пермского края агентурный аппарат, состоящий из секрет-

⁵ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 32. Л. 37, 95.

⁶ Там же. Л. 95.

⁷ Там же. Л. 93 об., 94.

⁸ Там же. Л. 96.

ных сотрудников и массы осведомителей в краевом центре, уездах и районах;

– использование краевыми органами госбезопасности широкого набора методов и средств политического контроля в отношении политической оппозиции и нелояльных граждан: слежка (наблюдение), постановка на учет, ликвидация учреждений, политический сыск оппозиции, репрессии (аресты и назначение наказания в виде общественных работ, заключение в концлагерь, высылка в другую губернию под надзором и др.);

– складывание, развитие и совершенствование пермскими чекистами системы комплектования отчетности перед вышестоящей организацией о политико-экономическом положении Пермского края.

Созданная в Пермском крае система чекистского контроля носила закрытый характер и предполагала полное отсутствие гарантий неприкосновенности личности, жилища, свободы передвижения и собраний, тайны переписки для граждан. Таким образом, Пермский край органично вписался в созданную ВЧК – ГПУ систе-

му политического контроля всероссийского масштаба.

Список литературы

1. *Лацис М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.
2. *Мозохин О.* ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004.
3. *Измозик В. С.* Глаза и Уши Режима. СПб., 1995.
4. *Из истории* Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): Сб. док. М., 1958.
5. *Лубянка.* Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003.
6. *Лубянка:* Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991: Справ. М., 2003.
7. *Суслов А. Б.* Окончательная политическая гибель меньшевиков на Урале // Классовая борьба на Урале в период империализма и утверждения диктатуры пролетариата. Пермь, 1989.

Материал поступил в редколлегию 12.10.2006

УДК 9(С)+34С33

ББК 63.3(2Р54)+67.99(2)116.31

Работа органов ОГПУ с интеллигенцией и совслужащими Иркутского региона в 1920-е годы

И. В. Наумов

Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск

В статье рассматривается работа органов ОГПУ Иркутского региона по созданию системы контроля за настроениями интеллигенции и совслужащих различных учреждений. Освещаются основные методы и результаты работы органов ОГПУ в этом направлении в 1920-е гг.

Ключевые слова: интеллигенция, учителя, совслужащие, чекисты, контроль, ОГПУ, настроения, списки.

Приоритетным направлением деятельности ОГПУ в рассматриваемый период являлась борьба с политическими, классовыми противниками правящей коммунистической партии. Такая ориентация работы органов государственной безопасности была вполне закономерной и естественной для страны, где только-только закончилась гражданская война, после которой осталось достаточно много явных и тайных противников большевиков и созданной ими государственной системы.

Первоочередной и важнейшей мерой ОГПУ по предотвращению различных контрреволюционных (по терминологии того времени) выступлений и действий стало создание в 1920-х гг. всеобъемлющей системы тотального контроля за населением на всей территории страны, в том числе и в Иркутской губернии (с 1926 г. – Иркутского округа). В это время руководство ОГПУ ориентирует его сотрудников на постоянное изучение населения, определение его классового состава и отношения к Советской власти [1].

В Иркутской губернии, как и по всей стране, создается сеть секретных сотрудников (сексотов) и осведомителей ОГПУ. Ее первоначальный костяк составили лица уже сотрудничавшие с ЧК, а также чекисты-коммунисты, оказавшиеся за штатом при реорганизации ВЧК в ГПУ в 1922 г. Все они были трудоустроены в различные партийные, государственные и профсоюзные учреждения и одновременно зачислены в секретный состав ГПУ [2]. Постепенно система контроля охватывала все более широкие слои и категории населения губернии. Работа по контролю за его настроениями и поведением становится постоянной. Ее результаты отражались в регулярных отчетах, сводках, донесениях, анкетах Иркутского губернского отдела ОГПУ. На их основе сотрудники отдела составляли секретные политико-экономические

обзоры Иркутской губернии и секретные двухнедельные информационные сводки, в которых фиксировались настроения населения по самым различным вопросам: аграрная политика коммунистов, состояние цен и зарплат, насыщение товарного рынка, организация производства, внутрипартийная борьба в РКП(б) – ВКП(б), международные события и т. п. Помимо изучения народных настроений шло непрерывное выявление политически неблагонадежных лиц, к которым ОГПУ начинало проявлять особое внимание. Отдельными секретными докладами отдела оформлялись результаты работы по контролю за настроениями населения в случае каких-либо экстраординарных внутри- и внешнеполитических событий (смерть большевистских вождей, революционные выступления за границей и т. п.). Обзоры и информационные сводки направлялись в ОГПУ СССР в Москву, в его Полномочное представительство по Сибири (Сибирскому краю), секретарю Иркутского губкома (затем окружкома) РКП(б) – ВКП(б), председателю Иркутского губисполкома (окрисполкома), председателю губернской (окружной) Контрольной комиссии и РКИ и губернскому (окружному) прокурору. Вся информация по контролю населения была строго засекречена и не предавалась какой-либо огласке. Каждый документ начинался с памятки ОГПУ адресатам о том, что «в виду его совершенно секретного характера надлежит хранить наравне с шифром. Снимать копии, делать выписки не допускается ни в коем случае» [3].

При этом особое внимание сотрудники Иркутского отдела ОГПУ уделяли интеллигенции и советским служащим, которых они почти поголовно подозревали в политической неблагонадежности. В работе по созданию системы контроля за настроениями и деятельностью различных категорий совслужащих и интеллигенции на территории Иркутского региона им удалось добиться заметных результатов. Руководители отдела ОГПУ считали эту задачу одной из приоритетных, поскольку подавляющее большинство служащих различных государственных учреждений Иркутской губернии и интеллигенции состояло из беженцев и лиц, враждебно настроенных к власти. Контроль над служащими и интеллигенцией начинался уже с момента приема на службу. Каждый служащий должен был заполнить анкету, в которой были вопросы о партийности бывшей и настоящей, о занятиях во время гражданской войны, включая службу в колчаковских учреждениях и белой армии, и т. п. [4]. Заполненная анкета с автобиографией направлялись в ОГПУ для регистрации и заключения и «только после благоприятного ответа ГПУ, данное лицо может быть принято на службу или работу» [5]. «В случае если от ГООГПУ последует отказ в приеме, – говорилось в одной из инструкций Иркутского отдела ОГПУ, – то поступающему лицу под каким-либо предлогом надлежит отказать, не допуская возможности, чтобы поступающий мог знать, что отказ исходит от ГООГПУ» [6].

За всеми политически неблагонадежными лицами устанавливался непрерывный контроль. Во всех учреждениях и учебных заведениях была создана сеть информаторов и осведомителей, регулярно сообщавших о разговорах и настроениях в среде служащих и интеллигенции и компрометирующих их поступках. О служащих и интеллигенции собирались сведения самого

различного характера – от социального происхождения, политических настроений и прежних занятий до отношения к службе и поведения в быту. Собранный материал обобщался и анализировался, выявленных политически неблагонадежных лиц ОГПУ брало в оперативную разработку, кроме того, этот материал активно использовался при проведении периодических чисток советского аппарата, различных учреждений и учебных заведений.

В целом в течение 1920-х гг. сводки Иркутского отдела ОГПУ настроения этой категории населения характеризовали как спокойные. «Настроение служащих в политическом положении удовлетворительное, – писали авторы одной из них, – волнений и брожений не отмечается, кроме шипения некоторой части служащих из бывших чиновников царского и Колчаковского правительств. В некоторых районах отмечены недовольства на почве несвоевременной выплаты жалования и неверности таковой» [7].

Особое внимание Иркутский отдел ОГПУ в 1920-е гг. уделял контролю за настроениями военнослужащих частей Красной Армии, дислоцированных на территории региона. Этот контроль начинался с призыва на военную службу. Информационные сводки Иркутского отдела ОГПУ свидетельствуют, что его сотрудники тщательно следили за ходом каждой призывной кампании и вели подробный учет настроений призывников, их мнений о военной службе и Красной Армии, причем как отрицательного, так и положительного характера [8]. Как следует из этих сводок, в 1920-е гг. среди призывников преобладало положительное отношение к военной службе. Например, в информационной сводке № 20 за 1926 г. Иркутского отдела ОГПУ отмечалось, что многие призывники рассматривали военную службу как возможность повысить свое образование, получить специальность, расширить кругозор [9].

Столь же внимательно ОГПУ наблюдало за настроениями военнослужащих, особенно командного состава, за состоянием воинских частей и несением воинской службы. В информационных сводках Иркутского отдела ОГПУ отражены: мнения военных о важнейших внутри- и внешнеполитических событиях, состояние воинской дисциплины и случаи ее нарушения, взаимоотношения между военнослужащими, их продовольственное и вещевое обеспечение, состояние боевой подготовки и политико-воспитательной работы, вопросы военно-медицинского обслуживания и т. п. [10].

Помимо общего надзора за настроениями населения целью создаваемой ОГПУ системы контроля являлось выявление политически неблагонадежных лиц, действительных и потенциальных противников коммунистической власти и их нейтрализация. На протяжении 1920-х гг. борьба с реальными и мнимыми политическими противниками по-прежнему оставалась важнейшей задачей органов государственной безопасности. Как подчеркивал в 1922 г. вожьд большевистской партии В. И. Ленин, «было бы большой ошибкой думать, что НЭП положил конец террору. Мы должны вскоре вернуться к террору, как политическому, так и экономическому» [11]. В развитие этой идеи руководство ОГПУ требовало от местных подразделений регистрации всех политически неблагонадежных лиц, подозреваемых в контрреволюционной деятельности. Причем их круг был очерчен достаточно широко. В феврале

1924 г. в секретном циркуляре ОГПУ выделило 3 категории подозреваемых и критерии, по которым следовало их устанавливать:

Политические партии и организации:

- все бывшие члены дореволюционных политических партий;
- все бывшие члены монархических союзов и организаций;
- все бывшие представители старой аристократии и дворянства;
- все бывшие члены молодежных организаций (бойскауты и др.);
- все националисты любых оттенков.

2. Сотрудники царских учреждений:

- все сотрудники бывшего МВД (охранки, полиции и жандармерии), все секретные агенты охранки и полиции, все чины пограничной стражи и т. д.;
- все сотрудники бывшего Минюста, все члены окружных и уездных судов, судьи, прокуроры всех рангов, мировые судьи, судебные следователи, судебные исполнители и т. д.;
- все без исключения офицеры и унтер-офицеры царских армии и флота;

3. Тайные враги Советской власти:

- все офицеры, унтер-офицеры и рядовые Белой Армии, других белогвардейских формирований, различных повстанческих отрядов и банд, в том числе и амнистированные Советской властью;
- все гражданские сотрудники центральных и местных органов белогвардейских правительств;
- все религиозные деятели;
- все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок, а также «нэпманы»;
- все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне, использовавшие в прошлом наемный труд;
- все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских;
- все лица, чьи близкие родственники находятся на нелегальном положении или продолжают вооруженную борьбу в рядах антисоветских банд;
- все иностранцы независимо от национальности;
- все лица, имеющие родственников или знакомых за границей;
- все члены религиозных сект и общин;
- все ученые и специалисты старой школы, особенно те, чья политическая ориентация не выяснена до сего дня;

– все лица, ранее подозреваемые или осужденные за контрабанду, шпионаж и т. д. [12]. Как следует из приведенного документа, в период НЭПа на территории страны ОГПУ проводило большую работу по политико-организационной подготовке нового поворота внутренней политики ВКП(б) на рубеже 1920–1930-х гг.

В нашем регионе ею занимались сотрудники секретно-оперативной части Иркутского отдела ОГПУ и особенно секретного отделения СОЧ, которое последовательно возглавляли: Д. Д. Никифоров (1922–1923 гг.), Тумахович (1923–1926 и 1927–1928 гг.), Шалаев (1926–1927 гг.) и М. Ф. Кошук-Бекман (с 1928 г.).

Основные усилия сотрудников Иркутского отдела ОГПУ были направлены на выявление членов различных политических партий и групп (особенно социалистической ориентации) и оппозиционно настроенных лиц. С этой точки зрения, по их мнению, обстановка в Иркутской губернии была достаточно сложной. Как уже приходилось отмечать, после гражданской войны здесь осело большое количество беженцев из других районов России, в том числе и члены различных политических организаций, которые в классовом государстве стремились скрыть это от властей. В 1924 г., по данным Иркутского отдела ОГПУ, в губернии числилось 127 эсеров и 69 человек вышедших из этой партии, 94 меньшевика и 31 бывший меньшевик, 29 анархистов и еще 41 человек в установке, 41 монархист (т. е. члены правых партий) и 116 человек в агентурной разработке, 30 кадетов и 28 в установке, 31 сионист и 42 в установке [13]. Причем ОГПУ учитывало не только общее их число, но и распределение по территориям. Так, например, члены партии эсеров по губернии располагались следующим образом: в Иркутске с уездом – 84 человека, в Черемховском районе – 9, в Зиминском уезде – 14, в Верхотенском – 2, в Киренском – 9 и в Тулунском – 9 [14]. В отношении же недавних коллег большевиков по Российской социал-демократической рабочей партии – меньшевиков – ОГПУ вело не только территориальный, но и профессиональный учет. Из 94 меньшевиков 15 являлись рабочими, 24 – советскими служащими, 4 – педагогами, 4 – медиками, 11 человек работали в кооперации, 3 – в торговле, 1 – в юстиции, 7 являлись кустарями, 6 – хлебопашцами, 9 – безработными, и род занятий 10 меньшевиков ОГПУ на тот момент не сумело установить [15]. В отдельных случаях велся учет членов партий и по отдельным учреждениям. В частности, по оценкам ОГПУ, в Иркутском государственном университете из 213 преподавателей и служащих 27 человек состояли в политических партиях, в том числе 15 кадетов и монархистов, 5 народных социалистов, 3 меньшевика и по 2 эсера и сибирских областника [16]. Кроме того, среди студентов ИГУ числилось по 2 эсера и анархиста и 1 меньшевик [17]. Примечателен и итоговый вывод, сделанный сотрудниками Иркутского отдела в отношении состава преподавателей и служащих ИГУ. По их заключению, «12,5 % всего состава представляют явно враждебный власти и партии элемент. Соотношение это, конечно, не безусловно точное. Процент должен быть несколько повышен за счет незарегистрированного явной активностью чуждого нам элемента» [18].

За всеми установленными и подозреваемыми лицами был установлен строгий контроль. ОГПУ внедряло в их окружение своих информаторов и фиксировало малейшие действия (соборания бывших каторжан, сбор пожертвований политзаключенным, высказывания в отношении важных внутри- и внешнеполитических событий, поведение на работе и в быту и т. п.) [19]. В частности, согласно данным Иркутского отдела ОГПУ, на смерть Ф. Э. Дзержинского один из членов бывших политических партий Чурилин отреагировал следующим образом: «Сама природа борется с ними, пришел с заседания хлоп и конец, давно пора, много плачет сирот через него» [20]. Следует отметить, что ОГПУ считало всех членов политических партий, и

настоящих, и бывших, лицами явно враждебными, и любую их деятельность априори оценивало негативно, подозревая враждебные намерения [21]. Об этом ярко свидетельствуют даже характеристики, данные им сотрудниками ОГПУ. Например, некто И. И. Сосновский охарактеризован так: «Эсер, по убеждениям монархист» [22]. Интересно, как социалист и революционер мог быть монархистом? Видимо, для авторов подобных характеристик самое главное было дать как можно более негативную оценку тому или иному лицу, не слишком задумываясь об ее логичности.

Помимо подозреваемых, под надзором ОГПУ находились и политические ссыльные, сосланные в Иркутскую губернию на поселение по политическим обвинениям. Так, в 1926 г. на особом учете в Иркутском отделе ОГПУ состояло 44 политических ссыльных, в том числе 8 человек высланных в административном порядке на 3 года «как социально вредные элементы» [23].

ОГПУ не ограничивалось наблюдением, на протяжении 1920-х гг. оно стремилось предельно ограничить возможности какой-либо деятельности представителей бывших политических партий. По представлениям ОГПУ их в первую очередь увольняли при проведении чисток [24]. Нередко они оказывались в тюрьмах или ссылке. Особенно часто арестовывали и высылали эсеров. Причем, Иркутский отдел ОГПУ делал это как в период подготовки Московского 1922 г. процесса этой партии, так и после него [25]. ОГПУ вообще стремилось развалить и ослабить эту некогда самую крупную в России политическую партию. Члены политических партий в первую очередь проходили и по оперативным разработкам Иркутского отдела ОГПУ в отношении антисоветских групп: «Крестьянский союз» [26], «Последыши» (иркутские кадеты и монархисты), «Десяток Выговского» [27] (монархически настроенные студенты ИГУ) и др.

В целом Иркутский отдел ОГПУ справился с поставленными перед ним в этом плане задачами. В его сводках неоднократно отмечалось, что на территории региона организованная политическая деятельность отсутствует. По мнению сотрудников ОГПУ, в 1920-е гг. имели место лишь произвольные, спонтанные действия отдельных представителей этих партий [28]. Пожалуй, только иркутские сионисты проявили себя более активно. В частности, по данным Иркутского отдела ОГПУ в 1924 г. они собрали среди иркутских евреев 1500 руб. и переправили их в Харбин (Китай) для Палестинского фонда [29]. Однако ОГПУ считало, что их деятельность не представляла непосредственной угрозы Советской власти.

Помимо борьбы с членами различных политических организаций Иркутский отдел ОГПУ провел большую работу по выявлению и регистрации всех лиц, о которых говорилось в февральском 1924 г. циркуляре ОГПУ. С этой целью его сотрудники собирали о них сведения по всей Иркутской губернии и за ее пределами, Всем местным советским и партийным организациям предписывалось оказывать всяческое содействие сотрудникам ОГПУ в этой работе (информацией, документами и т. п.) [30]. Кроме того, как уже отмечалось, ОГПУ установило полный контроль за приемом на работу всех служащих на государственную службу, государственные торговые и про-

мышленные предприятия и в кооперативные организации. О недопустимости приема кого-либо на работу без санкции ОГПУ Иркутский отдел практически ежегодно напоминал руководителям различных исполкомов, предприятий и организаций [31].

Собранные сведения, анкеты и автобиографии тщательно проверялись и перепроверялись Иркутским отделом ОГПУ. На основе этой работы были составлены списки политически неблагонадежных лиц [32]. В этих списках фиксировались: прежние чины, занятия (служба в Белой Армии и т. п.), судимости, места проживания. Все включенные в списки были поставлены на особый учет Иркутского отдела ОГПУ. Так, например, в 1926 г. на территории Иркутской губернии на учете ОГПУ находилось 174 офицера Белой Армии, в том числе 2 генерала, 30 старших офицеров (из них 6 полковников), 123 младших офицера и 19 юнкеров и чиновников военного времени [33], а также 60 лиц, служивших при царе в полиции, жандармерии и в карательных органах белогвардейских правительств [34]. За поставленными на особый учет Иркутский отдел ОГПУ установил негласный надзор [35]. Помимо этого, поскольку бывшие офицеры и служащие армии, МВД и органов юстиции были по Конституции лишены избирательных прав, ОГПУ осуществляло надзор и за соблюдением данной нормы. Перед каждыми выборами Иркутский отдел ОГПУ рассылал председателям различных исполкомов и избирательных комиссий списки лишенных избирательных прав [36].

Все выявленные ОГПУ «политически неблагонадежные и враждебные власти элементы» в первую очередь представлялись к увольнению при проведении периодических чисток советского аппарата в 1920-е гг. Причем, их критерии все время ужесточались. Если в 1924 г. при проведении чистки в г. Иркутске из 659 проверенных служащих было «вычищено» (уволено) 55 человек [37], то в 1926 г. по результатам двух чисток было уволено 215 человек [38]. Характерны и мотивы увольнений: «уволен как монархист», «уволен за связь с реакционным духовенством», «уволен как политически неблагонадежный», «уволен за враждебное отношение к Соввласти и РКП», «служил в царской полиции», «служил в Белой армии корнетом» [39] и т. п. Чистки затрагивали не только служащих, но и студентов Иркутского университета. Так, в 1924 г. из 2039 студентов ИГУ по политическим мотивам было «вычищено» и исключено 296 человек (в том числе 123 с гуманитарного факультета общественных наук) [40].

Увольнения людей, подозреваемых ОГПУ в политической неблагонадежности, осуществлялись не только во время чисток. Руководство Иркутского отдела ОГПУ считало, что «чистка сов. учреждений, носящая ударный характер по разгрузке их от чуждого и враждебного власти элемента, в целях периодического освежения учреждений должна быть продолжена плановой работой по изъятию отдельных лиц по мере накопления на них материала путем согласованности с руководителями учреждений» [41]. Документы свидетельствуют, что эта работа осуществлялась непрерывно, и по мере «накопления материала» по представлению Иркутского отдела ОГПУ подозреваемые увольнялись из различных учреждений [42].

В задачу ОГПУ входило и предотвращение каких-либо акций протеста со стороны служащих. По сводкам Иркутского отдела ОГПУ, сложное материальное положение большей части этой категории населения не раз способствовало возникновению в ее среде «протестных» настроений [43]. Другой причиной их возникновения ОГПУ, естественно, считало «засоренность» учреждений «чуждыми элементами». В частности, согласно данным Иркутского отдела ОГПУ в середине 1920-х гг. от 25 до 30 % учителей губернии в прошлом были белыми офицерами [44].

Для предотвращения открытых выступлений ОГПУ применяло самые разнообразные методы. Так, например, согласно совершенно секретному меморандуму секретного отделения Иркутского отдела ОГПУ от 19 января 1926 г., осенью 1925 г. резко обострилось недовольство учителей сельских школ низкой зарплатой и несвоевременной ее выплатой. Это недовольство учителя губернии открыто высказывали на волостных, районных и уездных учительских конференциях. В связи с нежеланием властей обратить внимание на учительские нужды среди них стало распространяться мнение о необходимости забастовки как средства давления на власть. Наиболее активные учителя создают инициативные группы, разрабатывают требования и начинают тайный сбор подписей учителей в поддержку требований и идеи забастовки [45]. Только в Иркутском районе их подписало 25 учителей [46]. Основные требования учителей сводились к передаче сельского просвещения с местных бюджетов на госбюджет, повышению зарплаты и погашению долгов по ней [47].

Начало забастовки было намечено на 1 февраля 1926 г. Как свидетельствуют документы, выявленные сотрудниками ОГПУ, организаторы забастовки планировали превратить ее в общегубернскую. Следует отметить и высокий уровень их конспирации. Через сеть осведомителей подготовку забастовки установить не удалось. Лишь 5 января 1926 г. Зиминскому уездному уполномоченному ОГПУ поступил донос от одного из учителей о готовящейся забастовке [48], а также учительские требования и анонимное обращение к учителям инициаторов забастовки. В ответ Иркутский отдел ОГПУ начал предпринимать энергичные действия по ее предотвращению. Эту работу осуществляли заместитель начальника отдела Хвалебнов, начальник секретного отделения Шалаев, помощник уполномоченного секретного отделения Бянкин и другие сотрудники. Иркутский отдел ОГПУ срочно предписал всем своим уездным уполномоченным усилить работу осведомителей в учительской среде и срочно внедрить туда новых для выявления организаторов забастовки, определения ее реальности и дезорганизации возможной забастовки [49]. Одновременно ОГПУ известило о ней Губком ВКП(б), Губисполком и рекомендовало им принять экстренные меры к погашению задолженности учителям по зарплате. Сотрудникам ОГПУ довольно быстро удалось установить организаторов протеста – заведующего школой Ленинского поселка (ныне Ленинский р-н г. Иркутска. – *Прим. авт.*) С. Лысцова, уполномоченного профсоюза работников просвещения Иркутского района Кураева и ряд других активистов. По данным ОГПУ, оба они в прошлом были белыми офи-

церами. 16 января 1926 г. сотрудники ОГПУ арестовали Лысцова и Кураева, а затем и заведующего Слюдянской поселковой школой Кудрявцева [50]. В результате принятых властями мер удалось сбить забастовочные настроения учителей и не допустить забастовки.

Большое внимание Иркутский отдел ОГПУ уделял коллективу Иркутского университета. По оценкам сотрудников ОГПУ, после гражданской войны профессура ИГУ раскололась на сторонников и противников Советской власти. Ко второй группе они относили профессоров: Анастасьева, В. А. Донскова, А. А. Мелких, М. П. Михайлова, А. М. Попова, Н. А. Синакевича, В. Т. Шевякова [51]. По мнению ОГПУ, эти профессора пытались подчинить студентов своему влиянию, что выражалось в осуждении чистки в ИГУ. Профессора считали, что «классовый подход к чистке ведет к понижению научного уровня интеллигенции» [52]. Средство борьбы с правой профессурой ОГПУ видело в студенческих чистках. В обзоре Иркутского отдела ОГПУ за 1924 г. отмечалось, что «изъятием чисткой из Университета явно антисоветского элемента был подорван авторитет и сила правой профессуры, проводившей через него свое влияние в студенческие массы» [53]. Правые профессора вообще вызывали повышенное подозрение ОГПУ из-за своей независимой и критичной позиции по отношению к Советской власти и коммунистической партии, которую они открыто высказывали с университетских кафедр и в письмах заграничным коллегам [54].

Усилению контроля за интеллигенцией и оказанию в необходимых случаях давления на нее способствовало и учреждение в 1923 г. Иркутского губернского управления по делам литературы и издательств (Гублита), подконтрольного ОГПУ [55]. Гублит поставил цензурный заслон на пути публикации любых идей, признанных властью вредными или несвоевременными.

Особое внимание изучению настроений совслужащих и интеллигенции органы ОГПУ уделяли и в связи с внутривнутрипартийной борьбой за власть, развернувшейся в стране в 1920-е гг. Участие ОГПУ в этих событиях шло по нарастающей от констатации фактов политических разногласий среди иркутских коммунистов до прямого вмешательства во внутривнутрипартийную борьбу на стороне противников оппозиции. Так, в сводках Иркутского отдела ОГПУ первой половины 1920-х гг. можно найти лишь сухие, отрывочные факты об отношении коммунистов Иркутской губернии к внутривнутрипартийной борьбе. В целом, как следует из этих сводок ее суть была не вполне понятна иркутским коммунистам в 1923–1924 гг., которые осуждали фракционность и поддерживали декларируемую ЦК РКП(б) линию на единство партии [56]. Одновременно они осуждали и бескомпромиссную позицию ЦК в отношении оппозиционеров. В частности, совещание партийных руководителей Иркутской губернии (члены губкома, уездных комитетов РКП(б) и контрольных комиссий) в январе 1924 г. заявило, что «осуждает личные выпады тов. Сталина против тов. Троцкого» [57].

Во второй половине 1920-х гг. Иркутский отдел ОГПУ начинает действовать более активно. В это время его сотрудники тщательно фиксируют отношение к внутривнутрипартийной борьбе со стороны совслужащих и интеллиген-

ции, как членов ВКП(б), так и беспартийных. Собранные ими данные анализировались и обобщались не только в регулярных сводках, но и в отдельных специальных материалах. Так, например, в них зафиксировано интересное мнение о внутривластной борьбе, высказанное профессором Иркутского университета М. В. Одинцовым, который считал, что «раскол партии сопровождается антисемитизмом внутри партии, а это уже признак трагический, так как он выплывает не только в результате неудовлетворенной политической деятельности и неосуществления идеала, а доказывает, что внутри партии выросла вражда к тактике вчерашних руководителей, какими они, в сущности, были в 1917 году. Евреи в России проиграли свою националистическую ставку и сейчас оказываются в числе лиц, которые жестоко поплатятся за все политические неудачи. Ибо практика государства показала, что экономическая жизнь России приводит к тупикам, которые не предусмотрены никакими Карлами Марксами, но являются результатами еврейского русского марксизма, выработанного специфическими условиями России, ее отсталостью, невежеством, большими расстояниями и проч. условиями, совершенно чуждыми Западу» [58].

Иркутский отдел ОГПУ не только занимался выявлением всех, кто выражал какие-либо колебания в правильности позиции ЦК ВКП(б), но и давал рекомендации партийным органам. В частности, когда в 1926 г. его сотрудники установили, что часть членов студенческой ячейки ВКП(б) рабфака ИГУ поддерживает оппозицию, то руководство отдела снабдило этот материал следующим заключением: «По нашему мнению, это обстоятельство должно обратить на себя самое серьезное внимание со стороны Иркутских партийных организаций» [59]. Кроме того, всех лиц, замеченных в симпатиях к оппозиции, в том числе и коммунистов, ОГПУ начинает заносить в списки «политически неблагонадежных» элементов с формулировками, подобными такой: «В прошлом был замечен в склоке по партлинии» [60].

1. ГАИО. Ф. 1739. Оп. 2. Д. 93. Л. 26.	1. The Irkutsk Region State Archive (IRSA). F.1739. Inv. 2. Doc. 93. P. 26.
2. Там же. Ф. 8с. Оп. 1. Д. 77. Л. 165.	2. Ibid. F. 8с. Inv. 1. Doc. 77. P. 165.
3. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 10. Л. 307.	3. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 10. P. 307.
4. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 39. Л. 189.	4. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 39. P. 189.
5. Там же. Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6. Л. 223.	5. Ibid. F. r-218. Inv. 2. Doc. 6. P. 223.
6. Там же.	6. Ibid.
7. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 43.	7. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 43.
8. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 10. Л. 317–319, 325–328.	8. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 10. P. 317–319, 325–328.
9. Там же. Л. 319.	9. Ibid. P. 319.
10. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 33, 41, 44 и др.	10. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 33, 41, 44 etc.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 428.	11. Lenin V. I. Complete set of works. Vol. 44. P. 428.
12. См.: Конквест Р. Террор голодом. СПб., 1994. С. 353–355.	12. Refer to: Conquest P. Terror of hunger. SPb., 1994. P. 352–355.
13. ГАИО. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 317–318.	

14. Там же. Л. 317.
15. Там же. Л. 318.
16. Там же. Л. 315.
17. Там же. Л. 315-316.
18. Там же. Л. 315.
19. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 192;
Ф. 73с. Оп. 1. Д. 6. Л. 176; Д. 8. Л. 317, 318;
Ф. 1739. Оп. 2. Д. 100. Л. 139; и др.
20. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 6. Л. 176.
21. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 192;
Ф. 1739. Оп. 2. Д. 100. Л. 139.
22. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 8. Л. 87.
23. Там же. Л. 157.
24. Там же. Л. 87, 88, 114 и др.
25. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 317.
26. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 192.
27. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8.
Л. 315, 318.
28. Там же. Л. 317-318.
29. Там же. Л. 318.
30. Там же. Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6.
Л. 295.
31. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 20;
Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6. Л. 223; и др.
32. Там же. Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6.
Л. 381-384; Оп. 3. Д. 8. Л. 9, 55, 57, 61-62,
68-69, 74-76, 95, 120-130; и др.
33. Там же. Оп. 3. Д. 8. Л. 120-125.
34. Там же. Л. 95.
35. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 21;
Ф. 1739. Оп. 2. Д. 100. Л. 126, 139; и др.
36. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 8. Л. 55-
57, 68-69, 74, 95, 126-130; и др.
37. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 311.
38. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 8.
Л. 85-90, 92-93.
39. Там же. Л. 85.
40. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8.
Л. 311-312.
41. Там же. Л. 314.
42. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 21,
148; Ф. р-218. Оп. 3. Д. 8. Л. 221; и др.
43. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8.
Л. 311-312.
44. Там же. Л. 314.
45. Там же. Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6.
Л. 146, 148, 152.
46. Там же. Л. 161.
47. Там же. Л. 151, 161.
48. Там же. Л. 147.
13. IRSA. F. 73s. Inv. 22. Doc. 8.
P. 317-318.
14. Ibid. P. 317.
15. Ibid. P. 318.
16. Ibid. P. 315.
17. Ibid. P. 315-316.
18. Ibid. P. 315.
19. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83.
P. 192; F. 73s. Inv. 1. Doc. 6. P. 176; Doc. 8.
P. 317, 318; F. 1739. Inv. 2. Doc. 100.
P. 139; etc.
20. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 6. P. 176.
21. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83.
P. 192; F. 1739. Inv. 2. Doc. 100. P. 139.
22. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 8. P. 87.
23. Ibid. P. 157.
24. Ibid. P. 87, 88, 114 etc.
25. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8. P. 317.
26. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 192.
27. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8. P. 315,
318.
28. Ibid. P. 317-318.
29. Ibid. P. 318.
30. Ibid. F. r- 218. Inv. 2. Doc. 6.
P. 295.
31. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 20;
F. r- 218. Inv. 2. Doc. 6. P. 223; etc.
32. Ibid. F. r-218. Inv. 2. Doc. 6.
P. 381-384; Inv. 3. Doc. 8. P. 9, 55, 57, 61-
62, 68-69, 74-76, 95m 120-130; etc.
33. Ibid. Inv. 3. Doc. 8. P. 120-125.
34. Ibid. P. 95.
35. Ibid. F. 8145. Inv. 1. Doc. 83. P. 21;
F. 1739. Inv. 2. Doc. 100. P. 126, 139; etc.
36. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 8.
P. 55-57, 68-69, 74, 95, 126-130; etc.
37. Ibid. F. 73 s. Inv. 1. Doc. 8. P. 311.
38. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 8.
P. 85-90, 92-93.
39. Ibid. P. 85.
40. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8.
P. 311-312.
41. Ibid. P. 314.
42. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 21,
148; F. r- 218. Inv. 3. Doc. 8. P. 212; etc.
43. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8.
P. 311-312.
44. Ibid. P. 314.
45. Ibid. F. r-218. Inv. 2. Doc. 6.
P. 146, 148, 152.

49. Там же. Л. 148.
50. Там же. Л. 148–149.
51. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 313.
52. Там же. Л. 313, 316.
53. Там же. Л. 315.
54. Там же. Л. 315, 317.
55. См.: Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 471.
56. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 32.
57. Там же.
58. Там же. Ф. 218р. Оп. 2. Д. 6. Л. 179.
59. Там же. Оп. 3. Д. 10. Л. 315.
60. Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 382.
46. Ibid. P. 161.
47. Ibid. P. 151. 161.
48. Ibid. P. 147.
49. Ibid. P. 148.
50. Ibid. P. 148–149.
51. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8. P. 313.
52. Ibid. P. 313, 316.
53. Ibid. P. 315.
54. Ibid. P. 315, 317.
55. Refer to: Romanov N. S. Chronicles of Irkutsk for 1902–1924-s. Irkutsk, 1994. P. 471.
56. IRSA. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 32.
57. Ibid.
58. Ibid. F. 218r. Inv. 2. Doc. 6. P. 179.
59. Ibid. Inv. 3. Doc. 10. P. 315.
60. Ibid. Inv. 2. Doc. 6. P. 382.

Joint State Political Directorate Interaction with Soviet Employees of the Irkutsk Region in 1920-s

I. V. Naumov

Irkutsk State Technical University, Irkutsk

The article considers activity of the Joint State Political Directorate in the Irkutsk region which dealt with the system of intelligency moods and soviet employees monitoring. It examines the basic methods and results of this kind of JSPD's activity in 1920-s.

Key words: Intelligency, teachers, soviet employees, chekists (KGB servicemen), control, JSPD, moods, lists.

Наумов Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Иркутского государственного технического университета, e-mail: histor@istu.ru

Naumov Igor Vladimirovich – Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Department of History, the Irkutsk State Technical University, e-mail: histor@istu.ru

Г. Н. Карманова

ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ ПО СВОДКАМ ОГПУ 1930 ГОДА

В статье впервые анализируются данные сводок ОГПУ 30-х годов XX века. Особенностью документов этого происхождения является подробная и новая информация по различным аспектам церковно-религиозной жизни православных верующих в условиях проводимой властью политики насильственной коллективизации. В частности, формы и методы антирелигиозных кампаний и отношение к ним верующих, информация о деятельности тайных монашеских общин.

Ключевые слова: Сводки ОГПУ, источник, православие, верующие, репрессивная политика, антирелигиозные кампании, закрытие храмов.

Проблема деятельности силовых структур (ГПУ, ОГПУ, НКВД, КГБ) в отношении религиозных организаций становится предметом научного анализа в работах российских исследователей с конца XX века¹. Возможность доступа к ранее засекреченным архивам, публикации секретных документов и материалов способствовали формированию источниковой базы для исследования этого аспекта государственно-церковных отношений в советский период истории России. Значительный вклад в расширение источниковой базы принадлежит Институту Российской истории РАН и Центральному архиву Федеральной службы безопасности, архивисты которых с 2001 г. осуществляют совместное издание сборника документов «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)».

Осенью 2008 г. вышел в свет очередной, восьмой по счету том издания. Восьмой том (в двух частях) включает в себя материалы за 1930 г. Решение о составлении еженедельных сводок «о внутреннем положении Республики» для ЦК РКП (б) было принято на заседании Коллегии ВЧК 28 сентября 1920 г.² Если предыдущие тома, последний из которых вышел в 2004 г., содержали отдельные отчеты ОГПУ с разделом «Церковники», где была сконцентрирована информация о духовенстве и верующих, то в отчетах за 1930 г. этой теме уделено гораздо большее внимание.

Репрессивная политика государства в отношении верующих стала жестче в 1930 году по сравнению с 1922 годом. Это было связано с тем, что в свою решающую фазу вступила

коллективизация, религия же рассматривалась властями как серьезное препятствие на пути раскулачивания и создания коллективных хозяйств. 11 февраля 1930 г. ЦИК и СНК приняли постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений». В «целях борьбы с попытками враждебных элементов использовать религиозные объединения для ведения контрреволюционной работы» оно предписывало государственным учреждениям при регистрации органов церковного управления исключать из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц»³. Циркулярное письмо Информационного отдела ОГПУ № 37 от 22 марта 1930 г. «О состоянии и перспективах церковного движения и очередных задачах органов ОГПУ» также требовало всемерно способствовать дальнейшему разложению Православной Церкви путем стимулирования церковного раскола⁴.

Обзоры и сводки ОГПУ о положении в СССР, которые готовились в 1930 г. для руководства страны, содержат уникальные материалы о том, как относилось население к закрытию православных церквей и храмов, и о том сопротивлении, которое оказывалось проводимой государством антирелигиозной политике.

Сводки сообщают о реакции населения на антипасхальную кампанию. В 1929 г. антирождественские и антипасхальные кампании фактически вновь, как и в середине 1920-х гг. приняли общеобязательный характер. Сводки ОГПУ фиксировали «отрицательные моменты во время антипасхальной кампании»⁵. Пасха

в 1930 г. приходилась на воскресенье 20 апреля. Воскресения оказывались рабочими днями в связи с введением в 1929 г. непрерывной рабочей недели. 9 апреля на Ленинградской фабрике «Красное знамя» было сорвано собрание рабочих, где агитировали не праздновать Пасху. «Докладчик вынужден был оставить собрание» - говорится в сообщении⁶. Фиксировались массовые случаи отказа рабочих выходить на работу в пасхальные дни. Однако сравнение статистических данных, приводимых в отчетах ОГПУ⁷, и данных, приводимых в профсоюзных сводках, показывает, что данные в сводках ОГПУ не учитывают все данные и оказываются заниженными. Материалы архива ЦГА СПб дают картину более массовых прогулов в пасхальные дни на заводах и фабриках Ленинграда⁸.

В 1930 г. государственные органы пытались организовать массовые выступления рабочих против «крестового похода», объявленного Папой Римским. 2 февраля 1930 г. Пий XI призывал к «крестовому походу молитв» во искупление грехов преследователей религии и осудил антирелигиозную кампанию и арест священников⁹. В СССР это стали трактовать как призыв к войне против большевиков. В связи с этим ОГПУ проводилась большая работа, в рамках которой было опубликовано интервью митрополита Сергия иностранным журналистам, в котором он отрицал факт гонений на религию в СССР. 14 февраля 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б) постановило: «Поручить тт. Ярославскому, Сталину и Молотову решить вопрос об интервью»¹⁰. 16 февраля в газетах «Правда» и «Известия» от имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя было опубликовано интервью в виде ответов на вопросы журналистов. Недавно проведенное текстологическое исследование черновых текстов интервью, обнаруженных в Архиве Президента РФ, показывает, что вопросы и ответы, содержащиеся в интервью, были заранее составлены Е. Ярославским и отредактированы И. Сталиным и В. Молотовым¹¹.

Опубликованные отчеты свидетельствуют о нежелании советских людей выходить на демонстрации против «крестового похода», сдавать деньги на оборону от него. Типичным мнением, выражавшимся по этому поводу, было: «Предлагаете идти на демонстрацию вас защищать, а ничего не даете». «Разве вы церкви не закрываете? Нужно раньше на-

кормить, а потом звать на демонстрацию»¹². Нежелание поддержать митинг против «крестового похода» фиксировались в Западной области (г. Ржев и др.)¹³. «Советская власть испугалась выступления папы. Еще один такой нажим – откроют церкви», – говорили некоторые рабочие¹⁴.

Если в предыдущие годы, особенно в 1922–1924, в информационных сводках ОГПУ значительное внимание уделялось деятельности обновленцев, то в за 1930 г. их деятельность совершенно не интересовала составителей сводок. Они упомянуты лишь однажды в связи с передачей им православного храма на Урале: «В поселке Уфалейского завода 19 марта имело место выступление верующих (до 100 человек) на почве передачи обновленцам тихоновской церкви. Толпа ворвалась в церковь, выгнала обновленческого священника и других лиц»¹⁵. Еще 15 октября 1926 г. прихожане поселка Уфалейского завода обратились к митрополиту Агафангелу (Преображенскому), сообщив, что у них в поселке два храма: Спасо-Преображенский собор – тихоновский, а в Троицкий храм – григорианский¹⁶. Таким образом, в 1930 г. православные лишались своего единственного храма, что и вызвало протесты.

В 1930 г. усилился процесс закрытия храмов. Реакцию населения на эти процессы также освещают сводки ОГПУ. 26 января 1930 г. на заседании Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по рассмотрению религиозных вопросов было принято решение «Признать целесообразным изменение существующего порядка ликвидации молитвенных зданий»¹⁷. Было признано, что «в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса прихода»¹⁸. Право окончательного решения вопросов о закрытии были передано в ведение край – и облысполкомов.

На Урале, в г. Туринске «собравшаяся по набатному звону толпа (300 человек)» выдвигала требование «открыть все церкви в городе и районе»¹⁹. 30 марта в поселке завода «Нижний Серш» «толпа женщин (400 человек) потребовала открытия церкви»²⁰. Уральские верующие прямо указывали властям на то, что их деятельность противоречит указаниям ЦК. Также на Урале, в Тагильском округе в поселке Верхне-Салдинского завода

23 марта «имело место массовое выступление в связи со снятием колоколов... Толпа женщин и стариков до 200 человек собралась возле заводских ворот... Из толпы раздавались крики: «Головотяпы, вы искажаете линию партии. Вы обманом закрыли церковь, вы ногами топчете религию!»²¹ Несмотря на протесты, массовые закрытия храмов в этом регионе продолжились. В 1930 г. в Свердловске были закрыты девять церквей из одиннадцати, в Нижнем Тагиле – три церкви из семи, в Ирбите – две церкви из пяти²².

Однако в некоторых случаях храмы продолжали действовать как результат протестов духовенства и верующих. 10 февраля 1930 г. священник с. Завидово (ныне – Тверская обл.) Дмитриев «По окончании службы произнес политическую речь, в которой призывал верующих «крепче сплотиться вокруг церкви и всеми силами не допускать ее закрытия»²³. Храм не был закрыт и действовал на момент немецкой оккупации в 1941 г.²⁴

В Западной области «отмечалось упорное сопротивление закрытию церквей, причем, иногда волнения продолжались по несколько дней»²⁵. Противодействие закрытию церквей отмечались в Нижегородской области и в г. Туле, где 2 июля против закрытия храма протестовало около 1500 человек²⁶. Негативная реакция населения привела к тому, что 14 марта 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». ЦК партии требовал: «решительно прекратить практику изъятия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемого... добровольным желанием населения»; напоминал, что допускается закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждением постановлений сходов облисполкомами»²⁷. Постоянная комиссия при Президиуме ВЦИК под председательством П. Г. Смидовича вынуждена была отменить несколько решений о закрытии храмов. Так, 26 августа 1930 г. постановили отменить 12 постановлений о закрытии церквей²⁸.

Одной из самых распространенных тем, о которых говорилось в сводках ОГПУ, был вопрос о снятии колоколов. 6 декабря 1929 года секретариат ВЦИК принял постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквях», где предписывалось: «...предоставить право регулирования колокольно-

го звона при отправлении культовых служб горсоветам и районным исполнительным комитетам...»²⁹ Процесс снятия колоколов также вызывал массовые протесты населения. В одном из отчетов отмечалось: «(Тагильский округ). В связи со снятием колоколов с закрытой, согласно постановлению Облисполкома, церкви 23 марта в заводском поселке имело место массовое выступление... возбужденная толпа не расходилась в течение целого дня (с 11 часов утра до 10 часов вечера), распевая религиозные песни»³⁰. В другой сводке по Уралу говорилось: «(Свердловский округ). 13 февраля во время снятия колоколов (согласно постановлению поселковых собраний) в толпе до 200 человек, преимущественно женщин, один рабочий вел агитацию: “Идемте, бабы, и сбросим всех коммунистов с колокольни, они не только вам, но и нам, рабочим, надоели”»³¹.

Сводки сообщают о групповых делах, связанных с высшей церковной иерархией, которые были заведены в ОГПУ в 1929–1930 гг. В «Сводке СО ОГПУ об антисоветской деятельности политических партий и церковников за время с 20 августа по 1 сентября 1930 г.» особый раздел был посвящен ««группировке митрополита Петра Полянского». В нем отмечалось: «Вокруг административно-высланного митрополита Петра Полянского, проживающего на Урале, образовалась группировка. Наиболее влиятельны в группировке черносотенцы: архиепископ Амвросий Полянский и профессор-церковник Попов. Последние (оба) отбывают ссылку после заключения в концлагере. Под их влиянием митрополит Петр решил потребовать от своего заместителя митрополита Сергия отчет о политической деятельности последнего, ставя ему в вину «соглашательскую» по отношению к советской власти политику. Подготавливалось увольнение митрополита Сергия, взамен которого намечался целый список кандидатов (на случай ареста кого-либо из них). Приняты меры к ликвидации группировки. Митрополит Петр переводится в изолятор»³².

Информация о планах митр. Петра назначить нового Заместителя не упоминалась в источниках и очень существенна для характеристики взаимоотношений митр. Петра с митр. Сергием. Она подтверждает точку зрения свящ. А. Мазырина о том, что митрополит Петр «порицал действия митрополита Сергия»³³. Архиепископ Амвросий

(Полянский) с весны 1929 г. находился в дер. Шурышкар, рядом с г. Обдорск (совр. Салехард, Ямало-Ненецкий АО), где он пробыл до 5 июля 1931 г., ведя переписку с митрополитом Петром³⁴. Недалеко отбывал ссылку профессор Иван Васильевич Попов, он пересылал деньги митрополиту Петру, получаемые от митрополита Сергия, это продолжалось до того момента, пока митр. Петр не узнал о том, что деньги присылаются митр. Сергием, после чего отказался от них³⁵.

Последнее известное исследователям письмо, написанное митр. Петром Сергию до ареста, произошедшего 17 августа 1930 г., датируется февралем 1930 г. В нем митр. Петр в доброжелательных тонах призывал митр. Сергия вернуться к прежним формам церковного управления. Очевидно, речь идет о тех формах, которые использовал Сергей в 1926 г. до своего ареста³⁶. В этом письме митр. Петр отрицал влияние на свою позицию со стороны архиереев, которые отбывали ссылку в той же области³⁷. Новые материалы ОГПУ указывают на то, что помимо известных исследователям писем митр. Петра от декабря 1929 и февраля 1930 г., было и другое письмо или письма. Еще прот. Михаил Польский, которому удалось бежать в 1931 г. из СССР, сообщал о том, что митр. Петр в одном из писем писал Сергию: «Если Вы не в силах защитить Церковь, уйдите в сторону и уступите место более сильному»³⁸. Священник А. Мазырин ввел в научный оборот текст записки, которая была направлена митр. Сергию митр. Петром летом 1930: «Прошу поглубже укрепить убеждение, что мое решение - предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия, превысившие Ваши полномочия — есть Богом благословенное и имеет обязательную силу»³⁹. В тексте этой записки, который приводил в своих работах иг. Дамаскин (Орловский) было опущено слово «превысившие». Таким образом, содержание записки приобретало у этого автора обратный смысл — осуждение превышения полномочий превращалось в полное одобрение действий митр. Сергия⁴⁰. Таким образом, содержание цитируемой сводки подтверждает данные о том, что митр. Петр принял решение о замене своего Заместителя, чему помешал арест Местоблюстителя.

Особое внимание ОГПУ уделяло в этот период ликвидации тайных монашеских общин. В сводке ОГПУ за август 1930 г. сообща-

лось о репрессиях в отношении прот. Романа Медведя и его паствы — «группе «тайных монахинь», созданной попом Медведем»⁴¹. В сводке отмечалось: «Бывший старший поп Черноморского флота Роман Медведь, погромщик и монархист, организовал в Москве группу «тайных монахинь». Группа состоит из довольно ответственных советских служащих (женщин). Пострижение в монахини производится на квартирах. Постриженные продолжают носить светское платье»⁴². Информация об общине попала в сводку ОГПУ благодаря тому, что в числе ее членов оказались осведомители ОГПУ⁴³. 16 февраля 1931 г. о. Роман Медведь и члены его общины были арестованы и подверглись длительным срокам заключения.

Сводки сообщают также о «контрреволюционной организации церковников», которую чекисты называли «Землекопы», руководителем которой был назван иеродиакон Нестор. Согласно сводке, «у него около 40 человек молодежи, живущей в Ленинграде, Москве, Рязани, Киеве и Тамбовском округе»⁴⁴. Для того, чтобы прятаться от властей у общины имелись пещеры: «Пещеры в Кирсановском районе предназначены для того, чтобы прятаться в них, когда на верующих особенно усилится «гонение антихристово». В пещерах, по словам Нестора, запас продовольствия на несколько лет»⁴⁵.

По данным составителей сборника «Современники о Патриархе Тихоне», Нестор (в рясофоре — Тихон) (Постников-Мясников Николай Нилович) был иеродиаконem Высоко-Петровского монастыря⁴⁶. Один из современников писал о нем в 1926 г: «бродяжный рясофорный монах (“из Шаталовой пустыни”, как говорили про него), по имени о. Тихон... Это был тоже очень молодой человек, уроженец посада Селижарова... энергично обивавший пороги угасающих московских монастырей (мужских и женских) и своих бесчисленных неугасимых благодетельниц из числа интеллигентных пожилых дам, почему-то особенно к нему благосклонных и которых он прекрасно умел держать “в страхе Божиим”, вызывая тем еще большее, с их стороны, поклонение себе и беспредельную, какую-то фанатичную, преданность до самозабвения»⁴⁷.

Арестованный 13 октября 1930 г. епископ Гавриил (Абалымов) дал подробные показания о Несторе: «Он (Нестор) родился в Посаде Селижарово, 50 в. от г. Осташково Тверской

губ...Духовным отцом Нестора я не являюсь... он только изредка просил у меня совета в религиозных вопросах, я ему их давал»⁴⁸. Сам Нестор показывал на следствии: «В тайной пещере схим[онахини] Дорофеи иногда проводилось тайное служение свящ[енниками] того же села Николаем или Михаилом, с благословения Тамбовского еп[ископа] Вассиана, он же дал и антиминос»⁴⁹.

Доселе неизвестные подробности сообщают сводки за 1930 г. о «бугеуцах» и другом оппозиционном митр. Сергию духовенстве. Интересные сведения приводятся о епископе Варлааме (Лазаренко). С 1928 г. он представлял епископа Алексия (Буй) в горах Северного Кавказа, где был арестован в сентябре 1929 г., но бежал в Среднюю Азию, где вновь был арестован в 1930 г. и вскоре расстрелян. Согласно сводке ОГПУ, епископ Варлаам сказал: «Я не признаю декларации, потому что она призывает сочувствовать советской власти, но я давал присягу царю в верности, я воспитан в монархическом духе и люблю царя»⁵⁰. Подробности нелегальной жизни епископа Варлаама, приводимые в сводках ОГПУ, подтверждаются другими источниками.

И. И. Осипова приводит выдержку из его письма: «Положение моё нелегально, живём скрытно от внешних, да и свои немногие знают. Меня всюду ищут, но Бог хранит вот уже третий год. Имеем подземный храм и полный штат служителей. Имеем возможность посвящать ставленников и управлять общинами. Жизнь Церкви не прерывается, пульс её работает, хотя и с соблюдением строгой тайны. Люди все надёжные. В ответ на репрессии мы отвечаем молчаливым протестом — открытием новых молитвенных домов и закрытых общин»⁵¹.

Материалы ОГПУ дают много новой информации о деятельности в 1928–1930 гг. других «бугеуцев» в Воронежской области, где их присутствие было наиболее заметно. Епископ Алексей (Буй), по данным сводок оставил «вместо себя в Воронеже благочиннический епархиальный совет в составе благочинного Палицына (умер) и помощника его Стеблин-Каменского»⁵², которые совместно с адм. ссыльными священниками Гортинским⁵³, Марчевским⁵⁴ и архимандритами Бирюковым Игнатием⁵⁵ и Кречковым Тихоном являлись представителями епископа Алексея по Воронежской епархии»⁵⁶. Сводки сообщают подробности о нелегальной церковной жизни «бугеуцев» и в других областях.

Сводки ОГПУ за 1930 г. дают подробную, зачастую совершенно новую информацию и по другим аспектам церковной жизни в условиях нараставших гонений. Как любой источник, сводки нуждаются в анализе с учетом других сохранившихся источников, однако изучение отдельных сообщений ОГПУ, цитированных выше, приводит нас к убеждению, что опубликованные сводки — в значительной степени достоверный источник, существенно расширяющий представления об этом сложном периоде государственно-церковных отношений.

Примечания

¹ См.: Васильева, О. Ю. Красные конкистадоры / О. Ю. Васильева, П. Н. Кышевский. М., 1994; Кашеваров, А. Н. Государство и Церковь : 1917–1945 гг. СПб., 1995; Кривова, Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. М., 1997; Маслова, Т. Русская православная церковь и КГБ // Вопр. истории. 2005. № 12; Одинцов, М. И. Русские патриархи XX века : Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999; Шкаровский, М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб., 1995.

² См.: Архив ВЧК : сб. док. / отв. ред. : В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М., 2007. С. 400.

³ Кашеваров, А. Н. Государство и Церковь... С. 235.

⁴ См.: Крапивин, М. Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (окт. 1917-го — конец 1920-х годов) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999. С. 384.

⁵ «Совершенно секретно» : Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М. : Ин-т рос. истории РАН, 2008. Т. 8. Ч. 2. С. 1404.

⁶ Там же. Ч. 1. С. 210.

⁷ Там же. С. 215.

⁸ См., например: Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. 1917–1941 / сост. Н. Ю. Черепнина, М. В. Шкаровский. СПб., 2000. С. 158.

⁹ См.: Токарева, Е. С. Отношения СССР и Ватикана : от переговоров к разрыву. 1922–1929 гг. М., 1998. С. 58–59.

¹⁰ Цит. по: Курляндский, И. Наш ответ Римскому папе. Как тт. Сталин, Ярославский и Молотов в 1930 году писали «интервью митрополита Сергия и его Синода» // Полит. журн. 2008. № 6–7 (183–184). 18 апр.

- ¹¹ Там же.
- ¹² «Совершенно секретно». Т. 8. Ч. 1. С. 164.
- ¹³ Там же. С. 199.
- ¹⁴ Там же. С. 203.
- ¹⁵ Там же. С. 176.
- ¹⁶ См.: Вестн. церк. истории. М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. № 2. С. 93.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1 Д. 1. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 164
- ²⁰ Там же. С. 167.
- ²¹ Там же. С. 193.
- ²² См.: Лавринов, В., протоиерей. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 59.
- ²³ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 694.
- ²⁴ См.: Копылова, О. Н. Ущерб, причиненный Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // За други своя : Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война : материалы церк.-обществ. конф. (Москва, 24 марта 2005 г.) М., 2005. С. 134.
- ²⁵ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 738.
- ²⁶ Там же. С. 382.
- ²⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 104.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- ²⁹ Цит. по: Кашеваров, А. Н. Государство и Церковь... С. 102.
- ³⁰ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 193; ч. 2. С. 1403.
- ³¹ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 1. С. 1403.
- ³² «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1426.
- ³³ Мазырин, А. иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х гг. М., 2006. С. 386.
- ³⁴ См.: Дамаскин (Орловский), игум. Амвросий (Полянский) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 138.
- ³⁵ См.: Жития новомучеников и исповедников Российских XX в., составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Тверь, 2005. Январь. С. 357.
- ³⁶ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994.. С. 691–692.
- ³⁷ См.: Акты. С. 692.
- ³⁸ Польский, М. протопресв. Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. Репринт. Б. м., б. г., ч. 1. С. 192.
- ³⁹ Мазырин, А., иерей. Высшие иерархи... С. 385.
- ⁴⁰ См.: Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века : жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 511.
- ⁴¹ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1426.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: Дамаскин (Орловский), игумен. Житие священноисповедника Романа (Медведа; 1874–1937). Тверь, 2000.
- ⁴⁴ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1426.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ См.: Современники о Патриархе Тихоне : сб. в 2 ч. / сост. и автор комм. М. Е. Губонин. М., 2008 . Т. 2. С. 677.
- ⁴⁷ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 2. С. 77.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ. Д. № Р-35500. Л. 99.
- ⁴⁹ ЦА ФСБ. Д. № Р-35500. Л. 86–86 об.
- ⁵⁰ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1464.
- ⁵¹ Осипова, И. И. «Сквозь огонь мучений и воду слез...» : Гонения на Истинно-Православную Церковь : по материалам следственных и лагерных дел заключенных. М., 1998. С. 39–40.
- ⁵² См.: Иоанн Стеблин-Каменский (1887–1930), протоиерей, сщмч. Арестован 19.05.1929. 28 июля 1930 г. приговорен Коллегией ОГПУ к высшей мере наказания. Расстрелян и похоронен в окрестностях Воронежа.
- ⁵³ См.: Сергей Гортинский (1889–1930), священник – председатель Коллегии из 5 священнослужителей по управлению Воронежской епархией.
- ⁵⁴ См.: Протоиерей Евгений Марчевский...
- ⁵⁵ Игнатий (Бирюков) (1865–1932), архимандрит. В январе 1928 г. отделился от митрополита Сергия в составе т. н. буювцев. С января 1926 г. по 1929 г. являлся епархиальным духовником Воронежской епархии. Арестован 30 января 1930 г. по делу «Церковно-монархической организации “буювцы”». 28 июля 1930 г. приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам лагеря.
- ⁵⁶ «Совершенно секретно». Т. 8, ч. 2. С. 1464–1465.

О.В. Круподер

Кадровая политика органов госбезопасности в 1923–1934 гг. (на материалах хакасского аппарата ОГПУ)

Кадровый вопрос является важным звеном в формировании любой государственной структуры, в том числе и органов государственной безопасности. От профессионального уровня сотрудников, от их моральных качеств зависят эффективность и результативность работы. Для того, что бы понять кадровую политику советских спецслужб, необходимо учитывать потребности системы.

14 ноября 1923 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Хакасского уезда. В состав уезда были включены, помимо хакасских, русские селения, рудники и шахты. «Выделить инородческий район Минусинского уезда Енисейской губернии на правах отдельного Хакасского уезда в составе волостей: Минусинского уезда – Аскизской, Синявской, Усть-Абаканской, Усть-Есинской, Усть-Фыркальской; Ачинского уезда – Кызыльской и из Кузнецкого уезда Томской губернии – Сейской волости с абаканским лесничеством» [1, л. 2]. Административным центром уезда стало село Усть-Абаканское. В связи с этим постановлением был издан приказ №134/46 от 3 марта 1924 г. «Об образовании аппарата уездного уполномоченного по обслуживанию Хакасского уезда Енисейской губернии». В нем требовалось организовать в селе Усть-Абаканском аппарат уездного уполномоченного по обслуживанию Хакасского уезда Енисейской губернии по штату 3-й категории. Для аппаратов уездных уполномоченных ГПУ штат устанавливался в зависимости от размеров и населенности уезда. Он состоял из 5 человек.

С 1 октября 1925 г. начальником отдела ОГПУ по Хакасскому округу был назначен С.В. Шкитов, ранее занимавший должность уполномоченного ОГПУ [2, л. 38]. До апреля 1920 г. он являлся работником красноярской участковой транспортной ЧК. В апреле был переведен в Минусинск в качестве коменданта минусинской уездной комиссии. В архиве имеется интересный документ о выдаче подъемных денег для переезда из Красноярска в Минусинск сотрудников ЧК и их семей. «С.В. Шкитову – оклад 2300 рублей, подлежит к выдаче – 2300 рублей» [3, л. 32–33].

Забота о кадрах была важнейшей задачей. Во главу угла при приеме на работу в органы ставилась идейная убежденность. Необходимо было заполнить анкету, представить документы с последнего места работы, предъявить справку о состоянии здоровья, рекомендации двух членов партии, имевших стаж работы в органах не менее года. Учитывалось социальное

происхождение, партийная принадлежность, образование, компетентность. Причем для зачисления в штат сотрудников не являлось помехой нахождение человека под следствием на предыдущем месте работы за хозяйственные махинации [4, л. 3]. Ф.Э. Держинский так сформулировал один из главных критериев подбора кадров в органы ВЧК–ОГПУ: «Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, – у нас, в ЧК, необходимо оставить первого, вся суть, по-моему, в подборе людей, безусловно, честных всех и, где нужно, умных» [5, с. 446].

По мнению А.Г. Теплякова, изучение внутренней жизни чекистов Сибири позволяет сделать вывод о том, что отрицательная селекция, характерная для советской кадровой политики (отбор послушных, серых и безынициативных в ущерб талантливым и самостоятельно мыслящим), в чекистских органах была представлена в максимальной степени. Требования лояльности и послушания возводились в абсолют. Негативно сказывался на качестве чекистских кадров отбор сотрудников преимущественно из рабоче-крестьянской среды, имевших, как правило, начальное образование. Однако малограмотный чекистский аппарат в целом отвечал потребностям карательной политики, поскольку был достаточен для пресечения – зачастую превентивного – политической нелояльности, а большой нужды в реальной контрразведывательной работе не было: Монголия являлась союзным государством, раздробленному Китаю было не до шпионажа, а перед эффективной японской разведкой находился мощный буфер в лице чекистов Дальнего Востока. Многочисленные разоблаченные «шпионы» обычно не имели отношения к зарубежным спецслужбам [6, с. 281].

Методы борьбы с противниками большинство чекистского аппарата унаследовала еще со времен Гражданской войны. «Сам характер службы – не на жизнь, а на смерть – выработал за годы войны у них соответствующие качества: решительность, твердость, жесткость, непримиримость, «красно-белое» видение мира и др. Поэтому, часть чекистов не поняла новой экономической политики. Нэп, повлекший за собой денационализацию многих предприятий и легализацию частного капитала, совершил в их умах хаотический переворот» [7, с. 215]. Неудивительно, что многие работники ОГПУ восприняли этот факт как отход от ре-

волюционных принципов, от завоеваний революции. И как следствие – рост количества самоубийств.

Партийно-политический принцип комплектования кадрового состава был гарантией того, что в ВЧК–ОГПУ не проникнут случайные и ненадежные сотрудники. Штаты формировались преимущественно по классовому принципу. Бывшие сотрудники контрразведывательных органов царской России, дворяне (за исключением профессиональных революционеров), выходцы из других дореволюционных сословий не принимались на службу. Анализируя состав ОГПУ по партийной принадлежности, можно с уверенностью сказать, что органы занимали не последнее место по укомплектованности коммунистами. Например, на 13 апреля 1923 г. в центральном аппарате из 2232 чел. членами партии было 1678 (48,3%), в местных органах из 22485 чел. – 11826 (52,6%) [7, с. 217]. Характерным для советской системы было сращивание партийного и государственного аппаратов. Для продвижения вверх по карьерной лестнице необходимым условием являлась партийная принадлежность. В.Р. Менжинский считал, что не один настоящий коммунист не мог отказаться от работы в ЧК. Существовала практика партийных наборов.

Одним из основополагающих принципов отбора сотрудников было их соответствие рабоче-крестьянскому происхождению. Предпочтение отдавалось солдатам и матросам, выходцам из рабочих, беднейших слоев крестьян. В первые годы советской власти на работу в органы принимались и представители мелкобуржуазных слоев, которые преимущественно использовались на таких должностях, как машинистки, конторские работники, хозяйственные рабочие. Трудно не согласиться с мнением О.М. Санковской, что годы Гражданской войны явились переходным периодом, когда старая структура общества была разрушена, а новая еще не сформировалась. Поэтому при рассмотрении кандидатов при приеме на работу в качестве основного критерия брался показатель социального положения сотрудника на момент его поступления в органы. Вот типичная характеристика работника ОГПУ: «тов. Пакалн Ян Петрович, член партии с 1914 г., происходит из семьи батраков, партбилет №42872. С 1 марта 1924 г. состоит в должности уполномоченного ОГПУ по Хакасскому уезду» [2, л. 12].

Основную группу сотрудников в начале 1920-х гг. составляли преимущественно военнослужащие, причем большинство из них до призыва в армию были выходцами из крестьянской среды. Некоторые из сотрудников в годы Первой мировой войны дослуживались до унтер-офицеров. Так, начальник Хакасского облуправления НКВД Н.П. Хмарин находился в царской армии с 1916 г., где прослужил рядовым, а затем младшим унтер-офицером до декабря 1917 г. [8, л. 2].

Руководители ВЧК–ОГПУ в своей кадровой политике опирались на выходцев из рабоче-крестьянских

семей, считая это гарантией от нарушения социалистической законности своими работниками. В этой связи интересна точка зрения А.Н. Потресова, который подметил, «что пролетарское происхождение меньше всего гарантирует в его обладателе наличность пролетарского духа. Оно легко сочетается с духом совсем не пролетарским и даже антипролетарским, ибо, как полагается всякому марксисту, не сознание определяет бытие, а бытие сознание, и сколько-нибудь длительное пребывание на посту коммуниста «с положением» способно решительно вытравить последние остатки пролетарского сознания» [7, с. 218]. Дела об использовании служебного положения в личных целях работниками ОГПУ, милиции, прокуратуры рассматривались на закрытых заседаниях бюро Хакасского обкома ВКП(б). Нередким явлением среди работников низшего звена в районах было пьянство, присвоение чужого имущества, аморальное поведение. Так, на закрытой части Хакасского бюро обкома от 16 апреля 1934 г. разбиралось одно из таких дел. Второй пункт протокола звучал следующим образом: «Об антипартийном поведении уполномоченного ОГПУ по Аскизскому району т. Бирюкова, члена ВКП (б) с 1925 г. Тов. Бирюков систематически пьянствовал (6 случаев групповых пьянок и как система – индивидуальные выпивки), купив 5 баранов в колхозе, забил на мясо для своего аппарата (сотрудников райотдела ОГПУ), но деньги не взысканы и колхозу за баранов не уплачено. Получил от колхоза жеребенка для райотдела как подарок и на предложение областного отдела ОГПУ о немедленном возвращении, жеребенок был возвращен, но с большой задержкой. Все это явилось фактом явного перерождения, вместо того, что бы вести решительную борьбу и вскрывать подобные факты, Бирюков это скрывал, усугубляя факт подарка жеребенка. Своим поведением он дискредитировал органы ОГПУ и партию» [9, л. 10]. Но разбирательство дел такой направленности было характерно только для низшего звена аппарата.

Особенностью кадровой политики центральных учреждений Советской России, в том числе и ВЧК–ОГПУ явилось привлечение различных национальностей, как в низовых звеньях власти, так и наверху. Это явилось следствием политики большевиков в отношении представителей национальных меньшинств. Имея определенный образовательный уровень и не работая в государственных учреждениях до революции, «инородцы» вписывались в схему комплектования кадров. Например, будущий начальник УНКВД по Хакасской автономной области З.М. Якубсон в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с низового работника выдвинулся на руководящую работу, имея 4 класса образования начального училища в Херсоне. Выходец из еврейской семьи, отец – портной, кустарь-одиночка [10, л. 2]. По подсчетам О.М. Санковской, доля каждого из национальных меньшинств среди руководящего состава

и оперативных сотрудников центрального аппарата ВЧК была более весома по сравнению с долей этих национальностей среди общего числа работников комиссии. На основе анализа национального состава коллегии ВЧК она приходит к выводу, что после июля 1919 г. и до 1922 г. большинство членов коллегии ВЧК составляли представители этнических меньшинств [11, с. 17]. По мнению О. Капчинского, одним из факторов, который обусловил участие в формировании и деятельности ВЧК–ОГПУ поляков, латышей, евреев, было активное участие их представителей в революционном движении. «Однако сотрудничество в ВЧК национальных меньшинств имело и свою специфику, связанную с её функцией расправы с противниками большевиков из числа представителей царской власти, а также с невозможностью службы в ней специалистов дореволюционного сыска.

Угнетение национальных меньшинств при царской власти приводило многих их представителей в ряды революционеров, и соответственно они получали опыт нелегальной и боевой работы, а также знакомились с методами деятельности политического сыска. Имело значение и желание отомстить за своё бывшее бесправие» [12, с. 61].

Одним из направлений национальной политики в 1920-е гг. являлась так называемая коренизация. Её целью было привлечение представителей местных народностей к государственному управлению. Через систему льгот, «национальных наборов» в вузы началась ускоренная подготовка кадров, из которых впоследствии сложилась местная элита, занявшая основные административно-управленческие должности. Анализируя национальный состав органов ОГПУ на территории Хакасского уезда, округа, а затем и области, можно наблюдать следующую картину: поскольку штат был небольшой (первоначально не превышал 5 чел.), то процент национальных меньшинств был незначительным. На 1 января 1928 г. в хакасском отделе ОГПУ состояли 15 чел. Из них 13 мужчин и две женщины 2 [13, л. 22]. На 1 июня 1928 г. численность работающих увеличилась до 16 чел., из них один хакас [17, л. 23].

В качестве сравнения можно привести данные по другому национальному образованию – Бурят-Монгольской АССР. С середины 1920-х гг. там началась целенаправленная работа по набору сотрудников из числа бурят. «Бурят-Монгольский обком ВКП (б) указывал руководству спецслужб на слабую укомплектованность ОГПУ бурятами, которые нужны ОГПУ, дабы их можно было приспособить для работы по линии восточной. С ноября 1924 г. по март 1925 г. Восточное отделение возглавлял П.И. Гедымин. Кроме лам Восточное отделение занималось разработкой бывших ноенов, национальной интеллигенции, мусульманского населения и взаимоотношений бурятского населения республики с бурятской эмиграцией в Монголии»

[14, с. 24–25]. Прасковья Иннокентьевна Гедымин-Тюдешева, хакаска-батрачка. Будучи ученицей Красноярской фельдшерской школы, примкнула к социал-демократическому движению. Бурят-Монгольская АССР являлась приграничной территорией, по площади и количеству населения значительно превосходила Хакасскую АО. Поэтому масштаб и характер деятельности различались. Следовательно, острой нужды в национальных кадрах не было.

В первые годы нэпа в подборе кадров наблюдались трудности. Это было связано с переходом сотрудников на работу в хозяйственные, партийные, советские учреждения, с боевыми потерями, заболеваниями, которые являлись следствием большого напряжения в работе. К тому же служба чекистов проходила на фоне трудных материальных условий. «При низком и не вовремя выплачиваемом денежном содержании они делали многочисленные отчисления для «красных» инвалидов, детских домов, для ликвидации последствий голода, в поддержку бастовавшим немецким и японским рабочим» [15, с. 446–447]. Очень тяжелыми были 1921–1922 гг. Перебои с получением и приобретением продуктов стали обычным явлением. В ряде районов страны летом 1922 г. положение стало критическим. Чекисты ходили плохо одетыми, голодными, утомленными от бессонных ночей. В таком же положении находились и семьи сотрудников. Армейский паек сотрудника Енисейского уездного чека на одного человека в месяц в пересчете с пудов и фунтов составлял: крупа – 2,38 кг, мясо – 3,17 кг, сахар – 1,19 кг, табак – 0,4 кг, спички – 4 пачки [2, л. 10].

С середины 1920-х гг. ситуация начала меняться: в 1923 г. в обращение вошел золотой червонец, были введены твердые оклады, улучшен продовольственный паек, продолжали действовать льготы для служивших в отдаленных районах. Например, использовались следующие тарифные ставки: Ачинский, Минусинский, Канский, а позднее и вновь образованный Хакасский уезд – 50%; Красноярск и Енисейский уезд – 60%, Туруханский край – 80% [2, л. 18]. С 1923 г. размер продовольственного пайка для красноармейцев войск ОГПУ в день был следующим: 307–410 г хлеба, 140 г – мяса, 21,3 г – масла, 4 г – кофе, 16 г – соли [7, с. 229].

С 1923 г. были введены следующие оклады. В центральном аппарате они были несколько выше. Например, председатель ОГПУ на начало 1923 г. получал 225 руб. Такой же оклад по должности получали его заместители, секретарь, начальники управлений, начальники отделов и т.д. [7, с. 229]. Для сравнения можно привести данные о движении выплачиваемых окладов сотрудникам Енисейского губернского отдела ГПУ с января по сентябрь 1923 г. Сотрудники были разделены на три разряда. Низший разряд в январе получал 96 руб., в сентябре уже 5832 руб. Средний – 240 руб. (январь), 14580 руб. (сентябрь). Высший – 368

руб. (январь), 21870 руб. (сентябрь) [16, л. 384]. Как мы видим, оклады сотрудников за 9 месяцев увеличились в несколько раз.

Тем не менее изменения в материальном положении сотрудников происходили медленно. Проанализировав обращения в местные органы власти и парткомы сотрудников ОГПУ по поводу бедственного материального положения, можно сделать вывод о декларативности решений. Так, в своем обращении ПП ОГПУ ЗСК Л.М. Заковский от 15 января 1932 г. председателю западносибирского крайисполкома Грядинскому писал: «Из поступающих с мест сведений видно, что во многих районных пунктах ЗСК сотрудники ОГПУ находятся в чрезвычайно скверных жилищных условиях, в одной комнате живет по несколько человек, в некоторых пунктах даже по две семьи. Причем в своем большинстве квартиры сотрудников недостаточно оборудованы и отремонтированы, имеет место предоставление под квартиры полуподвальных помещений. Естественно, что такие жилищные условия создают очень благоприятные условия для различного рода заболеваний, как среди самих сотрудников, так и членов их семей.

Вполне понятно, что это отражается на работе местных органов ОГПУ. На месте районные исполнительные комитеты (РИКи) зачастую не уделяют этому вопросу достаточного внимания и не принимают мер к улучшению жилищных условий сотрудников ОГПУ, несмотря ни на какие просьбы последних. Наряду с необеспеченностью квартирами работников ОГПУ в «некоторых пунктах весьма неудовлетворительные помещения, занимаемые канцеляриями районных аппаратов, ветхие, требующие ремонта» [17, л. 39].

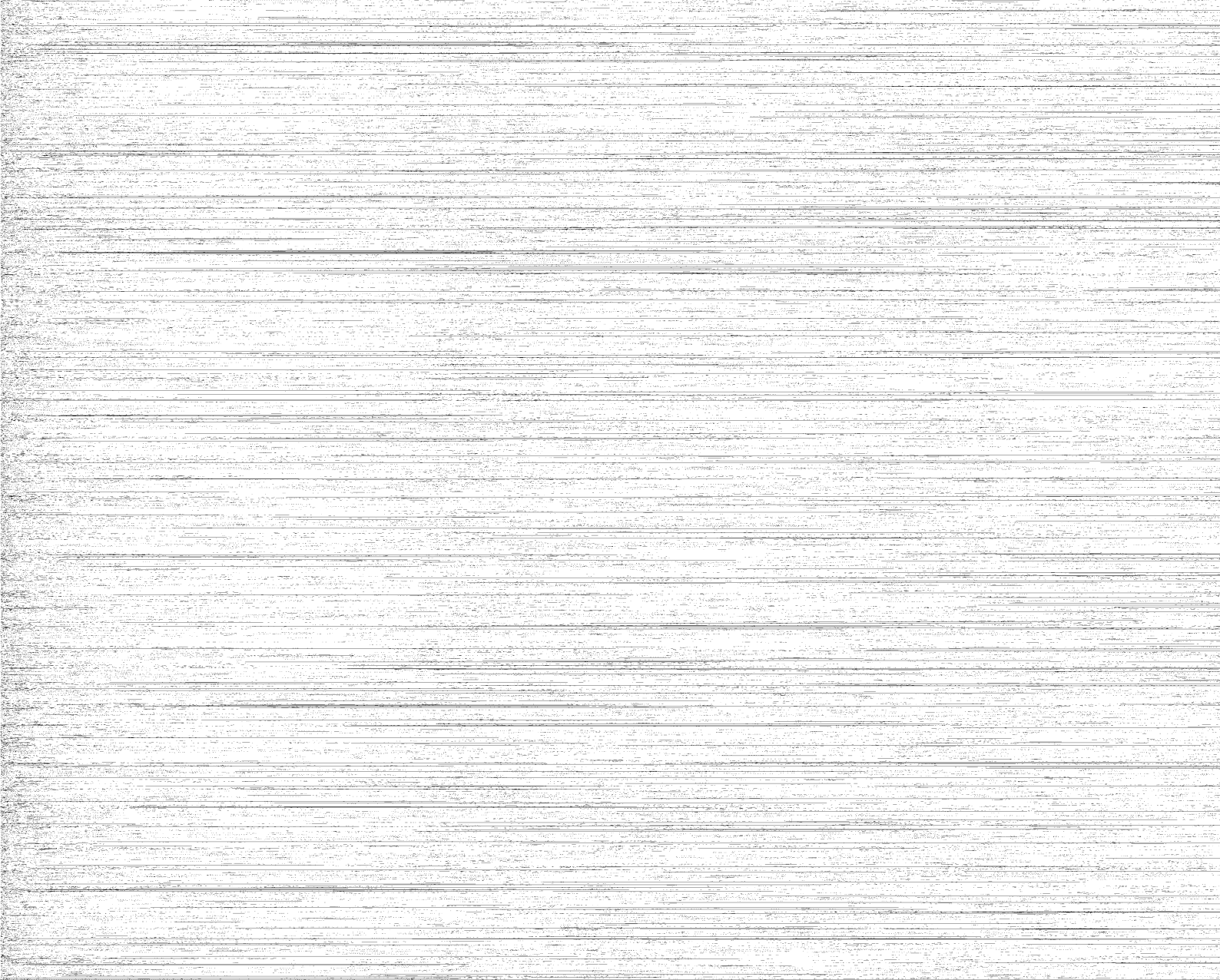
В то же время, как правильно подметил А.М. Плеханов, ОГПУ не было самым «бедным ведомством». Отпускаемые средства в основном шли на ведение оперативной работы и совершенствования чекистско-

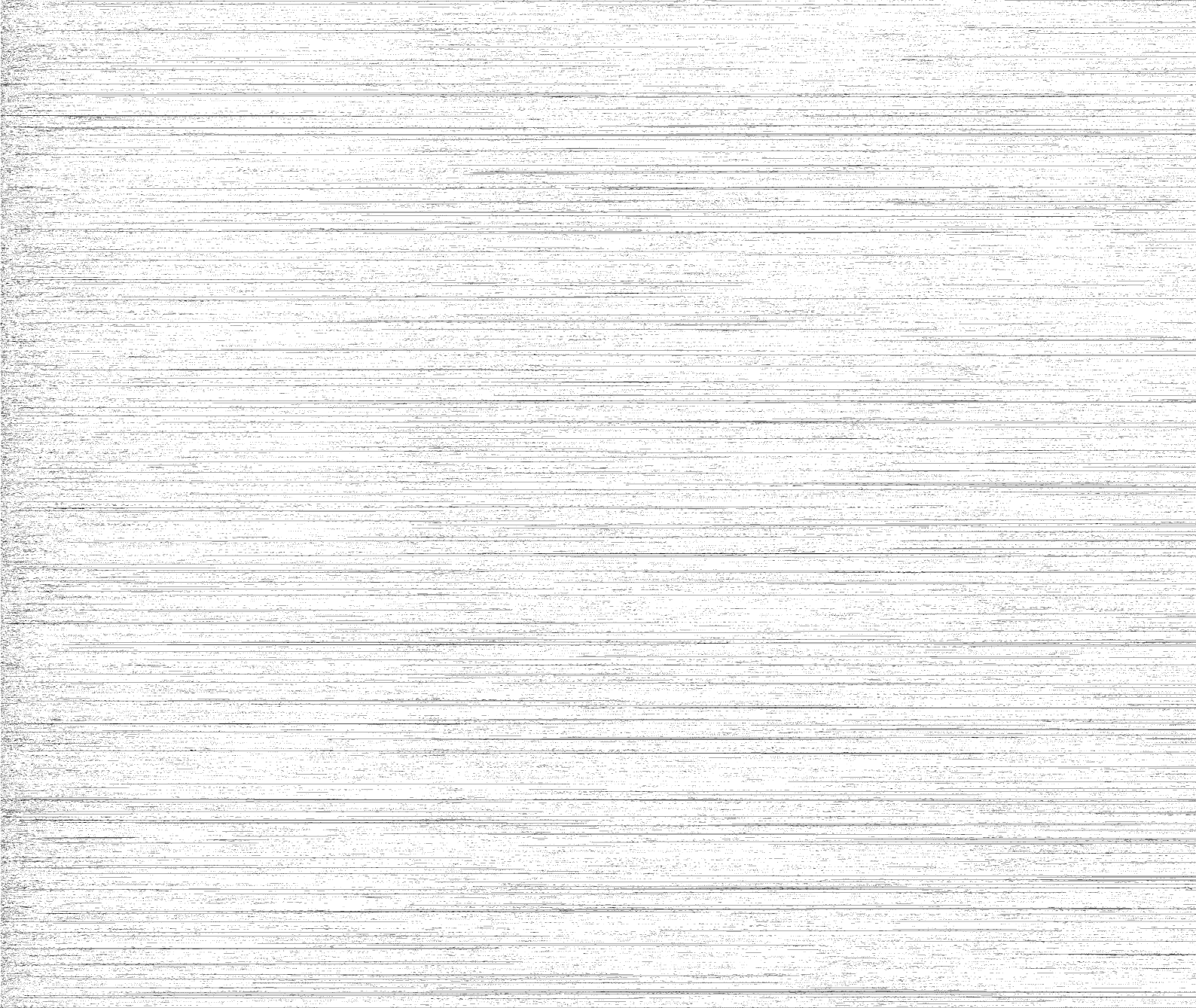
го аппарата. Порой средств, выделяемых из центра, не хватало. В этом случае начальники отделов просили местные органы власти часть расходов взять на себя. Например, хакасский отдел ОГПУ секретную почту отправлял фельдъегерской связью через Минусинск 3 раза в месяц. На содержание курьерской команды требовались средства. По этому поводу 16 января 1924 г. состоялось заседание Енисейской губернской планово-бюджетной комиссии о принятии на местный бюджет содержание курьерской команды связи ГПУ до Минусинска и Енисейска. Смета расходов составляла 241,4 руб. в месяц. Заседание постановило: отклонить как расход, не предусмотренный перечнем расходов, отнесенных на местный бюджет [18, л. 4].

С первых дней своего основания руководящие органы ВЧК–ОГПУ одной из своих главных задач считали подбор и заботу о кадрах. В условиях нэпа нужны были сотрудники, способные работать по-новому, с учетом их идейной убежденности, социального происхождения. Это было гарантией того, что в ряды ВЧК–ОГПУ не проникнут неблагонадежные элементы. Советской власти нужен был орган, который строился на иных принципах, иной кадровой политике, нежели царская полиция. При подборе кадров практиковались партийные мобилизации. Сотрудники принимали на работу руководителями организаций по рекомендации партийных ячеек. На качестве чекистских кадров отрицательным образом сказывался набор сотрудников преимущественно из рабоче-крестьянской среды, имевших, как правило, начальное образование. На содержание чекистского аппарата тратились значительные средства, но они шли в первую очередь на оперативную работу. В то же время материальное положение сотрудников оставалось на довольно низком уровне. В целом работа по расстановке и подбору кадров строилась с учетом задач по обеспечению политики партии.

Библиографический список

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). – Ф. Р49. – Оп. 1. – Д. 380.
2. Отдел документов новейшей истории государственного архива Республики Хакасия (ОДНИ ГАРХ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 24.
3. ГАКК. – Ф. Р1874. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 119.
5. Государственная безопасность России: История и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2004.
6. Тепляков, А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. / А.Г. Тепляков; под ред. Г.А. Бородюгова. – М., 2007.
7. Плеханов, А.М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики. 1921–1928 / А.М. Плеханов. – М., 2006.
8. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 312.
9. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 269.
10. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 338.
11. Санковская, О.М. Формирование кадров ВЧК, 1917–1922 гг. (на материалах центрального аппарата ВЧК) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.М. Санковская. – Архангельск, 2004.
12. Капчинский, О. Мы одной крови... / О. Капчинский // Родина. – 2007. – №12.
13. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 240.
14. Тушемилов, В.К. История ГПУ–ОГПУ Бурят-Монгольской АССР (1923–1934 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.К. Тушемилов. – Иркутск, 2004.
15. Государственная безопасность России: История и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2004.
16. ГАКК. – Ф. Р49. – Оп. 2с. – Д. 96. – Ч. 2.
17. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. 47. – Оп. 5. – Д. 165.
18. ГАКК. – Ф. Р49. – Оп. 2с. – Д. 126.

Дианов Сергей Александрович

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ И ОГПУ-НКВД НА УРАЛЕ В 1920-1930 ГГ.

В статье рассматриваются практики взаимодействия института политической цензуры с органами государственной безопасности на Урале в 1920-1930 гг. Автор утверждает, что местные органы Главлита обладали достаточной самостоятельностью при осуществлении цензурного контроля. Деятельность цензоров не являлась объектом контроля со стороны органов ОГПУ-НКВД. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7): в 3-х ч. Ч. I. С. 56-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Во второй половине XX века к феномену смерти обратились психологи, врачи, которые изучали факты опыта смерти и личностных изменений в психологии людей, перенесших такие состояния «Жизнь после жизни» [8]; «Человек перед лицом смерти», «Надличностное видение: целительные возможности необычных состояний сознания» [4; 5]. Последователи танатологии сопоставили эти переживания с историческим опытом человечества, сохранившемся в шаманизме, ритуалах перехода, мистериях смерти и возрождения, духовном подвижничестве, древних текстах.

Подводя итог работы, отметим, что тема смерти является важнейшей и в наши дни, поскольку её тайна, закрытость, запретность во все времена притягивает своей неотвратимостью, её присутствие обостряет восприятие жизни.

Список литературы

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. 197 с.
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь [Электронное издание]. 680 мб.
3. Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. 509 с.
4. Гроф С. Надличностное видение: целительные возможности необычных состояний сознания. М., 2004. 237 с.
5. Гроф С. Человек перед лицом смерти. М., 2002. 239 с.
6. Исупов К. Г. Трансцендентная эстетика Достоевского // Вопросы философии. 2010. № 10.
7. Лаврин А. П. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. Новосибирск, 2009. 544 с.
8. Моуди Р. Жизнь после жизни. М.: ИД «София», 2004. 240 с.
9. Пушкин А. С. Полное энциклопедическое собрание сочинений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.free-admin.net/library/49463-a-s-pushkin-polnoe> (дата обращения: 06.02.2011).
10. Семёнова В. И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья: автореф. ... дис. докт. культ. наук. Томск, 2006. 47 с.
11. Хейзинг Й. Осень средневековья. М., 1995. 360 с.
12. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: в 5 т. М., 1999. Т. 2. 832 с.
13. Щербатов М. М. Разговор о смертном часе: в 2 т. СПб., 1896. Т. 1.
14. Эпштейн М. Язык бытия у Андрея Платонова // Вопросы литературы. 2006. № 2.

DEATH PROBLEM IN ANCIENT SOURCES, PHILOSOPHICAL THOUGHT HISTORY AND RUSSIAN LITERATURE OF NEW TIME (GENERAL REVIEW)

Eduard Pavlovich Dvornikov, Ph. D. in History, Associate Professor

*Department of Archeology, Ethnology and Source Study
Gorno-Altai State University
dvornikovep@yandex.ru*

In the article the range of the most important written sources of the East and also the views of philosophers and new time Russia literary men which allow considering death problem as human culture phenomenon through thanatology prism are designated on the basis of retrospective approach. The presented materials allow the reader tracing the evolutionary line of attitude to death in different cultural-chronological periods of humanity history.

Key words and phrases: culture; death; thanatology; sepulchral rite; reincarnation.

УДК 94(470.5)«1922/1939»

В статье рассматриваются практики взаимодействия института политической цензуры с органами государственной безопасности на Урале в 1920-1930 гг. Автор утверждает, что местные органы Главлита обладали достаточной самостоятельностью при осуществлении цензурного контроля. Деятельность цензоров не являлась объектом контроля со стороны органов ОГПУ-НКВД. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова и фразы: Урал; Главлит; Уралобллит; цензура; ОГПУ-НКВД; политконтролеры.

Сергей Александрович Дианов, к.и.н., доцент
*Кафедра новой и новейшей истории России
Пермский государственный педагогический университет
dianov-sa@rambler.ru*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ И ОГПУ-НКВД НА УРАЛЕ В 1920-1930 ГГ.©

Несмотря на существование в отечественной исторической науке значительного количества фундаментальных работ, в которых рассматриваются различные аспекты истории советской цензуры, проблема

взаимоотношения двух советских структур остается малоизученной. В среде специалистов нет однозначной оценки по вопросу о взаимовлиянии органов Главлита и ОГПУ-НКВД [1; 2]. В рамках настоящего исследования реконструируем процессы, протекающие между аппаратом уральской цензуры и органами государственной безопасности на Урале.

Еще до создания Главлита в 1922 г. и его местных структур сфера деятельности органов ВЧК-ГПУ включала цензурный контроль. С августа 1920 г. Особый отдел ВЧК сосредоточил в своих руках функции военной цензуры. В условиях Гражданской войны это давало чекистам неограниченные полномочия по контролю над информационным пространством РСФСР. 21 декабря 1921 г. в структуре секретно-оперативного управления ВЧК был создан отдел политконтроля (далее ПК), первоначальной задачей которого стала перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции [11, с. 259]. В феврале 1922 г. ВЧК была упразднена, вместо нее появилось ГПУ - Государственное политическое управление. Отдел политконтроля продолжил свою работу уже в рамках секретно-оперативного управления ГПУ до 1 ноября 1925 г. С этого времени до 5 марта 1931 г. он находился в составе отдела информации и политконтроля ОГПУ, а далее, после реорганизации последнего, был включен в Секретно-политический отдел ОГПУ.

С начала 1922 г. помимо перлюстрации сотрудники ПК вели наблюдение за работой издательств, типографий и книжных магазинов, а также занимались просмотром ввозимых и вывозимых из страны печатных произведений. С 8 марта 1922 г. на отдел ПК и его местные подразделения была возложена задача цензуры зрелищ: контроль за деятельностью театров и филармоний [Там же, с. 260].

Местные органы отдела ПК на протяжении всего 1922 г. выполняли возложенные на них функции политической цензуры. В уездах Уральского региона функцию цензора вплоть до января 1923 г. осуществляли уполномоченные ГПУ [9, с. 26]. После учреждения в уездах должности «улиты» - уездного цензора, первыми инструкторами местных органов Главлита стали уполномоченные ГПУ. Так, в начале февраля 1923 г. уполномоченный ГПУ по Ирбитскому уезду Екатеринбургской губернии направил заведующему уездным отделом народного образования циркуляр следующего содержания: «Прошу срочно прибыть в ГПУ для принятия дел «В» политической цензуры, причем предлагаю взять материал, на основании которого цензура переходит в ведение завед. УОНО» [7, л. 11]. Очевидно, здесь речь шла о передаче полномочий по предварительной цензуре.

При создании же гублитов, обллитов, крайлитов в состав их коллегий, так называемых «троек», обязательно включался представитель ГПУ. Первый руководитель Уралобллит А. Д. Ослоновский в отчете за январь 1923 г. в Главлит писал по этому вопросу следующее: «Руководящая тройка составила из следующих лиц: представителя Екатеринбургского губОНО т. Ослоновского, начальника Политконтроля ГПУ т. Клопова и представителя ПОДИВа 57 зав. агитпропом т. Токарина... нач. Политконтроля послал заместителя тов. Наймушина, который работает в качестве политредактора» [5, л. 16]. В этом же отчете А. Д. Ослоновский, кроме всего прочего, подчеркнул важность присутствия для обллита работников ГПУ. По его словам, Наймушин и его помощник параллельно с выполнением своих служебных обязанностей занимались «последующей цензурой» [Там же, л. 18].

В «Инструкции уездным цензорам» от 17 января 1923 г. Уралобллит впервые обозначил сферы совместной деятельности улитов и уполномоченных ГПУ: надзор за работой уездных издательств, типографий, редакций газет, библиотек и книжных магазинов. Уполномоченные ГПУ были призваны оказывать «техническую помощь» уездным цензорам при изъятии запрещенной литературы и других печатных материалов. Цензор осуществлял предварительный контроль предназначенных к опубликованию или постановке материалов, выписывал предписания и распоряжения. Органы ГПУ выполняли последующий контроль: как исполняются учреждениями и организациями указания цензора. При обнаружении факта нарушения уполномоченный ГПУ уведомлял улит специальным циркуляром. «При ревизии типографий, типо- и хромолитографий, книжных магазинов и складов, библиотек и др. учреждениях органы ГПУ ставят об этом в известность Цензора и по окончании ревизии присылают ему акты», - говорилось в «Инструкции» [7, л. 3 об].

А. В. Блюм, говоря о «технической помощи» ГПУ, отмечает, что она сразу же перешла к прямому и очень жесткому вмешательству в литературу и вообще в книгоиздательские дела. Далее он делает вывод о «руководстве» ГПУ местными цензурными инстанциями [1, с. 105-108]. Позволим себе не согласиться с данным утверждением. Во-первых, на периферии улиты позволяли себе оспаривать право уполномоченных ГПУ производить последующую цензуру. Не только от улитов, но и от гублитов в Уралобллит поступали предложения сосредоточить в руках цензоров весь комплекс полномочий по цензурному контролю. 24 февраля 1923 г. Уралобллит и ПК губотдела ГПУ по Уралу вынуждены были издать по этому поводу специальное распоряжение, в котором органам Главлита запрещалось поднимать, а также обсуждать эту тему [7, л. 35]. Однако этот циркуляр не остановил в среде цензоров подобные суждения. Во-вторых, год спустя, 9 мая 1924 г., отдел ПК полномочного представительства ОГПУ на Урале в своем циркуляре № 3116/с обязал всех своих уполномоченных прекратить работу по «проверке книжного состава» в библиотеках и передать данное полномочие окрлитам [Там же, л. 52]. С этого времени цензурой библиотечных фондов в округах и районах занимались только цензоры Уралобллит [9, с. 27]. В-третьих, следует признать, что в руках уполномоченных ГПУ были такие средства, которые могли способствовать быстрому и эффективному упреждению возможных контрреволюционных «прорывов» в печать. Речь идет, в частности, об аппарате осведомления ГПУ. Посредством сообщений своих агентов, осведомителей органы ГПУ имели наиболее полное представление о ситуации в уезде-округе [10, с. 46-63]. Поэтому если органы ГПУ и вклинивались порой в

деятельность улита, окрлита, то это отнюдь не означало, что они стремились «ущемить» права цензоров. «Оперативная» информация помогала и самим цензорам, особенно при составлении ежемесячных отчетов в обллит.

В феврале 1923 г. Уралобллит сообщил в Главлит о том, что ПК губотдела ГПУ при обследовании своими силами нескольких библиотек г. Екатеринбурга обнаружил и произвел изъятие около 40 книг «эсеровской и меньшевистской литературы». Отмечая этот факт, Уралобллит просил Главлит дать санкцию на производство органами цензуры проверок книжных фондов библиотек по всей области. Причем обллит просил выслать и список «антикоммунистической» литературы, по которому предполагалось проводить реквизиции [5, л. 18 об]. В данном случае уральские «чекисты» провели показательную акцию, тем самым подтолкнув аппарат цензуры к более решительным действиям на своем участке работы. ГПУ не давало уральским цензорам каких-либо директив.

Из губерний и уездов Урала цензоры сообщали в Уралобллит о «хороших» взаимоотношениях с органами государственной безопасности. Так, в отчете за март 1923 г. цензор Ирбитского уезда А. Г. Арыкин писал: «Совместно с Политконтролем ГПУ мною была произведена проверка каталогов библиотеки г. Ирбита, а именно: Центральной библиотеки, Партийной, детской и педагогической. Запрещенных книг по каталогам не обнаружено» [7, л. 51]. Тюменский губернский цензор В. А. Чуканцев-Муромцев в докладной записке в Уралобллит от 1 апреля 1923 г. подчеркивал сложившиеся между его ведомством и органами ГПУ «хорошие отношения». «При обращении к ним Гублита последние всегда идут навстречу, так же как и Гублит, а потому за все время работы никаких неясностей и недоговорок в работе не наблюдалось», - писал цензор [6, л. 30].

В 1924-1925 гг. отношения между аппаратами уральской цензуры и органами государственной безопасности продолжали всесторонне развиваться. С мая 1924 г. Уралобллит обязал окрлиты начать использовать фельдьегерскую связь окружных отделов ОГПУ для ускорения процесса доставки секретной корреспонденции на адрес обллита в г. Свердловск [13, л. 136].

Осенью 1925 г. Уралобллит совместно с полномочным представительством ОГПУ на Урале разработал и разослал на места «Инструкцию о принципах совместной работы литов с органами ГПУ по контролю зрелищных мероприятий». «Все взаимоотношения Окрлитов и ОкрГПУ по контролю увеселительных мест и зрелищ должны быть тесно связаны и полны взаимного доверия», - говорилось в первом пункте «Инструкции» [5, д. 64, л. 40]. И вновь цензорам и уполномоченным ПК ОГПУ разъяснялись процедуры их «совместной» деятельности: окрлит занимается предварительной цензурой, а уполномоченный ПК - последующей. «В случае несоответствия или искаженности исполнения разрешенного текста /выставки, мимика/ представитель Политконтроля составляет немедленно акт о нарушении, привлекая виновных к ответственности по 224 ст. Уголовного кодекса», - отмечалось далее в «Инструкции». Вместе с тем правом закрытия каждой конкретной постановки обладал только Уралобллит. Это нам напоминает известную систему «сдержек и противовесов». Разработка очередной «Инструкции», вероятно, имела цель изжить непрекращающиеся в среде цензурных органов дискуссии об исключении органов ОГПУ из сферы цензурного контроля. На эту мысль нас наводит содержание изданного 3 ноября 1925 г. циркуляра Уралобллита № 2076. В этом документе А. Д. Ослоновский жестко раскритиковал «некоторые» окрлиты, в частности Пермский окрлит, за то, что они часто «возбуждают вопрос о том, чтобы отменить право Политконтроля ГПУ о недопущении к постановке произведений, числящихся за запрещенными» [7, д. 4, л. 12]. Как отмечал Ослоновский, цензоры полагали, что у органов ОГПУ отсутствует право запрещать исполнение произведения, которое допущено к постановке окрлитом «сознательно» или «по ошибке». Во избежание возможного конфликта Уралобллит сформулировал такое правило: уполномоченный ПК имеет право запретить к постановке произведение, если оно фигурирует в рассылаемых Главлитом РСФСР списках как запрещенное. В таком случае окрлит не должен был чинить никаких препятствий. Вместе с тем у политконтролера ОГПУ отсутствовало полномочие наложить запрет на постановку произведения, имевшего визу окрлита, основываясь только на своем убеждении или особом «мнении ГПУ».

В 1926 г. особенно актуальной стала проблема сохранения секретности документооборота между окрлитами и Уралобллитом, отделом печати Уралобкома, Главлитом. На местные органы ОГПУ была возложена задача организации и проведения специального обследования состояния секретного делопроизводства в окрлитах. Результаты обследования к осени 1926 г. повсеместно выявили грубые нарушения цензорами правил хранения секретной документации, ведения регистрационного журнала входящей и исходящей секретной корреспонденции и т.д. Так, в Ирбитском окрОНО отсутствовал сейф для хранения секретных документов. Материалы хранились в выдвижном ящике письменного стола, ключи от которого находились у беспартийной секретаря-машинистки. Секретные документы печатались машинисткой на общей пишущей машинке окрОНО и к ним был открыт доступ. Любой сотрудник окрОНО имел возможность ознакомиться с содержимым секретной почты. В заключение уполномоченный Ирбитского окротдела ОГПУ Н. Елизарьев констатировал факт неудовлетворительной работы окрлита, допуская наличие возможности свободного хищения секретных документов или их безвозвратную утрату [Там же, л. 123]. Подобные нарушения были выявлены в ходе обследования деятельности Кунгурского и Шадринского окрлита [8, л. 111]. 22 декабря 1926 г. Уралобллит совместно с УралОНО издали циркуляр № 178/с, в котором призвали всех окружных инспекторов печати и зрелищ принять все необходимые меры к обеспечению сохранности секретной переписки, вести ее в соответствии с инструктивным материалом Наркомпроса РСФСР [12, л. 11].

В 1927-1930 гг. органы ОГПУ продолжали привлекаться к процедурам обследования деятельности окрлитов. В 1927 г. не только окрлиты, но и деятельность их уполномоченных при редакциях периодических изданий подлежала проверке органов ОГПУ на предмет ее соответствия правилам по хранению секретных

дел. Политконтролеры следили за тем, чтобы по окончании срока своих полномочий редактор вернул весь «секретный» материал в окрлит. В сентябре 1929 г. комплексной проверке подверглась деятельность Курганского окрлита. Комиссия, возглавляемая уполномоченным Курганского окротдела ОГПУ А. Шахановым, выявила массу нарушений. Почти год цензором не велся журнал входящей и исходящей секретной корреспонденции. Все дела секретной переписки не были пронумерованы, были собраны беспорядочно, без соблюдения принципа хронологии. Кроме того, политконтролеры обнаружили факт потери окрлитом ряда секретных документов, как-то: циркуляров Главлита № 194/с, 236/с, 523/с, 1119/с, 92/с, а также военно-экономического и политико-экономического перечней. «Все материалы секретной переписки велись разными лицами без согласования с органами Облита и ОГПУ», - писал А. Шаханов в отчетном акте обследования [3, л. 47]. Факт утраты секретных документов грозил цензору привлечением к уголовной ответственности.

А. В. Блюм утверждает, что в 1929-1930 гг. органы политического сыска стали «подминать под себя» институт цензуры. «Вполне естественно, - пишет он, - такой важный инструмент контроля, как цензура стал полностью подчиняться ГПУ/ОГПУ» [1, с. 112]. У нас нет никаких оснований, чтобы разделить эту позицию. На Урале вплоть до реорганизации Главлита в 1930 г. институт ПК ОГПУ осуществлял полномочия по последующей цензуре в рамках действующего законодательства. Каких-либо конфликтов между Уралобллитом и Политконтролем нами не обнаружено. Проверочные мероприятия, проводимые комиссиями в составе уполномоченных окружных отделов ОГПУ, согласовывались с УралОНО и обллитом. Кроме политконтролеров в состав этих комиссий, как мы можем убедиться, входили и представители самого Уралобллита. К 1931 г. органы Главлита на Урале не ощущали какого-либо довлеющего влияния со стороны органов государственной безопасности.

В 1930-е гг. деятельность органов Главлита на Урале, как и прежде, протекала при активном участии аппарата ОГПУ-НКВД. В отличие от предыдущего периода работа уполномоченных политконтроля приобретала все более закрытый характер. Органы госбезопасности старались не обнаруживать своего присутствия в цензурном деле. В новом «Положении о Главлите» от 6 июня 1931 г. в отличие от «Положения» 1922 г. не было сказано ни слова о месте органов ОГПУ в сфере цензурного контроля. На аппараты облкрайлитов были возложены полномочия по осуществлению последующей цензуры. Вместе с тем при исполнении своих профессиональных обязанностей цензоры, так или иначе, сталкивались с органами ОГПУ.

Главлит все чаще указывал цензорам на группы вопросов, которые подлежали «согласованию» с органами госбезопасности. Цензоры были лишены права самостоятельно решать вопрос о допуске в местную периодическую печать материалов, содержащих сведения о раскрытии органами госбезопасности «вредительских» и других «контрреволюционных» заговоров. Любая информация о так называемых «стройках века» также была строго засекречена. «Главлит категорически запрещает печатать в местных газетах и журналах какие-то сообщения о строительстве Беломорстроя, - говорилось в одном из циркуляров Главлита. - Центральные газеты всю информацию по указанному вопросу передают на согласование в ИНФО ОГПУ» [3, л. 43].

В сентябре 1934 г. начальник Свердловского обллита С. И. Тубанов в своем обращении к горрайлитам предписывал изымать и направлять в органы НКВД представленные к опубликованию материалы, содержащие:

«8. Сведения о работе в системе промышленности лиц, приговоренных Наркомвнутделом (ранее ОГПУ) к концлагерям.

9. Сведения о спецпереселенцах.

11. Сведения об особых полномочиях руководящего состава (право ареста, применения репрессий)» [4, л. 18 об].

Представители ОГПУ обязательно включались в комиссию по уничтожению секретной документации в органах Главлита. Не следует забывать и тот факт, что на каждого цензора обллита в спецотделе ПП ОГПУ на Урале заводилась учетная карточка, анкета с фотографией. К работе с секретной документацией кандидат на должность райлита или горлита допускался только с разрешения органа ОГПУ-НКВД. Так С. И. Тубанов, вызывая летом 1934 г. начальников райлитов в Свердловобллит, требовал от них представления «анкеты, заполненной по форме органов ОГПУ с фотокарточкой» [5, д. 23, л. 50]. Без допуска ОГПУ цензор не имел права брать в руки секретные перечни Главлита.

Нередко должностные лица аппарата уральской цензуры обращались за поддержкой к органам госбезопасности. В феврале 1935 г. в своем отчете в Свердловобллит о результатах обследования работы Коми-Пермяцкого окрлита заместитель начальника обллита П. Н. Плющев писал о выявленном им «полном развале» в работе местных цензоров. Плющев был вынужден обратиться к местным органам власти с просьбой о помощи в устранении выявленных недостатков. В частности, он отмечал: «Заручился поддержкой уполномоченного НКВД т. Малкова об оказании помощи и содействия в работе вновь назначенному окрлиту т. Мехоношину» [13, д. 443, л. 113]. Уполномоченный окружного отдела НКВД дал обещание оказывать окрлиту необходимую информационную и «техническую» помощь.

В середине и второй половине 1930-х гг. органы Главлита на Урале совместно с органами НКВД проводили очередную кампанию по «чисткам» книжных фондов городских, районных библиотек, а также и библиотек партийных комитетов ВКП(б). 10 сентября 1935 г. в докладной записке в Свердловский обком ВКП(б) начальник Свердловобллита С. И. Тубанов отмечал, что уполномоченные обллита и НКВД провели акцию по изъятию в 53 районах Свердловской области и в Коми-Пермяцком автономном округе. «Всего по области изъято 6 636 книг, из них по г. Свердловску 2 295 из 125 библиотек», - писал С. И. Тубанов [Там же, л. 114]. В октябре 1936 г. цензоры и работники НКВД бок о бок трудились, проводя изъятия «троцкистско-зиновьевской» литературы в Краснополянском, Ирбитском и Кунгурском районах Уральской области.

Исследование показало, что «чекисты» оказывали цензорам не только «техническую» помощь, но и информационную, а порой административную. «Чекисты» следили за соблюдением окрлитами и райлитами нормативов секретного делопроизводства. Пути цензоров и уполномоченных ОГПУ-НКВД часто пересекались. Вряд ли имеет смысл утверждать, что политконтролеры ОГПУ никогда не вмешивались в работу цензоров. И цензоры, в свою очередь, нередко брали на себя полномочия политконтролеров. Сложно согласиться с А. В. Блюмом, что в 1930-е гг. «Министерство правды» стало не более чем департаментом НКВД [1, с. 112].

Список литературы

1. Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб., 1994. 320 с.
2. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407.
3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 11.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 547.
7. ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1.
8. ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805.
9. Дианов С. А. «Крепкая узда пролетарской диктатуры на Урале»: органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг. Пермь, 2010. 164 с.
10. Дианов С. А. Политический контроль в Пермском крае в 1919-1929 гг.: монография. Пермь, 2008. 202 с.
11. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
12. МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 15.
13. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64.

RELATIONS OF POLITICAL CENSORSHIP BODIES WITH JOINT STATE POLITICAL DIRECTORATE - PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS IN URAL IN THE 1920-1930S

Sergei Aleksandrovich Dianov, Ph. D. in History, Associate Professor

*Department of New and Modern History of Russia
Perm' State Pedagogical University
dianov-sa@rambler.ru*

In the article the practices of the interaction of political censorship institute with national security bodies in Ural in the 1920-1930s are considered. The author states that the local bodies of General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press had enough independence while censorial control realization. Censors' activity was not the object of control by the bodies of Joint State Political Directorate - People's Commissariat for Internal Affairs. The article is written on the basis of a wide range of sources, part of which is for the first time introduced into scientific circulation.

Key words and phrases: Ural; General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press; Ural Regional Censorial Directorate; censorship; Joint State Political Directorate - People's Commissariat for Internal Affairs; political controllers.

УДК 281.93 + 913 (Заб)

Статья посвящена выявлению уровня финансового благосостояния православных монастырей Забайкалья во второй половине XIX - начале XX вв. На основании анализа материалов Государственного Архива Забайкальского края характеризуются объемы капиталов обителей, поступлений и затрат, в ряде случаев рассматриваются расходы по отдельным статьям. Делается попытка сравнения финансового положения всех монастырей региона. По всем обителям характеризуются источники поступления средств, определяются места их хранения. Выявляются проблемы, возникавшие у монастырей в связи с нехваткой денежных средств и пути их решения.

Ключевые слова и фразы: православие; монастыри; обители; капитал; монашествующие; епархия; Забайкалье; штаты; пожертвования; благотворители.

Евгений Викторович Дроботушенко, к.и.н., доцент

Кафедра политологии

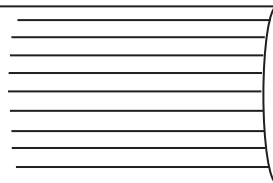
*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского
drzz@yandex.ru*

**ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ МОНАСТЫРЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ЗАБАЙКАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]**

Во второй половине XIX - начале XX вв. на территории Забайкалья одновременно существовало шесть православных монастырей. Мужские: Селенгинский Свято-Троицкий, Посольский Спасо-Преображенский

История России

СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.А. Боева

Сужение функций и полномочий ВЧК-ГПУ в первый год НЭПа

Разгром основных антисоветских сил, сокращение количества вооруженных выступлений внутри страны, упрочение внешнеполитических позиций советского государства, начало преодоления на основе НЭПа экономического кризиса диктовали необходимость реорганизации спецслужбы. Чрезвычайные формы и методы, определённая бесконтрольность чекистских органов времен гражданской войны не отвечали новому этапу в развитии страны. Всё это приводило большевистских лидеров к осознанию необходимости коренной перестройки ВЧК. Намечившиеся перемены в 1921 г. в деятельности спецслужб стали подготовительным этапом для серьёзной реформы ВЧК.

Ключевые слова: ВЧК-ОГПУ; НЭП.

Из гражданской войны советское общество вышло с тяжелым наследием. Ожесточение, накопленное за годы, не могло сразу уйти в прошлое. Чтобы как-то ослабить напряженность, в январе 1920 года. Постановлением ВЦИК и СНК было отменено применение высшей меры наказания (расстрела). При этом важно отметить, что такой акт был принят по предложению председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского¹.

Однако, уже в мае 1920 г. ВЦИК и Совет Труда и Оборона (СТО) приняли Постановление об образовании при СТО коллегии в составе ее председателя В.А. Аванесова (секретарь ВЦИК) и членов В.А. Антонова-Овсеенко (член РВС Республики) и С.А. Мессинга (член коллегии Московской ЧК). В Постановлении указывалось, что ВЧК и тем ее органам, которые будут на это специально уполномочены означенной коллегией, предоставляются права военных революционных трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики (взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при проведении охраны военных складов и других военных мероприятий)².

Данное Постановление расширяло сферу осуществления красного террора, полномочия органов ВЧК внутри страны и в тылу Красной Армии. Выс-

шая мера наказания — расстрел, отмененная ВЦИК и СНК 17 января 1920 г., вводилась вновь.

В конце 1920 г. руководство ВЧК ограничило смертные приговоры. 24 декабря 1920 г. ВЧК запретила всем губЧК приведение в исполнение приговоров о высшей мере наказания без санкции ВЧК за исключением приговоров по делам об открытых вооруженных выступлениях. Было рекомендовано отменить высшую меру наказаний по всем политическим преступлениям за исключением террористических актов и открытых восстаний, но в области уголовных преступлений ВЧК считало необходимым применять высшую меру наказания к бандитам и шпионам³.

Но, несмотря на рекомендации ВЧК, массовые расстрелы продолжались и в 1921 г. Так, в Ораниенбауме часть красноармейцев отказалась идти в наступление на мятежный Кронштадт, и тройка в составе М. Разина, С. Медведева и И. Сотникова вынесла решение о расстреле каждого пятого⁴. В начале 1920-х гг. Советская власть не отказалась от расстрелов. Чаще всего они применялись неоправданно, служили мерой устрашения по отношению к противникам большевистской власти. Наряду с расстрелами продолжал действовать варварский институт заложников. Несмотря на то, что система заложничества была отменена в 1922 г., она продолжала действовать и в середине 1920-х гг.

Значительная часть заложников содержалась в концлагерях, большинство из которых было создано в местностях, охваченных повстанческим движением. Только в Тамбовской губернии такие лагеря были в Борисоглебске, Козлове, Кирсанове, Моршанске, Сампуре, Тамбове и др. на 15 тысяч человек⁵.

Нередко террор трактуется как временная беда, которой отмечены пройденные этапы истории страны. Но как показала дальнейшая история, это не просто явление, а тяжелая болезнь общества, которая присуща ему при переломном развитии. Как видим, в начале 1920-х гг., даже после окончания гражданской войны, террор против собственного народа не прекратился.

Что касается статистики террора и репрессий в России в 1920-х гг., эта проблема остается довольно сложной, в связи с тем, что точных данных о терроре нет. Так, например, сохранились определенные цифры и данные по лицам, осужденным по 58-й статье УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик. Возможно эти данные вызывают определенные сомнения, но, на наш взгляд, в целом они отражают общие тенденции того времени. Главный учет по лицам, осужденным за «контрреволюционные преступления», велся теми органами ВЧК-ГПУ, ОГПУ, НКВД, которые непосредственно осуществляли репрессии⁶. Согласно опубликованным данным, только органами ВЧК за 1921 г. были арестованы около 200,3 тыс. человек из них 76,8 тыс. — за «контрреволюционные преступления». Более 35,8 тыс. человек были осуждены, из них 9 701 человек приговорены к высшей мере наказания. В 1922 г. были арестованы 119,3 тыс. человек (за контрреволюционные выступления — 45,4 тыс.), осуждены 6 тыс. человек, расстреляны 1 962. Общее число расстрелянных только за 1921 и 1922 гг.

составило 11 663 человека. И это далеко не все данные. Были и суды, и военные трибуналы, которые также осуждали людей.

Время настоятельно требовало прекращения террора. Закончившаяся гражданская война позволяла это сделать. Рекомендации центральных органов ВЧК о прекращении применения чрезвычайных мер и высшей меры наказания не везде воспринимались как серьезные указания. Только законодательно можно было изменить порядок вещей. А реализовать это было возможно в ходе реформы ВЧК, которая могла бы отменить «чрезвычайщину». Это и стало одной из важнейших причин проведения реформы ВЧК.

Однако военная победа Красной Армии в Гражданской войне не привела к воцарению гражданского мира в России. Социальное, экономическое и политическое положение в стране оставалось крайне напряженным. Противостояние в обществе, выражавшееся в массовых крестьянских восстаниях, бунтах, вооруженных выступлениях в армии и даже антибольшевистских выступлениях «победившего пролетариата», продолжалось.

Большевикам требовалось любой ценой стабилизировать социально-политическую ситуацию в стране. Причем это был вопрос жизни или смерти не только Советской власти, но и большевистской партии.

Именно здесь кроется причина и главное объяснение теоретической проработки и практической реализации нэпа, ликвидации продразверстки и введения продналога, отмены хлебной монополии и допущения экономической многоукладности и частнопредпринимательской деятельности в Советской России. Но непоследовательность и силовые способы проведения нэповских преобразований вызвали весной и осенью 1921 г. волну массовых казачьих и крестьянских выступлений в Центральном районе, на Северном Кавказе и в Сибири⁷, что в свою очередь, представляло угрозу утраты власти. Несмотря на то, что противостояние различных политических сил продолжалось, а развитие страны в 1920-х гг. шло от одного кризиса к другому, нэп все-таки позволил несколько сгладить противоречия.

Новая экономическая политика оказала благотворное влияние на политическую ситуацию в стране. Постепенно пошли на убыль крестьянские восстания. В 1921 г. были подавлены последние вооруженные выступления в ряде районов на Украине. В августе этого же года перешел Днестр и сдался румынским властям Махно. В 1922 г. потерпели поражение белогвардейцы на Дальнем Востоке. Большевики по всей стране укрепляли свою власть. Изменения, происходившие в стране, объективно уменьшали сферу деятельности ВЧК. Это обстоятельство учитывало руководство РКП (б). Отсюда высказанная после окончания гражданской войны рекомендация В.И. Ленина — провести «ряд перемен в нашем политическом строе»⁸.

На позицию большевиков по реформированию ВЧК влияло и то, что чрезвычайные комиссии практически во многих местах страны стали бесконтрольны. Так, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин жаловался В.И. Ленину,

что действия чекистов на Черноморско-кубанском побережье приводят к ряду конфликтов с Америкой, Германией, Персией, Турцией. «3 августа в Армави-ре агенты ВЧК арестовали дипломатического курьера турецкого посольства Феридуна-Бея и вскрыли печати его дипломатических вализ, причем обращались с ним самым недопустимым образом. Еще худшему обращению подвергся ранее там же сотрудник турецкого посольства Иззет-Измет... Черноморские чекисты ссорят нас по очереди со всеми державами, представители которых попадают в район их действий. «Политически невоспитанные агенты ЧК, облеченные безграничной властью, не считаются ни с какими правилами», — пишет Г.В. Чичерин. В.И. Ленин отвечает: «Арестовать паршивых чекистов и привезти в Москву виновных, и их расстрелять»⁹.

Характерен еще один эпизод с арестом германского кинематографиста Бартельса по инициативе ЧК. На этот арест последовала незамедлительная реакция Политбюро ЦК РКП (б). Обсудив этот вопрос на заседании, Политбюро постановило «строжайше наказать тех ответственных чекистов, которые помимо главы соответствующего ведомства — т. Чичерина произвели обыск и арест Бартельса»¹⁰. Бартельс был отпущен, и немецкой стороне были принесены официальные извинения. Кроме того, по предложению Л.Д. Троцкого, Политбюро приняло Постановление об инструктировании органов ВЧК в отношении иностранцев и предписало привлечь к суровой ответственности тех чекистов, которые их нарушают и «руководствуются методами 18 года».

Столь бурная реакция объяснялась не только стремлением большевистской верхушки к развитию отношений с Германией, но и взятым курсом на установление экономических и дипломатических отношений с капиталистическими державами. Это был своего рода «сигнал» Западу о готовности России к налаживанию взаимоотношений. Таким образом, и внешний фактор стал основанием для проведения реформы ВЧК.

Чтобы понять все причины реорганизации, напомним и об отношении к ВЧК со стороны советской общественности и особенно партийно-государственной элиты. Это отношение было далеко не однозначно. У значительной части большевиков, а уж тем более у беспартийной общественности, сохранялась определенная настороженность к ВЧК, поэтому в периоды смягчения обстановки выдвигались опасения по поводу ее бесконтрольной и самоуправной деятельности.

И у В.И. Ленина во взглядах на деятельность ЧК появились новые акценты. Уже с марта и, особенно с мая, 1921 г. он все чаще стал интересоваться судьбой арестованных (особенно «буржуазных специалистов»). Пытался выяснить мотивы арестов, а порой и прямо требовал их освобождения, или же возвращения имущества, пропуска за границу и т.п. Все чаще сталкивался с тем, что осмелевшие и твердо верившие в свою правоту чекисты, далеко не всегда беспрекословно выполняли его указания. Разумеется, превышение служебных полномочий, самоуправство, бесконтрольность в деятельности

ВЧК не могли устраивать руководство ЦК РКП (б). И это также подталкивало лидеров большевиков к проведению реформы ВЧК.

Но еще до реорганизации спецслужбы, в начале 1920-х гг. была сделана попытка сузить права всемогущей ВЧК, ликвидировать «чрезвычайщину».

В соответствии с новыми условиями и задачами в первый год нэпа перестраивается работа государственного аппарата, содержание и методы его деятельности. Новые экономические отношения, повторимся, требовали изменения карательной политики Советской власти, форм подавления контрреволюции. Определенная стабилизация оперативного положения и спад угрозы возобновления гражданской войны диктовали необходимость отказа от режима «чрезвычайщины», требовали изменения методов работы чекистских органов применительно к новому этапу развития республики. «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского общества, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков»¹¹, — вот, что заявлял лидер большевиков в 1921 г. Поэтому с переходом к нэпу активизировались поиски в области права, укрепления законности, наметилась тенденция к сокращению и смягчению насильственных мер.

Необходимость ограничения полномочий ВЧК и сужения рамок ее деятельности признавалась и руководством ВЧК и самим председателем этого ведомства. В январе 1921 г., сразу после окончания гражданской войны, Ф.Э. Дзержинский писал в ЦК РКП (б), что применение высшей меры наказания — расстрела можно сейчас отменить по всем политическим преступлениям, за исключением «террористических актов и открытых восстаний, а также наиболее опасным должностным преступлениям»¹². В письме к Г.Г. Ягоде он в частности пишет: «не подчеркивать прав и власти ЧК... Я считаю вообще опасным если Губчека или особые отделы будут думать, что они только соль земли»¹³. А в приказе своим местным органам Ф.Э. Дзержинский доказывал, что в новых условиях нельзя действовать прежними методами: «Грубые признаки различения на своего или не своего по классовому признаку — кулак, бывший офицер, дворянин и прочее — можно было применять, когда советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу... Нужно иметь в руках явные улики, конкретные данные», но «само собой понятно, что расправа с пойманными, уличенными саботажниками должна быть беспощадна»¹⁴. Считая, таким образом, оправданными беззакония на основе «классового признака», расправы предшествующего периода, председатель ВЧК предлагает отказаться от такого подхода в 1921 г. И в последующем 1922 г. Ф.Э. Дзержинский предлагает «ограничить судебные функции до максимума. Обязать ВЧК просматривать все приговоры местного ЧК. Сохранить контроль Ревтрибунала над следственным производством МЧК (и соответственно Военного Трибунала над ВЧК)»¹⁵.

Также была предпринята попытка отказаться от внесудебных репрессий ВЧК и передать все дела в народный суд, обратить особое внимание на вопросы по-

литического характера, прежде всего на обеспечение безопасности государства и общества. Этому способствовало принятие ВЦИК декрета «Об объединении всех революционных трибуналов республики» (23 июня 1921 г.)¹⁶. В качестве единого органа надзора за действовавшими на территории РСФСР трибуналами, а также судебными учреждениями при ВЦИК был создан Верховный трибунал.

В 1921 г. ЦК РКП (б) создал комиссию по пересмотру карательной политики Советского государства, в которую вошли представители ВЧК, НКЮ, Ревтрибунала республики, ВЦСПС (Ф.Э. Дзержинский, Н.В. Крыленко, В.В. Куйбышев, П.Б. Саврасов и др.) Эта комиссия предложила пересмотреть дела всех попавших в места заключения в годы гражданской войны¹⁷.

21 марта 1921 г. был принят Декрет СНК «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных». Такое освобождение распространялось на всех заключенных, невзирая на их принадлежность к тому или иному классу.

9 и 11 ноября 1921 г. СТО, а затем Политбюро поставили вопрос о сокращении штатов ВЧК. 10 и 15 ноября 1921 г. Совнарком¹⁸, обсудив вопрос о надзоре «за следствием», поручил разработать нормы, регулирующие взаимоотношения ВЧК и Наркомюста и устанавливающие надзор НКЮ за следственным аппаратом ВЧК, для чего была создана комиссия в составе Ф.Э. Дзержинского, Л.Б. Каменева и Д.И. Курского. Среди ее членов начались разногласия. Ф.Э. Дзержинский выступил против сколько-нибудь серьезных сокращений ВЧК. При существовавшем штате в 105 тысяч человек он предлагал определить новый штат ВЧК в 100 тысяч и 25 тысяч резерва. На заседании Политбюро 25 ноября 1921 г. было принято предложение Л.Б. Каменева и Д.И. Курского — 90 тысяч человек и 15 тысяч резерва¹⁹.

Происходившие в 1921 г. перемены в главных направлениях и методах работы органов ВЧК, их структуре и кадровом составе стали подготовительным этапом для серьезной перестройки. Работа по разработке реформы ВЧК началась по инициативе В.И. Ленина в ноябре 1921 г.

L.A. Boeva

Limiting the Functions and Prerogatives of the VCHK-OGPU in the First Year of the NEP

Defeat of anti-Soviet forces, decrease of the number armed attacks within the country, strengthening of foreign policy positions of the Soviet state, starting to overcome the general crisis on the basis of new economic policy dictated the necessity to reorganize specialized service. Extreme forms and methods, certain lack of control over corresponding bodies during the Civil war did not correspond to a new stage of country development. All these facts led the bolshevist leaders to realize that radical reorganization of VCHK was badly needed. Emerged changes in the activities of specialized service turned out to be a preparatory stage for serious VCHK reform.

Keywords: VCHK-OGPU; NEP.

Примечания (Endnotes)

- ¹ Декреты Советской власти. – Т. VII. – М.: Политиздат, 1957. – С. 104–105.
- ² *Коровин В. В.* История отечественных органов безопасности / В.В. Коровин. – М.: Норма-Инфра, 1998. – С. 118.
- ³ В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов. – М.: Политиздат, 1987. – С. 380.
- ⁴ *Плеханов А. Н.* Деятельность органов ВЧК-ГПУ в первой половине двадцатых годов (1921–1925 гг.): Автореферат дис. ... докт. ист. наук. – М., 1995. – С. 13.
- ⁵ Литературная Россия. – 1990. – 30 ноября. – С. 19.
- ⁶ *Попов В. П.* Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. (источники и интерпретация) / В.П. Попов // Отечественные архивы. – 1992. – № 2. – С. 26.
- ⁷ См.: Россия 20-х годов уходящего столетия: Тезисы Первой Всероссийской заочной научной конференции / Научн. ред. С.Н. Полторака. – СПб.: Изд-во «Нестор», 1995. – С. 25–28.
- ⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 343.
- ⁹ *Ленин В. И.* Известные документы. 1891–1922 / В.И. Ленин. – М.: Росспэн, 1999. – С. 476–479.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 219. Л. 3–4.
- ¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 44. – М.: Политиздат, 1970. – С. 329.
- ¹² В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сборник документов. – М.: Политиздат, 1975. – С. 380–381.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 3. Д. 134. Л. 5.
- ¹⁴ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): Сб. док. – М.: Изд-во ВШ КГБ, 1958. – С. 418–420.
- ¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. №177. Л. 67.
- ¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – М.: НКЮ, 1921. – № 51. – С. 294.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 12.
- ¹⁸ В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сборник документов. – М.: Политиздат, 1987. – С. 498.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 35. Л. 1.

УДК 355(091)

А.Б.ШУЛЬЖЕНКО

Борьба органов ОГПУ советского Дальнего Востока с иностранными спецслужбами в 20-х годах XX в.

Анализируются задачи, стоящие перед органами государственной безопасности после окончания Гражданской войны и иностранной интервенции 1918–1922 гг. Рассматриваются мероприятия, направленные против разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, действующих на Дальнем Востоке и в приграничных районах Китая, особое внимание уделено противодействию разведке Японии.

Ключевые слова: госбезопасность, контрразведка, Дальний Восток, эмиграция, терроризм, Китай, Япония.

The struggle of the Main Department of Political Administration with the foreign secret service activity in the 20s of the XX century. A.B.SHULZHENKO (Blagoveshchensk State Pedagogical University).

The detailed characteristic of economics, home policy and international situation in the Far East after the Civil War and foreign intervention of 1918–1922 is provided.

The tasks faced by the Soviet state security at the territory of the Russian Far East and neighboring China are studied. A special attention is paid to counteraction of the Main Department of Political Administration to the Japanese secret service.

Keywords: state security, counter-intelligence, Far East, emigration, terrorism, China, Japan.

25 октября 1922 г. войска Народно-революционной армии заняли Владивосток – Гражданская война завершилась. Народное собрание Дальневосточной республики (ДВР)¹ обратилось во ВЦИК с просьбой включить республику в состав РСФСР. 16 ноября было принято соответствующее решение об образовании Дальневосточной области (с 1926 г. – Дальневосточный край).

Однако и с установлением советской власти политическая обстановка на этой территории оставалась напряженной. Япония, ее правящие милитаристски настроенные круги и высшее военное командование не расстались с желанием утвердиться на материковой части Азиатского континента и заявить о своих территориальных притязаниях к соседним государствам. В Маньчжурии, вдоль границы с Россией и линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), укрылись остатки семеновских и каппелевских войск. На Охотоморском побережье и на Камчатке при поддержке Японии продолжали действовать отряды белогвардейцев под командованием Бочкарева, Бирича, Пепеляева. В этих условиях советскому правительству было необходимо создать в регионе структуру, обеспечивающую защиту государства от внутренних и внешних угроз. В ноябре 1922 г. государственную политическую охрану ДВР, выполнявшую контрразведывательные

ШУЛЬЖЕНКО Александр Борисович – аспирант (Благовещенский государственный педагогический университет). E-mail: hilab@mail.ru

¹ «Буферное» государство, созданное по инициативе советского правительства для предотвращения захвата Японией восточной части территории России.

функции, без какой-либо реорганизации полностью включили в систему ГПУ, а уже 3 февраля 1923 г. были организованы губернские, уездные, пограничные и особые органы ГПУ и его полномочное представительство по Дальневосточной области во главе с Л.Н.Бельским (рис. 1, 2) (Оперативный архив УФСБ России по Омской области, далее ОА УФСБ ОО. Ф. 108, оп. 6, д. 13, л. 24–25).

В нашей статье мы попытаемся проанализировать меры, принимаемые новой властью для защиты дальневосточных рубежей от иностранных спецслужб. Нужно отметить, что данная тема в последнее время привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Среди публикаций общероссийского плана выделяются монографии В.Н.Усова [7], Н.Е.Абловой [1], К.Е.Черевко [8], деятельность дальневосточных разведслужб рассматривают и дальневосточные историки С.Николаев [3], А.Показаньев [5], подобного плана доклады звучат на конференциях по истории дальневосточных органов безопасности [4]. Однако во всех названных работах рассматриваются в основном зарубежные органы госбезопасности.

Дальневосточные чекисты, используя опыт, работанный госполитохраной ДВР и коллегами из западных регионов страны, с первых дней активно включились в борьбу с контрреволюцией. Область занимала огромное пространство – 12,5% Советского Союза, государственная граница территории имела протяженность 19,5 тыс. км, из них 4,5 тыс. по суше, а 15 тыс. км – по морю. Разобщенность хозяйственных центров была вполне объяснима: расстояние между городами составляло несколько сотен, а в отдельных случаях – тысяч километров. Национальный состав населения (2,1 млн чел.) был чрезвычайно пестрым (более 100 народностей), постоянно проживало более 150 тыс. иностранцев, а на сезонные работы летом их прибывало еще более 25 тыс. чел.

Основу экономики региона составляли естественные ресурсы и сельскохозяйственное производство, а также экспортные отрасли: рыбная, нефтяная, угольная, лесная. Большие расстояния между городами, пограничное положение области создавали серьезные транспортные проблемы. Многие населенные пункты имели сообщение только по воде, и то лишь в летнее время. Ситуация усугублялась тем, что КВЖД, по которой перевозилась значительная часть грузов из центральной России во Владивосток, проходила по территории Китая.

В 1920-х годах органами Погранохраны ОГПУ (принятая в то время аббревиатура – ПП ОГПУ) при незаконном переходе границы (зачастую это были так называемые вооруженный пронос контрабанды и прорыв банд) ежегодно задерживалось более 20 тыс. чел. Большое влияние на жизнь региона оказывало «хунхузничество» – различного рода

Рис. 1. Л.Н.Бельский – полномочный представитель ПП ГПУ (ОГПУ) по ДВО (ноябрь 1922–октябрь 1923 г.)

Рис. 2. А.П.Альпов – полномочный представитель ПП ОГПУ по ДВО (октябрь 1923 г.–февраль 1926 г.)

преступления, совершаемые организованными, как правило, вооруженными, группами китайцев. Среди причин его возникновения были наличие в крае посевов мака и большого количества безработных китайцев, которые стремились принять участие в «опийной кампании». Большую роль в организации шаек и снабжении их «кадрами» играли притоны, которые были во всех округах области, а также в Китае.

В отличие от других регионов Союза, бандитизм на советском Дальнем Востоке до 1930 г. был преимущественно «закордонного» происхождения. Основной базой формирования банд являлись Маньчжурия, Хайлар, Пограничная, Мулин (станции КВЖД). Главный контингент составляли остатки белых армий, изредка – эмигранты, главным образом забайкальские казаки, бежавшие за рубеж после установления советской власти [2].

На организацию работы органов госбезопасности повлияла русская эмиграция в Китае, насчитывавшая, по разным оценкам, от 250 тыс. до 500 тыс. чел. [1], в основном это были участники белых армий, осевших в северной Маньчжурии. С самого начала среди эмигрантских вождей начались раздоры, организовались группировки, враждовавшие между собой. Внутренние экономические затруднения в СССР во второй половине 1920-х годов породили у русских, живущих в Китае, надежды на возможность возобновления вооруженной борьбы с Советской Россией. К этому периоду относится и назначение главой русской эмиграции генерала Д.Л.Хорвата, который приступил к объединению различных группировок, на эту акцию китайцы и особенно японцы выделяли значительные денежные суммы.

Эмигрантским центром был Харбин, где размещалось более 40 организаций и группировок (рис. 3). Формально оставаясь самостоятельными, они входили в более крупные объединения (наиболее многочисленные – Российский общевоинский союз, далее РОВС, Русское национальное объединение, Беженский комитет, Союз офицеров) [6].

Особого внимания заслуживали вооруженные семеновские группировки, сохранившие военизированную структуру. Практически не проявлявшие себя ни в чем с момента ухода в Китай, семеновцы с 1927 г. объединяли свои вооруженные отряды при почти открытой поддержке японцев. Центр их деятельности в этот период сосредоточился на

Рис. 3. КВЖД. Вокзал в Харбине. Примерно 1917–1922 гг.

западной ветке КВЖД, вблизи станции Хайлар и района Трехречья. Семеновцы ставили перед собой следующие задачи: организацию баз для хранения оружия, отбор «лучшей» части казаков в качестве ядра формирований, популяризацию имени атамана Г.М.Семенова и активную борьбу с генералом Д.Л.Хорватом. Япония подталкивала эти организации к выступлению против СССР. Одновременно японцы создали Монгольское торгово-промышленное общество, задачами которого были усиленная разведывательная работа, нацеленная на Россию, и переброска оружия в районы сосредоточения семеновцев.

Основной структурой, через которую разведка Страны восходящего солнца осуществляла антисоветскую и подрывную деятельность с территории Китая и Маньчжурии, были японские военные миссии (ЯВМ)². Однако ко времени утверждения новой власти на Дальнем Востоке их основной задачей стала разведка против СССР и «воспитание» его народов в прояпонском духе. Деятельностью всех организаций руководила ЯВМ в Харбине, которая к концу 1920-х годов превратилась в крупнейший разведывательный орган и работала под руководством второго отдела японского Генштаба. Начальник отдела полковник Камацубара неоднократно отмечал важность харбинской ЯВМ и подчеркивал ее ведущую роль в разведке против России (ОА УФСБ ОО. Ф. 65, оп. 1, д. 99, л. 64).

Несмотря на соглашение 1924 г. между СССР и Китаем о совместном советско-китайском управлении КВЖД, этот район превратился в арену ожесточенной борьбы, сложный узел международных противоречий. Воплощение в жизнь соглашения и последовавшая за ним работа над Мукденским договором проходили с большими трудностями, многие из статей этих документов так и остались на бумаге – в основном из-за постоянного вмешательства в дела КВЖД дипломатических представительств Японии, США, Франции, Англии [1].

Вторая половина 1920-х годов характеризуется активной деятельностью разведок западных держав в районе линий КВЖД и на советском Дальнем Востоке. В этих условиях, решая приоритетные задачи по усилению охраны границы, противодействию бандитизму, поддержанию правопорядка, Полномочное представительство ОГПУ по Дальневосточной области вело активную работу за рубежом, в первую очередь в японских разведорганах и эмигрантской среде, а также контрразведку на советской территории. Дальневосточные чекисты добивались результатов, которые значительно затрудняли деятельность иностранных разведок и антисоветских организаций (рис. 4).

Одним из ярких примеров является операция «Маки-Мираж» [3], в ходе которой была парализована работа одной из японских резидентур, действовавших с территории Маньчжурии. Начало противостоянию было положено в августе 1924 г., когда в китайском г. Сахалин, расположенном на берегу Амура напротив Благовещенска, было учреждено японское консульство во главе с разведчиком Симамура. Консульство использовалось для организации активной разведывательной деятельности против России, диверсионных и террористических актов, организации выступлений крестьянства против советской

Рис. 4. Ф.Д.Медведь – полномочный представитель ПП ОГПУ по ДВК (февраль 1926 г.–декабрь 1929 г.)

² Этот термин появился в 1917 г., когда ЯВМ были лишь дипломатическими представительствами [4].

власти, распространения антисоветской литературы, фальшивых денег и т.д. К деятельности активно привлекали перебежчиков из СССР в Маньчжурию: лиц русской, китайской, корейской национальностей, народов Севера, а также контрабандистов, для снабжения которых консульство имело специальный фонд дефицитных товаров.

Японские кадровые разведчики, действовавшие в г. Сахалин под прикрытием (в качестве крупных предпринимателей, врачей, парикмахеров), оказывали психологическое давление на перебежчиков из СССР, добывая информацию о составе и численности войск в Хабаровске, Благовещенске, на станции Бочкарево (в настоящее время Белогорск), характере перевозимых по железной дороге грузов, экономическом положении региона, настроении населения. Затем наиболее активным давали несложные задания, в частности по вывозу из СССР семей и родственников белоэмигрантов, проживающих в Маньчжурии.

В результате внедрения органами ГПУ в японскую резидентуру агентов «Карпова» и «Летова» были добыты подлинные японские документы (доклады в центр о разведывательной работе, записные книжки и т.д.). В последующем «Летов» настолько вошел в доверие к Симамуре, что тот стал давать ему поручения по вербовке агентуры на советской территории, налаживанию переправ, подбору курьеров, явочных квартир, делился своими планами активизации разведывательной работы против СССР по указаниям японского генштаба. В ходе оперативной игры через «Летова» японской разведке была подставлена группа наших агентов с легендой о существовании шпионской организации, деятельность которой направлена на Хабаровск. К началу 1930-х годов под контролем чекистов находилась вся резидентура японской разведки в китайском и советском городах Сахалин и Благовещенск.

Операция «Маки-Мираж» велась на протяжении 13 лет. За этот период арестовано свыше 50 японских агентов, большое количество контрабандистов и нарушителей государственной границы. За «информацию», переданную органам ОГПУ, японцы переправили через связников для вознаграждения «своей» агентуры более 82 тыс. руб. советскими деньгами и валютой. Все деньги оказались в руках органов госбезопасности и были переданы в доход государства.

В 1937 г. «Летов» выехал в Москву на встречу с японским военным атташе полковником Такаяма, получил от него ряд разведывательных заданий. Дальнейшая работа с агентом продолжалась в столице – оперативная игра с японцами в их стране была прекращена.

Контрразведывательные операции, проведенные в этот период на территории СССР, содействовали и укреплению безопасности Дальневосточного региона. В конце 1920-х годов в процессе реализации операции «Старик», работа по которой велась несколько лет, выявлена и пресечена подрывная деятельность группы японских резидентов, проживавших в г. Никольск-Уссурийский со времени интервенции. Иностранцы наладили обширные связи с жителями города и окрестных населенных пунктов, организовали сбор разноплановой информации о СССР, с помощью корейских контрабандистов создали канал переправки в японские разведывательные органы, расположенные в Корее и Китае (ОА УФСБ ОО. Ф. 90, оп. 3, д. 15, л. 15–16).

В результате разработки операции «Полковники» в 1929 г. вскрыта контрреволюционная организация «Всероссийский национальный союз»: она действовала во Владивостоке, имела связь с зарубежными антисоветскими центрами и подготавливала вооруженное восстание. Во главе ее стояла группа бывших белых офицеров. Органам ОГПУ, внедрившим своего сотрудника, удалось предотвратить мятеж и получить данные на другие аналогичные организации в регионе (ОА УФСБ ОО. Ф. 90, оп. 3, д. 15, л. 26).

Серьезных результатов дальневосточные чекисты добились и в плане обеспечения экономической безопасности СССР. Так, в конце 1920-х годов была вскрыта и пресечена незаконная валютная деятельность японцев, которые использовали находящиеся во Владивостоке транзитную фирму «Такаоко», транспортную контору «Синья Сиотен», а также владивостокскую контору «Чосен банка». В 1927–1929 гг. эти коммерческие предприятия

практически не работали по своему профилю, а нелегально скупали золото, драгоценности, иностранную валюту и советские червонцы, которые переправляли за рубеж (в том числе дипломатической почтой китайского консула во Владивостоке) или передавали другим японским фирмам на территории СССР. Органы ОГПУ привлекли к уголовной ответственности более 10 человек, большинство из которых – японцы, предотвратили нелегальный вывоз за рубеж ценностей на сумму в несколько десятков тысяч советских рублей (ОА УФСБ ОО. Ф. 90, оп. 3, д. 15, л. 30–31), а валютные операции в регионе стали совершаться на законной основе. В этот же период пресечена деятельность трех групп, контрабандным путем доставлявших из Харбина фальшивые червонцы и распространявших их на советской территории (ОА УФСБ ОО. Ф. 90, оп. 3, д. 15, л. 32).

Обезопасить наши границы позволила и нейтрализация китайских банд в рамках операции «Приезжие». В 1926 г. главарь хунхузов на Дальнем Востоке Пан Фунмин приехал в СССР с предложением создать вооруженные отряды под видом организации освободительного движения в Китае. Заявляя, что его цель – желание помочь своему народу свергнуть режим Чжан Цзолина, Пан Фунмин стремился получить от России деньги и оружие и создать на нашей территории воинские формирования численностью до 50 тыс. чел., которые должны были перейти в его полное подчинение. В процессе разработки операции на советскую территорию было выведено и разоружено несколько десятков банд, а деятельность Пан Фумина скомпрометирована в глазах его ближайшего окружения (ОА УФСБ ОО. Ф. 90, оп. 3, д. 15, л. 14).

Приведенные примеры характеризуют лишь малую часть работы, проводившейся органами государственной безопасности Дальневосточного края. Меры по локализации акций иностранных разведывательных органов и антисоветских организаций позволили в значительной мере стабилизировать политическую и общественную обстановку в регионе. Тщательно разработанные вооруженные выступления банд против СССР были сорваны.

Кропотливая работа по внедрению своих сотрудников в антисоветские центры за рубежом, сбору информации об их замыслах, враждебных акциях, кадровом составе и агентуре позволила чекистским органам создать условия, практически исключаяющие подрывную деятельность на территории СССР и значительно ее затрудняющие в зарубежном приграничье. В октябре 1925 г. начальник второго отдела японского Генерального штаба полковник Камацубара, определяя задачи на следующий год, отмечал, что «ввиду строгости полицейской охраны в России заниматься в ней разведкой будет трудно», и потому «на разведывательные органы в Маньчжурии и Пограничной возлагается спокойное изучение положения военного дела в России» (ОА УФСБ ОО. Ф. 65, оп. 1, д. 99, л. 60).

В 1922–1930-х годах разведывательные и контрразведывательные органы ПП ОГПУ ДВК нарабатывали профессиональный опыт, создали сильный кадровый потенциал, что позволило активно противостоять Японии в «войне разведок», которая развернулась в 1930–1940-х годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: БГУ, 1999. 432 с.
2. Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М.: Вече, 2002. 512 с.
3. Николаев С. Маки-Мираж. Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск: Кн. изд-во, 2000. 240 с.
4. Органы государственной безопасности Приморья. Взгляд в прошлое во имя будущего: материалы науч. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. 176 с.
5. Показаньев А.Д. На крутых поворотах. Благовещенск: Приамурье, 2007. 168 с.
6. Прянишников Б.В. Незримая паутина. М.: Яуза: Эксмо, 2004. 576 с.
7. Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 384 с.
8. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003. 384 с.